

ЛЕДОВЫЙ ПУТЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Я люблю Авачинскую бухту.

И не потому, что она самая большая в мире, что в ней, как утверждают многие, одновременно может разместиться весь мировой флот. Она еще и удивительно красива. Каскад островерхих вулканов обрамляет ее. И кажется, стоишь перед гигантским полотном, неведомым шедевром гениального художника.

Я давно уже обратил внимание, что когда идешь к бухте, замороженно смотришь на нее, то никогда не закуливаешь. Не хочется. Забываешь. Такое со мной бывает только в музее.

Здесь, на берегу Авачи, хорошо мечтается. Я сюда приходил всегда, когда готовился к далеким путешествиям.

Побродив вдоль берега, возвращаешься уже на закате. Взираясь на сопку Любви, которая отделяет бухту от Петропавловска-Камчатского, взглянешь, бывало, в последний раз на пестрые огненные блики сказочного ковра, улыбнешься Аваче и попрощаешься, как с живым существом: «Салют, родная! До встречи».

И не раз приходил на встречу. После разлуки. И перед новой разлукой.

Летом 1972 года вместе с моим другом, настоящим морским волком, прекрасным яхтсменом Вячеславом Пантелеевым, на небольшой упругой яхте «Дельфин» мы выходили в бухту почти каждый день. Дух захватывало всякий раз, когда приближались к Трем братьям — трем гигантским скалам, стоящим бок о бок у входа в открытый океан. Нас тянуло сюда — на простор, где и цвет воды другой — более небесный, и волны покруче, и белые «барашки» побелее и покрупнее. Но слишком мал наш «Дельфин». Он даже меньше тихоокеанского «барашка». Да и не делается это так просто — захотел и вышел в океан. А главное — тогда у меня была другая цель, другая дорога.

* * *

Знаменитые скалы при утренней зорьке отражают красный свет, и кажется, от них идет жар, как от раскаленных камней.

Вечером, на закате, Три брата одевались в траур и были отчетливо видны на алом фоне горизонта.

Десять лет я прожил на Камчатке, исходил ее вдоль и поперек, изучил и по-настоящему полюбил. Меня интересовали ее первопроходцы.

Витус Беринг. Вот что написал командор в рапорте в Государственную адмиралтейств-коллегию: «В прошлом 1737 году октября 1 дня отправлены команды нашей на судно «Фортуна» подпоручик управляющий геодезистскую должность Иван Свистунов да подштурман Родичев и велено им по данной от меня инструкции по прибытии на Камчатку Авачинскую бухту вымерить и списать».

Иван Свистунов выполнил все пункты беринговой инструкции и «учинил» карту.

Замечательные путешественники и исследователи С. Крашенинников и В. Гюшов. Это они в разное время и по разным маршрутам прошли по Камчатке, изучили ее и оставили потомкам бесценные труды.

В то лето я читал о Камчатке особенно много: готовился совершить поход по маршруту красноармейцев, которые в 1923 году прошли на собаках по Камчатской тундре более двух тысяч верст и на севере добились последнего оплота белогвардейщины, сделали последний выстрел в Гражданской войне.

Исследователи утверждают, что поход красноармейцев по зимней Камчатке и части материка — самый тяжелый и самый продолжительный в истории всех войн. Этим маршрутом и предстояло нам идти.

Никогда никому прежде не доводилось сразу, одной экспедицией пройти по всем без исключения населенным пунктам огромного полуострова.

* * *

Чем ближе начало путешествия, тем реже встречались с Авачей. Дело шло к осени, а в бухте даже летом температура воды бывает всего четыре градуса. Вскоре и яхту вытащили на берег, но к Аваче все же навевывались. Чаще всего вместе с Никитой Михалковым: военно-морское командование рекомендовало для участия в экспедиции старшего матроса Михалкова как представителя воинов Петропавловского гарнизона.

Повезло нам с шефами — газеты «Камчатская правда» и «Камчатский комсомолец» сделали все возможное для помощи в организации сложной и длительной экспедиции. Кроме того,

обе газеты оформили нас на время похода своими корреспондентами. Я представлял в пути «Камчатскую правду», Никита Михалков — «Камчатский комсомолец». В этой книге использованы репортажи, которые писал Никита для областной молодежной газеты.

С сопки Любви хорошо видна панорама Петропавловска. Единственная магистральная улица протянулась на несколько десятков километров вдоль побережья. Именно на этой улице пятьдесят лет назад выстроились двадцать молодых парней. По приказу своего командира Григория Чубарова заняли места у собачьих упряжек, готовые отправиться в путь, который потом историки окрестят «ледовым», «фантастическим», «легендарным».

Мы смотрели с сопки Любви на город, на бухту, которая успела уже окольцеваться мелкими торосами, и думали, что чубаровцы тоже были здесь. Они не могли не знать о давней доброй традиции «края света» — непременно перед дальней дорогой идти к Аваче. Прощальный взгляд на бухту — как талисман в долгом и трудном пути.

У меня в руках увесистая папка. В ней собраны по крупичкам, лист за листом, документ за документом материалы о том, как двадцать молодых парней, разделившись на две группы, зимой 1923 года прошли на собаках и оленях через весь полуостров Камчатка на север к матерiku. Более двух тысяч верст. Шли с боями и шли на бой, не подозревая, что им суждено завершить Гражданскую войну.

Перелистываешь папку и понимаешь, как тяжело им пришлось. Ребята день и ночь шли в пургу и мороз. Собаки дохли от голода и холода. А люди продолжали идти. Но больше всего удивляет то, что у каждого из них было по два-три класса образования, а они делали записи, вели дневники. Ими описаны все поселки полуострова: сколько живет человек, сколько из них мужчин, женщин, детей. Чем они занимаются. Национальность. Вероисповедание. Какие иностранные торговые фирмы их обирают. Собраны данные о местности, о погоде, даже о глубине снежного покрова.

Вот какой бесценный клад был у меня в руках.

Известны имена всех двадцати ребят. Я много знал о них. Можно было сесть за стол и написать книгу. О последней странице в Гражданской войне, об уникальнейшем походе на собаках по бескрайней тундре, о молодых бойцах, многие из которых впервые начали бриться после последнего выстрела в

последнем бою. Можно было написать сценарий и снять интереснейший фильм.

Но прежде чем взяться за это поистине ответственное дело, необходимо было пережить самому хоть немного из того, что пережили они. Так было бы честнее. Словом, нужно совершить поход на собаках по Камчатке и Чукотке. Повторить маршрут ребят. Как минимум.

* * *

Когда с борта самолета обзриваешь Камчатку, то чаще всего видишь только белые вершины вулканов. Они всегда белые — и зимой и летом. Иногда можно увидеть нечто похожее на негативную пленку: белую сопку с черной вершиной, которая на общем каком-то меловом фоне выделяется особенно контрастно. Это значит, что накануне извергался вулкан и застывший поток лавы создал плешину, похожую на обсевок в хлопковом поле. Но это, конечно, на время. Очередной циклон принесет обильные снега, и обсевок исчезнет.

Первое, о чем думаешь, глядя на белую и холодную панораму Камчатки, — это о безжизненности. Будто летишь над другой планетой. Может, поэтому люди здесь в самолете всегда молчат. Сосредоточенно смотрят вниз, то щурясь от обилия света, то широко раскрывая, удивленно и изумленно, глаза. Иногда встречается сопка, похожая на усеченный конус. Пролетая низко над ней, можно увидеть бурлящий кратер, выпускающий клубы желто-голубого дыма. Нередко в таком кратере обнаруживаешь настоящее озеро с тихой, ровной гладью, в котором переливаются и плавают мозаичные радуги.

Суровый частокол вулканов, медленно проплывающий под брюхом самолета, сменяется бескрайней тундрой. Но от этого чувство холода и ощущение все той же безжизненности не покидают тебя. Скорее, наоборот, еще более усиливаются.

То там, то тут встречаются одинокие юрты и олени стада. Они делают тундру пестрой, напоминающей гигантскую шкуру белого оленя с редкими черными пятнами. Часами можно смотреть сверху на полуостров и не увидеть ни одного домика. Смотришь и невольно задаешь себе вопрос: где же, в конце концов, на этой не похожей на землю земле живут люди? Где же мы сами живем?

Но на Камчатке, как, наверное, в каждой пустыне имеются свои оазисы. Это — оба побережья и долина реки Камчатки. Вот здесь и живут люди. Здесь же — по восточному и западному

побережью и по долине самой могучей реки на полуострове — проходили и маршруты первопроходцев, исследователей края.

На первых картах, или, как они тогда назывались, «чертежах», Камчатка имеет самые причудливые формы. И похожие и непохожие на те, к которым мы привыкли сегодня. Пожалуй, общим, так сказать, постоянным у всех авторов было лишь то, что они неизменно изображали реку Камчатку. Реку, которую я проходил на крохотных плоскодонках много раз.

С годами и веками маршруты не менялись. Люди проходили только там, где можно проходить. Не случайно знаменитая Долина гейзеров была открыта совсем недавно — в 1941 году.

По традиционным маршрутам пролегал и путь двадцати красноармейцев во главе с красным командиром Григорием Чубаровым.

* * *

Еще не было готово решение руководства области о походе, не был даже известен окончательный состав экспедиции, но процесс подготовки уже имел свое название: «Спички». И я, и Никита Михалков зlostные курильщики, но название это к нашей вредной привычке не имело никакого отношения. Дело в том, что когда мы составляли перечень вещей, необходимых в походе, и скрупулезно записывали все до мелочей, вплоть до иголки с ниткой, выяснилось — спички забыли. Спohватившись, решили отпечатать перечень на машинке, начиная его со слова «спички».

Операция «Спички» заняла у нас очень много времени. Обмундирование, средства передвижения, в том числе собачьи и оленьи упряжки, а это, значит, и корм для тягловых сил, кинофотоаппаратура — словом, все вплоть до того, где хранить сами спички. Но, пожалуй, главным и наиболее трудным был подбор остальных членов экипажа. Нужны четверо. Меньше — маловато. Больше — многовато. Ведь четверо — это уже минимум четыре упряжки, минимум сорок собак. Попробуй, прокорми такую стаю. Пока имелись две кандидатуры: я, как организатор похода, и Никита Михалков, как представитель от воинов, кинорежиссер.

Как я уже говорил, военно-морское командование рекомендовало Никиту Михалкова своим представителем в экспедиции. Поскольку поход совершался по маршрутам боевой и революционной славы отцов, никак нельзя было без военнoслужашего, а точнее, учитывая Камчатку, без военного моряка. Кроме того, предстояло снять фильм о Камчатке, для этого нужен ки-

норежиссер. Мы имели на руках документы пятидесятилетней давности, в которых подробно описывалась тогдашняя Камчатка. Можно было проводить определенные сравнения, параллели. Заново описывать поселки. И конечно, отнять все на пленку, сделать фильм о преобразованном крае.

Итак, двое есть. Осталось найти еще двоих. Причем один должен быть непременно представителем коренного населения Камчатки — коряком. А другой — работником обкома ВЛКСМ, так как шефом похода был комсомол.

В выборе представителя коренного населения помогло камчатское радио. В одной из литературных передач читали стихи корякского поэта Владимира Косыгина. Там были такие слова: «Снова манят меня на простор тропы оленьи!» Эврика! Напрасно я ездил по всему полуострову в поисках будущего члена экипажа. Всесильная поэзия мгновенно решила вопрос. Литературный псевдоним Владимира Косыгина — «Коянто». По-корякски это значит «оленный человек». Многие корректоры, работая над нашими газетными материалами, слово «оленный» переправляли на «олений». Это разные понятия. Олений (коряк), по Крашенинникову, — это человек, который ведет кочевой образ жизни. То, что надо. Да и первая книжка Коянто называется «Оленьими тропами». Сразу пошла телеграмма в Палану — центр Корякского национального округа, и через неделю Володя уже был в городе (Петропавск-Камчатский — единственный город на Камчатке, поэтому, когда здесь говорят «город», всем ясно, что речь идет о нем).

Четвертого члена экипажа предложил обком комсомола Евгений Миловский. Заведующий лекторской группой. Худой. Высокий. Носит очки. Кстати, и Володя Косыгин тоже носит очки, тоже худой. Но роста маленького. Секретариат Камчатского обкома партии вынес постановление о нашей экспедиции, и 29 октября 1972 года — в день рождения Ленинского комсомола — четыре человека, одетые в одинаковые теплые куртки, отправились в поход из Петропавловска-Камчатского.

* * *

Выехали из города — и такое впечатление, что, оставив уютный, теплый дом, теперь уже никогда не согреешься. Почувствовали себя бродягами, сиротами. Не верится, что здесь не было никакого города 240 лет назад, когда великий Беринг вошел в Авачу на пакетботах «Святой апостол Петр» и «Святой апостол Павел».

Потом два судна разошлись в море. «Петр» погиб у берегов необитаемого острова, там же во время зимовки от цинги и голода погибли многие члены его экипажа. Погиб и Витус Беринг, прописавшись навечно на острове, носящем его имя. Немало жертв было и на «Павле». Прошло время, и названия пакетботов объединились на вечные времена в названии города: Петропавловск, Петропавловск-Камчатский. Наш город.

Немногим более ста лет назад (1866) первая дальневосточная газета «Восточное Приморье» писала о Петропавловске: «Всех жителей в городе 263 мужчин и 208 женщин; зданий 121, из них частных 79 и лавок 8, церквей 1 и часовен 2, купцов I гильдии 4, II гильдии — 10, прикашичьих свидетельств 27 и 1 на развозной торг. Собак ездовых 408... Приход судов в продолжение навигации 1865 года 18».

Не густо. Жителей — всего 471 человек. Не больше 500 было и в 1854 году. Однако этого оказалось достаточно, чтобы отбить атаку эскадры английских и французских кораблей, очистить воды красавицы Авачи от непрошенных гостей. Двадцать четвертого августа петропавловчане схоронили на Никольской сопке как своих павших воинов, так и побежденных. Таков морской закон. А Петропавловск — город моряков.

Вот какой этот город. Мы расстались с ним, чтобы вновь встретиться через... чтобы вновь встретиться после похода.

* * *

Обледенение судна. Жуткая картина. Какой бы ни был крепкий мороз, сил у него не хватит, чтобы сковать льдом бурлящий океан. Но волна, отдельная волна, нахлынувшая на судно, подвластна морозу. Она застывает, превращаясь в ледяное одеяло. С каждым часом судно растет, пухнет, становится похожим на бесформенный айсберг. Кажется, всему есть предел. Гора растет и может в любую минуту опрокинуть корабль, что, кстати, не раз бывало с маленькими судами, которых врасплох заставали ураган и мороз. Да, есть предел у стихии. Но где предел у сил человеческих? И если собственная жизнь и жизнь товарищей находятся в твоих руках, а формула «один за всех — все за одного» из фразы превращается в дело, человек становится сверхчеловеком. И когда судно, презрев все конструкторские, заводские нормы допустимого крена, наклоняется, да так, что черпает воду, которая уже не стекает, а превращается в уродливый каток, тогда человек яростно сжимает холодный железный лом и наносит им такой удар, от которого

стремительно падает в пучину огромная ледяная скала, и на борту начинают вырисовываться крупные буквы названия судна. В этот миг нельзя не улыбнуться милому контрасту: пятидесятиградусный мороз, ревущий ураган, черный океан, похожий на бесконечный город с многоэтажками из пенистых волн, и удивительно теплое слово «Узбекистан».

Все-таки здорово, что судам дают такие теплые названия: «Узбекистан», «Куба», «Кушка», «Армения», «Солнцегорск»...

С первой же минуты старта нашего похода операцию «Спички», по логике вещей, можно было считать завершенной. Однако, продумав все и вся, мы забыли об одной детали. У нашего похода не было названия. Вот тут-то нам и помогла северная традиция. Искали «теплое» слово. И нашли. Всем нашим средствам передвижения, включая автомобили, мотолодки, вездеходы, аэросани, вертолеты, олени и собачьи упряжки и даже снегоступы — всему этому мы решили дать название «Карабах». Это моя родина. Никто, кроме меня, там не был, но я убедил всех, что Карабах — самое теплое место в мире. Остальные члены экипажа, родившиеся далеко не в теплых населенных пунктах, утвердили единогласно — «Карабах».

...Вначале нашим «Карабахом» был УАЗик. За каких-то полчаса добрались до поселка Елизово — центра самого большого на Камчатке Елизовского района. Всего 32 километра от Петропавловска. Чубаровцы проехали этот отрезок почти за сутки.

...Это было 18 января 1923 года. Двадцать красноармейцев с двадцатью каюрами на двадцати собачьих упряжках начали свой многомесячный «ледовый путь». Дороги как таковой тогда не было. Приходилось самим ее прокладывать, точнее, протаптывать, чтобы собаки не проваливались в снег. Нарты были груженые. Везли с собой оружие, в том числе и пулеметы. Люди шли на бой и знали, что не исключена возможность встречи с врагом непосредственно в пути.

Еще до начала нашего похода обком комсомола разослал во все районы постановление, в котором, кроме всего прочего, указывалось, что мы будем встречаться с трудящимися, со школьниками, с молодежью и выступать перед ними. Тогда мы этому не придали особого значения и не могли себе представить, сколь ответственную и трудную задачу поставили перед нами. Каждая минута дорога. Маршрут и сроки для нас — святая святых: нельзя их нарушать. И вдруг встречи, выступления.

В первый же день похода к нам в Елизово подъехал на своем «газике» секретарь райкома партии В. А. Санталов.

— Никаких возражений, — сказал он, — сейчас я вас повезу в аэропорт. Там заканчивается профсоюзное собрание летчиков, и они уже предупреждены, что вы перед ними выступите.

Мы ехали с веселым и очень энергичным секретарем райкома и с некоторой опаской думали о предстоящей встрече. Мы друг друга практически не знаем. Не знаем, кто о чем должен говорить с трибуны. Правда, везем с собой несколько фрагментов из различных фильмов, в которых снимался Никита, — мы рассчитывали показать их в тундре оленеводам. По крайней мере, сам Никита не хотел демонстрировать их в больших поселках, чтобы не превратить экспедицию в актерское турне.

В просторном зале только что закончилось профсоюзное собрание. Время было позднее, но никто не собирался уходить. Владимир Санталов вывел нас на сцену. Мы по-прежнему чувствовали себя неуверенно. В самом деле: полчаса проехали в новеньком УАЗике и попали словно с корабля на бал. Сцена. Трибуна. Стол президиума, накрытый зеленой скатертью.

Начал Женя Миловский, наш тихий и скромный комиссар. Он представил участников экспедиции, сказал немного о каждом. Потом выступил я. Рассказал о Чубарове и «ледовом пути», о задачах нашей экспедиции. Затем передал слово Никите, одетому в форму старшего матроса тихоокеанского флота. Вопросы сыпались со всех сторон. И Никите пришлось подробно рассказать о том, как снимают кино. А потом раздались голоса:

— Фильмы давай.

Пришлось подчиниться. Но прежде чем показывать фрагменты из фильмов с предварительными комментариями Никиты, Женя Миловский пригласил к трибуне Володю Косыгина. И вот тут-то мы поняли истинную цену веселого коряка в предстоящем походе. Он читал стихи. Великолепные стихи. Кто-то из зала выкрикнул:

— Про оленя!

Володя подошел к краю сцены, остановился, поднял руку и начал спокойно:

Я видел,
Как олени плачут,
Когда им нож
Вонзают под лопатку.
Впервые вижу,
Как олени пляшут...

Читал он много. Встреча с участниками экспедиции, по сути дела, превратилась в творческий вечер поэта Владимира Косыгина и Никиты Михалкова.

Не один год Володя Косыгин и его друг Георгий Поротов, автор многих корякских песен, ставших народными, ездили по родной Корьякии и выступали перед оленеводами. Они пели песни, танцевали прямо в тундре или в дымном чуме. Мы знали об этом. Но видеть их выступление не приходилось. И вот теперь вместе со всеми испытали удовольствие. Володя исполнял шуточные корякские танцы с бесхитростными движениями и весело припевал очень звонким голосом.

Это был настоящий праздник, и прежде всего для нас. Иметь такого спутника, как Володя, в тяжелом и долгом пути — просто счастье.

На следующий день члены экспедиции приступили к своим непосредственным делам и начали собирать материалы о районе.

* * *

В каждом поселке непременно заходили к статистикам и плановикам. Имея на руках данные пятидесятилетней давности, мы получили возможность проводить сравнения с сегодняшними показателями.

Понятное дело, наивно сравнивать сегодняшнюю жизнь с тринадцатым или с двадцать третьим годом. Но, пожалуй, это в большей мере относится к европейской части страны. Там все очевидно. Совсем другое дело — Камчатка. Она как бы стоит особняком.

В одном из дореволюционных журналов написано, что для ликвидации безграмотности в таких районах, как Камчатка, потребуется... четыре с половиной тысячелетия. И думается, что напрасно некоторые историки посмеиваются над дореволюционными футурологами, называя их «горе-пророками». Журнал увидел свет в 1906 году. Что бы ни говорили о наших кошмарах, о которых мы впервые узнали из документов XX и XXII съездов КПСС, надо признаться, что страна все-таки встала на ноги.

* * *

Командование экспедиционным войском, расположившееся в Петропавловске, тщательно следило за ходом передвижения Чубарова. Через день после начала похода во все сельские комитеты была разослана телеграфом просьба «сообщить в штаб войск Охотско-Камчатского края, какие имеются продукты питания, теплая одежда, в каком количестве и на какое

число людей... Возможна ли заготовка продуктов питания и перевозка их между селениями».

Во многих местах, в частности, от Апуки до Караги и от бухты Корф до Гижиги, находились только белые. Было известно, что остатки белогвардейцев шастали по полуострову. Об этом хорошо знали и красноармейцы, идущие на север. Но другого пути у них не было. Правда, чубаровцы не предполагали, с каким трудом им придется передвигаться.

* * *

«19 января. Добрались до Завойко. Устали. Сил нет писать донесение. Напишу завтра». Эта запись принадлежит Василию Зенкову. А вот что пишет Григорий Чубаров: «Доношу, что сего числа прибыли в Завойко. Остановились ночевать. Все благополучно. Дальше продолжать путь сегодня не могу ввиду того, что собаки выбились из сил, бойцы тоже устали, все время шли на лыжах. Завтра, 20-го, предполагаю выступить в 5 часов. Телеграф здесь не работает, попорчен».

Устали, хотя прошли каких-то 32 километра. Написал «каких-то» и подумал: сколько раз доводилось видеть, как отлично тренированные спортсмены-лыжники сходят с тридцатикилометровой дистанции, выбившись из сил. А тут на сделанных наскоро лыжах, в тяжелой одежде, с оружием красноармейцы шли впереди упряжки, протапывая собакам дорогу. Садиться на нарты они не могли. «Пулеметы и другое оружие — груз на вес золота».

В Завойко (ныне Елизово) участники похода спали не больше пяти часов. Они спешили, но в то же время знали, что на пути не должно быть ни одного чисто транзитного поселка. Необходимо проводить исследовательскую работу везде и всюду. И вот появляется дневниковая запись: «Завойко. Количество дворов — 34, численность населения — 77, школа одна, церковь одна. Население обирают торговцы фирмы “Виттенберг”».

Таким был поселок пятьдесят лет назад.

Сегодняшнее Елизово считать по дворам уже невозможно. Население выросло более чем в 200 раз.

Поселок раньше числился в составе Петропавловского района. В 1949 году образован самостоятельный Елизовский район, в который входили Моховая и Сероглазка, ныне ставшие частью самого Петропавловска.

Чубаровцы в Завойко встретили всего двух грамотных. Сегодня в школах, где учатся 7300 детей, преподают более 300

учителей. В 19 библиотеках насчитывается 194 тысячи книг. Это значит, на каждого жителя района, включая грудных детей, приходится по 4–5 книг. В клубах района одновременно может разместиться около четырех тысяч человек.

Во времена похода Чубарова здесь не было ни одного медицинского работника.

Сегодня в одном только Елизовском районе более 80 врачей, 190 средних медицинских работников, 255 больничных коек и санаторий на сто мест.

За четверть века до чубаровского похода русский врач и путешественник В. Тюшов писал: «Развести скот в таком количестве, чтобы возможно было постоянно питаться мясом, говорят, невозможно». Далее автор рассказывает о комическом случае, когда камчадалам показали, как выращивать репу, и она осталась небранной только потому, что им не понравились горькие листья репы, а о том, что плод находится под землей, они не знали.

«Развести скот невозможно». Так считали не только путешественники — исследователи края, но и сами жители, и многие ученые.

Развивать сельское хозяйство нужно было с нуля. Наверное, не все знают, что домашние животные, акклиматизировавшиеся на юге Камчатки, по сути, новые породы, для выращивания которых пришлось трудиться десятилетиями. К примеру, стоило колоссальных сил к 1950 году вырастить в районе 500 кур. К 1972 году цифра эта увеличилась до четверти миллиона, и рядом с ней другая цифра — около двадцати двух миллионов штук яиц в год.

Пожалуй, наиболее разительные изменения в животноводстве. Четыре тысячи коров в 1950 году и 12 тысяч сейчас.

Цифры эти взяты в районном статистическом управлении.

* * *

Начики. Симпатичный поселок. Всего в ста километрах от Петропавловска-Камчатского, но разница в метеоусловиях между ними такая, как, скажем, между Москвой и Якутском. Вот и сейчас в городе температура плюсовая, а в Начиках, куда мы прибыли в час ночи, термометр показывает минус 25. Когда стекла «Карабаха» начали запотевать, все четверо сняли тяжелые ботинки с протекторами и стали натягивать на ноги новенькие чижы — носки, сшитые из хорошо выделанной оленьей шкуры шерстью внутрь, — и новенькие торбаса — сапоги, тоже сшитые из оленьей шкуры, но шерстью наружу.

— Будем ехать дальше или остановимся? — спросил Толя, шофер «Карабаха».

— Заверни направо. К санаторию.

...Главного врача Начикинского санатория Виктора Авдиенко разбудили среди ночи. О нашем приезде он знал, но не ожидал, что явимся в столь неурочный час. Авдиенко предложил экипажу единственную свободную двухместную палату и процедурный кабинет. Очень хотелось спать. Проехали каких-нибудь семьдесят километров, но потратили на это целый день. Правда, зато посетили четыре маленьких поселка и охотничий домик.

Из архива: «Начики. 100 верст от Петропавловска. 13 дворов. 70 человек. Торговая фирма «Фукуда-Гуми». Население от Петропавловска до Начика включительно называется камчадалами, но это население не коренные камчадалы. Это потомки, то есть третье поколение (теперешние хозяева средних лет) русских переселенцев различных губерний. Говорят на русском языке, камчадалского не понимают. Акцент особый, на «ц». Произношение слов неправильное, речь понятная, но при разговоре их между собой труднопонимаемая. Начики считаются самым снежным местом из всего округа. Пурга и ненастье бывают часто. Начикинский горячий ключ с грязями — лечебный, в непродолжительный срок вылечивает от ревматизма. Ключ находится в одной версте от селения. Имеется ванная на ручье и в грязи в сторону горячего ключа. В 1,4 версты от селения имеется золото. В 18-м году жители ходили добывать и добыли очень мало. До золотоносного слоя не докопались, и яму затопило водой из земли. В горе «Шапочка», четыре-шесть верст от селения на юг, имеется золото и цинковая руда. Золото добыто по несколько золотников хищниками в 12–13-х годах».

Если не обращать внимания на некоторые стилистические погрешности, запись эта напоминает страничку из блокнота какого-нибудь этнографа, социолога или геолога, члена научной экспедиции. Хорошо виден подлинный творческий подход к осуществлению намеченной цели, к выполнению задания. Вряд ли их подвиг перестал быть подвигом, если бы они прошли маршрут, только чтобы уничтожить банды Бочкарева и Полякова. Ведь именно в этом заключался боевой приказ ревкома. Но чубаровцы действовали как хозяева советской земли. Зная, как нелегко повторить их путь, чубаровцы, презрев усталость и лишения, «по ходу дела» стали изучать и с научной скрупулезностью описывать забытый, забитый, заброшенный край.

Годы спустя там, где «имеется ванная на ручье и в грязи», был построен уникальный на Дальнем Востоке санаторий. Вот что нам рассказал Виктор Иванович Авдиенко.

Более двух десятилетий назад здесь был возведен корпус санатория, который принял первые 25 человек, нуждающихся в лечении. Первых пациентов доставили сюда самолетом. В одном деревянном здании располагались и палаты больных, и обслуживающий персонал, и администрация, и хозяйство. В 1960 году был построен ванный корпус, имеющий 11 ванн, душевые, кабинет физиотерапии. И с этого года санаторий принимал 1500—2000 человек в год. Уникальные по своим лечебным свойствам термальные источники стали базой для лечения различных полиартритов, спондилезов, нервных и кожных заболеваний.

Используя тепло термальных вод, здесь круглый год выращивают помидоры, огурцы, зеленый лук. Одним из главных компонентов в общем комплексе лечения является питание. И медики здесь делают все, чтобы стол пациентов по богатству витаминами ничем не уступал прославленным санаториям на материке.

В преодолительские годы сюда приезжают сборные команды страны, отдыхают и тренируются. Путь к золотым финишам многих героев белой Олимпиады был начат в Начиках.

Планируется построить закрытый и открытый бассейны. Главный врач уже сейчас мечтает о создании первой в мире лодочной станции, где пациенты смогут кататься на лодках по теплой минеральной воде.

На территории Елизовского района чубаровцами были описаны еще два поселка: Малки и Ганалы.

Секретарь райкома партии В. А. Санталов рассказал нам о том, как они стараются приблизить многие хозяйства к центру. Такой подход к решению ряда экономических задач наиболее целесообразен, учитывая климатические условия и большую отдаленность населенных пунктов друг от друга. Вот почему некоторые поселки с годами не только не расширяются, а, напротив, как говорится, сворачиваются. К ним и относятся Малки и Ганалы. И, тем не менее, записи, сделанные пятьдесят лет назад, представляют для нас определенную ценность и сегодня: «Селение Малки. Имеется 20 дворов. Численность населения 58 душ. Стариков — двое. Главное занятие населения — охота. В разное время года бывает скупщик Талинов, который скупает пушнину в обмен на продукты (муку) и иногда на йены. В этом селении имеются отделения торговых фирм “Гудсон-Бей” и “Фукуда-Гуми”».

На 58 душ один скупщик и два отделения довольно могущественных торговых фирм. Вот почему «в селении имеется лошадей — 20 штук, нарт — 23, телег — 5, седел — 20, лодок — 25, лыж — 35 пар». Иногда можно слышать рассказы о том, как в том или ином поселке в старину бывало «всякого добра полно». Но ведь никто не знает или не задумывается над тем, что «все это принадлежало отделениям торговых фирм».

Из 36 человек (все камчадалы) в Ганалах мужчин было всего десять. Предположим, все десять были охотниками. А сколько было обирателей: «Из скупщиков в селении бывают Талинов, Цехо, Подпругин, Любашев и др.». И это не считая представителей вышеназванных иностранных торговых фирм.

Наверное, в то время не было другого края, где так безнаказанно и так беззастенчиво ловкие предприниматели грабили местное население. На каждого человека в поселке приходилось менее 100 фунтов (фунт — около 400 г) муки в год, зато пороха — более 200 фунтов. 36 человек, из них 16 детей, и «грамотных в селении совершенно нет, школы нет».

* * *

Еще до прибытия чубаровцев в Петропавловск полуостров и близлежащие к нему острова пришельцы-торговцы поделили между собой. «Гудсон-Бей» чувствовал себя хозяином при любой власти на Камчатке. Он смело печатал объявление в газете: «Гудсон-Бей компания» телеграфирует, что скоро придут в Петропавловск два больших парохода с припасами и всевозможными товарами, специально выбранными для удовлетворения нужд населения...» Объявление завершалось фразой: «К сведению лиц, имеющих пушнину. Таковая будет приниматься на товары и золото».

Партизанские «Известия», которые выходили тогда в подполье, писали: «Ушедший под японским флагом из Петропавловска на Командорские острова пароход «Взрыватель» с представителями «особо уполномоченного» и торговой фирмы «Нихоон Мосхи» возвратился из плавания. Это посещение островов под сенью японского флага окончательно доказывает факт отдачи в аренду Командорских островов, а также единение интересов японских коммерсантов по разграблению русского добра на Камчатке».

В своих предположениях партизаны оказались правы, ибо вскоре газета «Камчатский листок», находящаяся в руках белогвардейцев, написала: «Командорские острова Временным

приамурским правительством сданы в аренду фирме «Демби, Гринер и К°». И наверное, чтобы иностранцы не грызлись между собой, благо островов хватало, появилось еще одно объявление: «Демби, Свенсон и К°» получено право на аренду Карагинского острова сроком на 12 лет».

Как все просто делалось. Словно зайца разделявали за столом. «Известия» Камчатского областного народно-революционного комитета писали: «Глупец Меркулов, понаслушавшись о камчатских богатствах: о бобрах, соболях, об охотском золоте, — не жалея средств и пароходов, снаряжает так называемую «Северную экспедицию» во главе с Бочкаревым, считая, что затраченное вознаградится сторицей... Но Бочкарев и его «добрые молодцы» хорошо знают, что меркуловщина не долговечна. Они хотят удрать за границу. Поэтому Бочкарев и не отсылает награбленное на Камчатке владивостокскому правительству, а владивостокское правительство никогда не пришлет в Петропавловск пароходов с товарами, средствами и продовольствием».

Чубаровцы пробыли в Начиках полтора дня. Это была последняя точка, где весь отряд был еще вместе. Все двадцать человек. Здесь им предстояло, как уже было сказано,делиться на две части, на две разведпартии. Первой разведпартией, которая должна была пересечь полуостров на запад и двигаться на север по Охотскому побережью, командовал Григорий Чубаров. Второй, которой предстояло по долине реки Камчатка дойти до ее устья и дальше двигаться на север по Восточному побережью, командовал помощник Чубарова Василий Зенков.

Все двадцать выстроились вместе в последний раз на чикинской развилке. Потом разделились на две части. По десять человек. Стояли друг против друга, шеренга против шеренги. Одним взглядом всех можно пересчитать. И все-таки, как положено по уставу, — проверка.

Первая разведпартия;

1. Чубаров Григорий — командир.
2. Чернов Андрей — коммиссар.
3. Русин Филипп — лекпом.
4. Макорин Александр.
5. Высоцкий Данил.
6. Вережкин Селиверст.
7. Зверев Иван.
8. Кондрашев Иван.
9. Никитин Денис.
10. Козлов Парамон.

Вторая разведпартия:

1. Зенков Василий — командир.
2. Гаврилов Михаил — коммиссар.
3. Строт Кузьма.
4. Сурашкин Иван.
5. Казаков Никифор.
6. Анашкин Иван.
7. Иванов Иван.
8. Кузнецов Никита.
9. Беряницын Петр.
10. Сувейзда Бронислав.

Горячий ручей вился среди снегов и морозов. Пар стоял над ним, скрывая уходящих в бескрайнюю тундру бойцов. Было солнечно, тихо. Только поскрипывали лыжи по насту, да позвякивало оружие за плечами.

Из Начиков мы выехали в полдень. В «Карабах» были аккуратно уложены вещи. Кроме необходимого снаряжения, мы везли два мешка с консервами и галетами и ведро маринованного мяса, готового в любое время превратиться в шашлык. По моему глубокому убеждению, в дороге самое удобное блюдо — это шашлык. Ведь во время привалов так или иначе приходится разжигать костер. А хорошо маринованное в луке мясо готовится за пять-семь минут. Кроме того, особенно в условиях зимнего севера, свежее мясо — самый богатый источник калорий. Не следует забывать и об остром томатном соусе, приправленном чесноком, перцем и уксусом. Он не только вкусен, но и несет еще одну дополнительную нагрузку, являясь прекрасным противогриппозным средством.

Итак, вещи и припасы уложены, и мы наконец выехали на большую дорогу, идущую в Мильково. Почувствовали усталость, всех потянуло ко сну. Володя, тот и вовсе уже храпел, устроившись на спальных мешках.

Но тут наш шофер, водитель неплохой, правда, малость самонадеянный парень, видимо, позабыл, что дорога покрыта ледяным панцирем. Он с ходу развил изрядную скорость, и машину начало швырять из стороны в сторону. Толя занервничал и стал давить на тормоза, но ничего уже не мог сделать. Бешеная инерция несла нас с прежней, ничуть не затухающей скоростью, как несет летящего лыжника после того, как он отталкивается от края трамплина. Машину сначала покрутило вокруг оси, и мы, не теряя скорости, некоторое время ехали задом наперед. Затем вновь УАЗик подставил морозному воздуху свою плоскую грудь, постепенно кренясь на правый бок.

Все молчали. Молчали даже тогда, когда «Карабах» катился на двух колесах, как велосипед. И тогда, когда «Карабах» скользил на боку, как на полозьях, подобно саням.

Кончилось все тем, что машина врезалась в снежный сугроб.

За ударом последовал грохот. Это загремели наши банки, вся наша утварь. В первые минуты после того, как скрежет и стук сменились неожиданной тишиной, никто не мог проронить ни слова. Может, поэтому причитания шофера Толи были так хорошо слышны и так хорошо нам запомнились: «Боже мой, на

правый бок, масло вытечет. Масло! Масло! Масло! Боже, Боже, Боже! Вытечет, вытечет, вытечет!» Слышал это даже едва проснувшийся Володя, который всю аварию проспал.

Стон не было. Значит, нет переломов. И в то же время никто не мог или не решился сдвинуться с места, несмотря на то, что каждый находился в невероятной позе, обложенный вещмешками, ведрами, коробками от кинолент. В самом низу лежал я, прижатый к дверце. Мне было тесно, так как сверху находился шофер Толя, беспрестанно повторявший: «Масло, масло, масло». Никиты не было видно. Его завалило кукулями и кухлянками. Откуда-то из глубины на поверхность доносились его невнятные выкрики.

Все трое в кузове были вымазаны красным томатным соусом. Впечатление такое, будто это кровь. Володя вначале именно так и подумал. Может, поэтому он и молчал, даже когда все начали галдеть. Женя, стоя на коленях, вытянул вперед руки и шарил по сторонам. У него упали очки, и он пытался в таком хаосе найти их.

Скарб вытащили на снег. Наконец, пришел обычный в таких случаях запоздалый страх с мыслями: «могли бы погибнуть», «могли бы пораниться». А когда страх прошел, все набросились на Толю. В самом деле, разве можно лихачить на такой дороге, в такой гололед и вообще в таком походе. Не в том даже дело, что могли погибнуть. Важно то, что нам доверили трудное и ответственное дело, и в самом начале такой позор. Так жалко и прозаически финишировать на старте.

Но, к счастью, все обошлось благополучно. Ни у кого не было ни царапины. Машину общими усилиями поставили «на ноги». Как и предполагал Толя, масло почти все вытекло. Правда, на оставшихся каплях можно было добраться до ближайшего поселка. Ближайший поселок назывался Дальний.

«Карабах», к нашему удивлению, завелся сразу. Все удары были мягкими, как на соломе. Чуть деформировался корпус, и задние двери не закрывались. Необходимо было выправить их, иначе невозможно ехать. Вещи могут выпасть невзначай. Да и холодно: как-никак ехать на машине чистого времени еще двое суток — не меньше.

В Дальнем вокруг машины собралась большая толпа. Все давали советы по починке дверей. Самые опытные говорили тоном, не терпящим возражений, что такую работу можно сделать только после праздников — авария наша случилась 6 ноября — и только после сложных слесарных работ. Наш шофер не соглашался с ними. Он долго мудрил, придумывал какую-то

конструкцию из двух жердей и в конце концов вместе с добровольными помощниками все выправил. Дверцы закрывались еще лучше прежнего. Этим Толя реабилитировал себя. И наш теперь довольно молчаливый экипаж продолжил путь.

* * *

Время пребывания на Камчатке наряду с жизненным опытом и добропорядочностью считается здесь одним из важных критериев оценки человека. Чем дольше он живет в этих местах, тем больше ему оказывается уважения. И неудивительно: те, кто живет здесь долго, как правило, сильные люди. Меня всегда тянет к таким людям.

В поселке Сокоч мы встретились с одним из них. Давнишний мой знакомый Николай Игнатьевич Илюхин приехал из Усть-Камчатска навестить родню.

Удивительный человек Илюхин. Он — потомственный плотник. Жил на севере полуострова, в Карагинском районе. Приехал вдвоем с женой, а через пятнадцать лет уезжать соби- рались с тремя детьми-школьниками. Спешили. Надо было за лето добраться до материка, чтобы дети успели в школу. Илюхины сели на пассажирское судно, последний раз помахали тихоокеанскому берегу и двинулись на юг, к Петропавловску, транзитному городу. Трудно и жалко было расставаться с Камчаткой — родиной детей. Но, как говорится, пора и честь знать. За полтора десятка лет ни разу не загорал. Хотя, конечно, дело и не в этом. Просто на Севере так уж повелось: рано или поздно надо уезжать. Илюхин привык к этой мысли. А вот самому дать вразумительный ответ, почему именно надо уезжать, не мог.

Когда судно проходило траверз Усть-Камчатска, разыгрался привычный для этих мест «скороспелый» шторм. Судно потеряло управление. Авария. Людей спасли. Их высадили в Усть-Камчатске.

В те драматические минуты и жена Илюхина, и дети удивлялись необычному, какому-то радостному настроению отца. Они не знали, что ураганный шторм разрешил все сомнения Николая Игнатьевича, терзающегося от самого факта прощания с Камчаткой, прощания навеки. Шторм положил конец самообману человека, открывшего свою Камчатку. Он понял: заученная формула «рано или поздно — на материк», сотни раз слышанная от людей, скорее, стала привычной, нежели осознанной. И теперь, в минуты сильного душевного волнения ему стало ясно, что уезжать нельзя, и он радовался, что сама судьба этому воспротивилась.

Николай Игнатьевич в первый же день высадки на берег стал строить дом.

— Зачем это ему? — удивлялись бывшие попутчики. — Месяц-два — и придет другое судно.

— Не успеет. А я детям обещал: в сентябре пойдут в школу.

— Ты хоть узнал, чудак-человек, есть ли здесь школа?

— А я могу и школу построить, — весело отвечал он.

И построил. И дети пошли в школу.

* * *

Чубаровцы ничего не писали о Сокоче. Такого села тогда не было.

И вот перед нами — Сокоч. Нам посчастливилось быть свидетелями чудесного, хотя и хлопотливого праздника: тридцать пять новеньких ключей в одной связке лежали на столе директора совхоза В. И. Ралдугина. Они ждали своих хозяев: рабочих, учителей, медиков, воспитателей детских садов и яслей.

Симпатичный многоцветный многоэтажный дом. Он красиво вписывается в комплекс так называемого микрорайона. Микрорайон в селе? Именно так. Ибо рядом с домом, как и предусмотрено по плану, находятся магазин, школа, детский сад.

* * *

Итак, мы идем по маршруту Василия Зенкова — командира второй разведпартии — по Мильковской трассе.

По обеим сторонам дороги от Начиков до Малок невысокие сугробы. Пока без лыж можно пройти как в сторону малкинской минеральной воды, так и в другую — к горячим источникам. От Малок до Ганал и далее по Ганальской тундре — огромные снежные сугробы: стоит сойти с дороги, как окажешься по грудь в снегу. Такое в Петропавловске увидишь только в январе, да и то после пурги. От Пушина до Шером идешь словно в сентябре. Вдали видны белые пятна снега, а под ногами пыль и гравий. Ближе к Милькову дорога снова белеет, но еще нет такой белизны, как в Начиках. За сутки можно проехать по разным климатическим зонам, по разным временам года.

...Донесений от красноармейцев из Пушина в Центр не было никаких. По крайней мере, в архивах нами ничего не обнаружено. Поэтому трудно было определить, когда Зенков со своей группой прибыл в это село. Но вот читаем в записях Зенкова: «Снег падает часто, помногу, в данное время (первого февраля) глубина до 2,5 арш., пурги бывают часто...» Фразу эту

впоследствии мы нашли в описании селения Пушино. Значит, группа прибыла в Пушино на тринадцатый день. 240 километров за 13 дней.

Пятьдесят лет назад Василий Зенков писал: «Мильково. Селение имеет 64 двора, 30 бань, 100 амбаров. Численность населения 450 человек камчадалов: мужчин — 70, женщин — 70, нетрудоспособных — 20, остальные дети, русских — 3.

Грамотных — 30 человек, малограмотных — 100, школ — 2, но функционирует одна, учителей — 2, учеников и учениц — 64 человека. Имеется кооператив и волостная аптека. Жители занимаются главным образом охотой и рыболовством. В селении имеются отделения торговых фирм: «Гудсон-Бей», «Демби», «Свенсон», «Коршунов», «Машихин», «Мионов»...»

Чубаровцы подробно описывали и местность, и метеоусловия. Измеряли и фиксировали глубину снега на том или ином участке, глубину реки, длину мостов. Они даже описывали колодцы, давая оценку питьевой воде.

Хотелось бы знать, как чубаровцы с присущей им скрупулезностью описали бы сегодняшнее Мильково. Возможно, это выглядело так:

«Мильково. Население 5300 человек. Сплошная грамотность. Имеется спортивный комплекс на 3000 мест. Новый районный Дом культуры — современное, прекрасное здание из стекла и бетона. Четыреста человек одновременно могут посмотреть фильм, постоянно функционируют спортивные секции в хорошо освещенном зале, а также коллективы художественной самодеятельности. Имеются десятилетняя школа на 706 учеников, восьмилетняя — на 376, интернат на сто учеников, которые живут и учатся на полном государственном обеспечении. Библиотеки районная и детская, с общим фондом в 31 тысячу книг. Музыкальная школа, где более ста детей занимаются по классу фортепьяно, баяна, народных музыкальных инструментов. Проведены первые километры асфальтированных улиц, которые освещаются в ночное время. В поселке имеется на каждых десять человек, включая грудных детей, один телефон. Практически все дома радиофицированы. Недалеко от Пушина строится ретрансляционный пункт, и недалек тот день, когда жители поселка и всего района смогут увидеть телевизионные передачи из Петропавловска и Москвы. За последние два года 18 мильковчан купили на свои личные сбережения автомобили различных марок. В районной больнице, оснащенной современной медицинской техникой и оборудовани-

ем, имеется 80 коек. Есть районная санэпидстанция, детская молочная кухня.

Нужно добавить, что физкультурная слава Милькова шагнула далеко за пределы области. Силами тружеников района в селе построен великолепный спортивный комплекс. На открытии первых сельских спортивных игр присутствовала почти половина населения района. Подобного спортивного форума не знал еще ни один из населенных пунктов области, в том числе и город Петропавловск. Одной из главных задач игр была подготовка к сдаче нормативов нового Всесоюзного комплекса ГТО».

В Милькове мы встретились с восьмидесятидвухлетним стариком, который в январе 1923 года помогал отряду Василия Зенкова добраться до Машурова (ныне Долиновка).

* * *

Говорят, когда человеку перевалит на восьмой десяток, трудно определить его возраст. Иову Титовичу Кошкарору восемьдесят два года. Глаза у него живые, быстрые, с лукавым камчадалским прищуром. И не сразу догадаешься, что глаза эти практически не видят. Последний выстрел на охоте Иов Титович сделал более двух десятков лет назад.

Кошкарор, как и отец его, и дед, родился на Камчатке, в Милькове. Может быть, дальние предки его были из тех крестьян, что в начале восемнадцатого века переселились на Камчатку с берегов Лены. Как и его родители, он никогда в жизни не видел, как ходят поезда, не видел, как цветут яблони, как дети бегают босиком по двору. Зато ему пришлось быть свидетелем удивительных событий. И не только свидетелем, но и участником.

Когда второй разведотряд чубаровцев во главе с Василием Зенковым прибыл в Мильково, Кошкарору было тридцать два года. Он хорошо знал тех, кто безнаказанно грабил местное население. В тогдашних условиях не каждый осмеливался помогать Советской власти. Кошкарор не только предложил красноармейцам свою упряжку, но и решил сам каюрить от Милькова до Машурова, ибо лучше его в округе дороги никто не знал. Иов Титович вез на своей нарте, запряженной двенадцатью крепкими собаками, командира Зенкова. Но он тогда не знал, что везет боевого командира, верного помощника Чубарова. Узнал об этом спустя пятьдесят лет, во время нашей с ним встречи...

— Иов Титович, расскажите о командире Зенкове.

— А командиром был вовсе не Зенков, — быстро, словно был готов к этому вопросу заранее, ответил наш собеседник.

— Как не Зенков?

— Уж я-то лучше знаю, что командиром был не Зенков. Командиром был совсем другой человек. Запомню его имя. Помню, как сейчас, невысокий, плечистый, с чубом. Но имя запомню.

— Может, Гаврилов?

Старик привстал, лицо его засияло, казалось, он встретил старого знакомого и не мог нарадоваться встрече.

— Ну конечно, Гаврилов! Он, Гаврилов! Помню, спустя несколько месяцев писали нам в село, что его убили в Наяхане. Вот он, Гаврилов, и был командиром. Это уж точно.

Можно понять, почему комиссара Гаврилова молодой Кошкарров принял за командира. Именно комиссар выступал с речью перед населением, вел агитационную работу. Вот и остался в памяти как самый главный, как командир...

В своем донесении командованию Зенков тогда писал: «Из Мильково сегодня в восемь часов прибываем в Кирганик. Затем — Машурово». По документам мы установили, что отряд прибыл в Машурово в шестнадцать часов, то есть через восемь часов. По прибытии Зенков написал всего два слова: «Все благополучно». Значит, Иов Титович Кошкарров хорошо справился со своей задачей, хорошо отработал те восемь часов, которые волею судьбы были отведены в его жизни для участия в легендарном походе.

* * *

Последние километры мы едем в «Карабахе» — автомобиле. Участок между Мильково и Атласовом. Экипаж молчит. Мотор работает тихо. Машина легко катится по мерзлой накатанной дороге. Экипаж молчит не потому, что говорить не о чем. Не потому, что устали. Обычно, какими бы мы ни были уставшими, хотя бы у одного из нас находятся силы, чтобы разговорить и остальных. А тут всеобщее молчание, как тогда, после аварии. Мы ехали по мертвому лесу. Из замерзшего окна УАЗика был виден не живой густой лес, а голые почерневшие стволы-скелеты. Сначала мы надеялись, что такое стоячее кладбище протянется с километр, ну с два — не больше. Но куда там! Десять, двадцать, а то и тридцать километров. Именно масштабы несчастья делали нас молчаливыми, даже злыми.

Пожар. Как-то не верится, что в таком морозном пуржистом краю могут быть пожары, которые обычно ассоциируются с жарким климатом. Но это так. Лес на севере может даже в

самый лютой мороз гореть еще пуще, чем где-нибудь в Подмосковье. Говорят, какой-то негодяй оставил незатушенным костер. А вот кто — поди, разберись после пожара.

Только к концу третьего десятка километров в бывшем лесу (жуткое словосочетание — «бывший лес») стали появляться по тут, то там зеленые ели, каменные березы, лиственницы. И чем дальше, тем чаще. И только когда по обеим сторонам дороги встала настоящая тайга, мы облегченно вздохнули. Правда, нахлынувшая грусть не покидала еще долго, невольно каждому приходила одна и та же мысль: «Вот каким был тот лес!»

Косыгина вовсе нельзя было оторвать от окна. Выросший в тундре, он никогда в такой непосредственной близости не видел тайгу.

Время от времени останавливали машину, мы вылезали, чтобы нарвать красного шиповника. Володя обещал, что из шиповника приготовит настоящий чай-нектар. У самой обочины росли пышные кусты, алые гроздья резко выделялись на белом фоне. Собирали не только ягоды, тронутые морозцем, но и молодые побеги для отвара.

Женя Миловский ел ягоды шиповника, как едят вишни, сплевывая косточки. Наш комиссар не расставался с фото- и киноаппаратами. На фоне могучего леса он чаще всего снимал Никиту, который никак не мог понять, почему его с таким азартом заставляют ходить по лесу, по тайге. Но ничего удивительного в том не было.

В кинокартине «Я шагаю по Москве» Никита исполнял песню, в которой были такие слова: «А я иду, шагаю по Москве, но я пройти еще смогу соленый Тихий океан, и тундру, и тайгу». Вряд ли он тогда мог подумать, что эти слова станут пророческими. Но случилось именно так, в «соленый Тихий океан» Никита выходил с рыбаками, и не один раз. На яхте «Дельфин», и не раз, не два, ходили по Авачинской бухте и, обогнув «Трех братьев», выходили в Тихий океан.

Теперь вот Никита шагает по тайге. Осталось только пройти по тундре. Будем надеяться, придет и это время. И очень скоро...

* * *

В Атласове «Карабах» сменил форму. Он стал винтокрылым. Здесь мы простились с шофером Толей и перенесли весь свой многоместный скарб в вертолет.

Летели в Эссо. Это центр Быстринского района, который всегда находился в стороне от знаменитых, ставших классичес-

кими, маршрутов первопроходцев, исследователей полуострова. Он в стороне и от маршрута чубаровцев, возможно, даже не имевших тогда и представления о том, что где-то там, высоко в горах, за которые так рано заходит солнце, могут жить люди. Но мы не могли пренебречь этим районом. Цель наша — не только пройти по маршруту красноармейцев, не только в том, чтобы воскресить в памяти современников подвиг отцов — хотя сама по себе задача и благородная, и нелегкая, — но и постараться собрать материал о сегодняшней Камчатке, посетить все без исключения поселки. Все. В кои-то веки будет организована экспедиция, которая сможет в относительно короткое время пройти через весь полуостров по обоим побережьям?

В вертолете практически невозможно, точнее сказать, бесполезно разговаривать. Гул невероятный. Особенно он усиливается, когда пролетаешь над вершиной сопки. Мы смотрели вниз, на вулканы, сменяющиеся ущельями. Искали оленье стадо, чум, поселок. Ничего не смогли заметить. Даже когда вертолет сел на ровной площадке и мы один за другим стали прыгать в глубокий снег, даже тогда, осмотревшись, мы не могли понять, где же поселок Эссо — третий районный центр на нашем пути и двадцатый населенный пункт.

Знакомство с районом экипаж «Карабах» начал с купания в гейзерной луже, которая тут же получила название «Плюс-минус сорок». Сорок градусов вода, слегка пахнущая серой, и сорок градусов мороза наружный воздух, обжигающий кожу. Да, здесь все наоборот. Жжет холод.

Все-таки ничто так не удивляет человека, даже видавшего виды камчадала, как гейзеры — горячие естественные бассейны с густым стелющимся паром, расположенные где-нибудь на вершине сопки, вечно покрытой свежим снегом. Вот и сейчас. В небольшом районе мы увидели все разнообразие гигантского полуострова: и горнотундровые, и горнолесные, и лесотундровые участки, и Срединный хребет с древневулканическим колоссом — Ичинской сопкой. Видели множество рек, одни наглухо покрытые ледяным панцирем, другие весело журчащие, словно им нет никакого дела до трескучих морозов. Но все же более всего впечатляют горячие подземные источники.

Видя неровный ряд сопки, обрамляющих Эссо со всех сторон, их излучающие свет вершины, как-то не верится, что холодные подножия, ниспадающие к поселку, могут греть людей своим теплом. А в Эссо школа, больница, аптека, интернат, жилые дома отапливаются подземным теплом.

Основное население Быстринского района — ламуты. Дитмар, один из исследователей Камчатки, утверждал, что ламуты — тунгусское племя, которое кочевало по западному побережью Охотского моря. «Побуждаемые теснотой родного края, многие из них перебрались сюда, где нашли прекрасные пастбища для своих оленей». Но сколько их могло в те времена добраться с материка через суровый Пенжинский край до середины полуострова? Дитмар пишет: «35 мужчин и 37 женщин ламутского племени».

В начале XX века их осталось всего несколько человек. Тяжелые инфекционные заболевания и высокая детская смертность создали угрозу полного исчезновения племени.

Сегодня в Быстринском районе живет более 700 ламутов. Их дети находятся на полном государственном обеспечении.

* * *

От Эссо до небольшого поселка Анавгай всего сорок минут езды. Дорога горная, извилистая, а местами просто опасная, особенно зимой. То там, то тут из-под земли пробивается теплая вода, которая потом, замерзая, покрывает дорогу шаровидными глыбами. Их называют «арбузами». И частенько водителям в пути приходится останавливать машину и брать в руки лом или молот, которые у них всегда под рукой. Так прокладывали себе дорогу и мы — экипаж «Карабаха», торопясь в поселок Анавгай.

Вечером в Анавгайском клубе состоялась встреча с населением. Володя был, что называется, в ударе, без конца читал стихи, посвященные оленям. Запомнились стихи об олене, который был вожаком табуна. «Аппа» — так коряки называют отца. Своему другу оленю-аппе Володя посвятил стихи:

Какой ты сильный,
Какой лобастый!
Какой красивый!
Какой рогастый!
Ноги — свечами,
В черно-белом крапе,
Нет, не случайно
Табунский ты аппа.
Копытом не бей
В стеклянный снег,
Сердиться не смей:
Я — человек.

Ламуты слушали Володю стоя. Так они проявляли к камчатскому поэту свое уважение.

* * *

Ученые утверждают, что раньше не было полуострова Камчатка. Он образовался в результате вулканической деятельности дна океана. Никто, конечно, точно не знает, как это произошло. И лишь прекрасная легенда, которую нам рассказали в Анавгае, повествует об этом во всех подробностях.

Кутх (Бог и прародитель Камчатки) прежде находился на небе. И жил он там со своей женой Илькхум. Не было тогда никакой суши. Только небо да море. И вот однажды Кутх с женой спустились на море. Все было бы ничего, но жена его, Илькхум, стала тонуть. Она никак не могла ногами достать до дна. Тогда она родила сына Сымскелинала, который всплыл на поверхность воды. Мать держала сына за голову, а отец за ноги. И приказали родители сыну, чтобы он стал землею. И он стал землей. Была земля эта ровной-преровной. Не было на ней ни гор, ни долин, ни рек. Тогда Кутх стал на лыжи и пошел по этой земле. Там, где проходили его лыжи, образовались впадины, ущелья, долины. А по краям — горы. Кутх и Илькхум жили по два года в каждой долине и создавали реки, а в реках рыбу. Потом они сотворили разных зверей. Было очень холодно. И чтобы не замерзло все живое, они вдохнули в высокие горы свой горячий дух. Так образовались вулканы.

И только после того как Кутх убедился, что можно жить на рожденной им земле, он вернулся на небо. С неба следил Кутх за порядком на земле, где все должны были строго соблюдать его законы. Люди боялись их нарушать, ибо, например, за воровство отрубали руку по локоть. А если такой человек вновь воровал, то обматывали его единственную руку берестой и поджигали. Убийцу не судили. Убийцу просто убивали.

Только честный человек должен жить на Земле. Таков закон.

* * *

Вновь мы идем строго по маршруту чубаровцев. Вновь обращаемся к их записям, по которым легко представить жизнь тогдашнего поселка. Прибыли в Ключи, о которых сказано в донесении красноармейцев: «Селение Ключи. Имеет 95 дворов, 125—150 амбаров. Население 535 человек. Иностранцев 32 человека, из них четыре американца, 28 корейцев и китайцев. Трудоспособных мужчин — 130, женщин — 180. Нетрудоспособных

мужчин и женщин — 10 человек. Остальные дети... Продукты охоты и рыболовства сдаются постоянным скупщикам-коммерсантам от «Свенсона», «Роберт-Пирсона», «Гудсон-Бея»... Товарообмен происходит на мануфактуру, медикаменты. Нельзя не отметить спирт, каковой доставляется японцами из Японии в большом количестве. Спрос на спирт неизменно велик».

Не правда ли, создается полное представление о том, каким был второй по величине населенный пункт на полуострове.

* * *

Посмотришь на карту Камчатки и увидишь: что ни название — то сплошная поэзия.

Красивая сероглазая девушка, участница Петропавловской обороны 1854 года, самоотверженно спасла не один десяток раненых. Ее все звали Сероглазка. Так называли и поселок...

Говорят, геологи больше всех любят стихи. Я знал камчатского геолога, который мог часами читать наизусть Пушкина.

На Кроноцком полуострове искали нефть. Рядом протекали две маленькие речушки. Они на карте не были обозначены. И геологи, пользуясь правом первооткрывателей, по-своему проявили свою любовь к великому Пушкину. Они назвали безымянные речушки именами героинь «Евгения Онегина»: Татьяна и Ольга.

Первооткрыватели — поэты. Они такими будут всегда, пока есть на Земле места, подобные Камчатке.

* * *

В Ключах мы встретились с известным хирургом Сидорчуком, давно ставшим легендой. За тридцать семь лет работы на Камчатке врач Андрей Степанович Сидорчук ни разу не проводил отпуск на материке.

Хирург по призванию, охотник по натуре, он не мог себе отказать в удовольствии побродить по Камчатке с ружьем во время отпуска. Ну, а Черное море — это для оранжерейных. Так он считает.

Тем, что на Камчатке есть своя хирургическая школа, мы обязаны Сидорчуку. А скольких людей он спас, скольким помог!

Разговор наш коснулся давних лет, когда властвовали тут свенсоны и гудсонбеи. Доктор Сидорчук рассказал о старикекамчадале, отце умирающего ребенка, которому пришлось за десять порошков аспирина отдать представителю фирмы «Свенсон и К°» десять собольих шкур. Трудно сейчас сказать,

чем болел ребенок. Если он болел чем-то серьезным, десять порошков аспирина вряд ли могли его спасти... Рассказ А. С. Сидорчука лишний раз подтвердил запись чубаровцев о том, что товарообмен проводился на медикаменты. Значит, торговцы брали на себя и роль медиков.

С тех пор прошло чуть более полувека. В поселке Ключи, расположенном у подножия Ключевской сопки — самого большого действующего вулкана в Азии, живет сейчас около 8000 человек, то есть по-прежнему он один из самых крупных населенных пунктов полуострова. Имеется больница на сто двадцать коек, где работают тридцать врачей и более пятидесяти сестер. Интересно, что нынешняя больница в Ключах построена на том самом месте, где некогда располагалась фирма Свенсона, потребовавшего за десять порошков для умирающего ребенка десять соболей.

* * *

Ключевская сопка в сечении представляет собой равнобедренный треугольник. Кажется, поселок находится у самого подножия, но это не так: до сопки десятки километров. Высота над уровнем моря около пяти тысяч метров. Когда приближаешься к вулкану, он начинает закрывать все большую и большую часть неба. Издали он напоминает гигантскую юрту. И еще похож на юрту, чум, ярангу тем, что прямо с вершины поднимается вверх густой дым. И нет ничего удивительного в том, что коряки с давних времен считали действующий вулкан чумом самого Бога Кутха. Их только удивляло, что Кутх и в летнюю пору разводит костер в чуме, разве места нет на улице?

Ночью мы завороженно смотрели на Ключевской вулкан. Вершина его светилась. В кромешной тьме можно было заметить, как плавно переливаются краски кусочка неба, нависшего над самым кратером.

* * *

Почти у самого подножия Ключевского вулкана расположилась научная станция, недалеко от которой находится скромная могила. Мы расчистили холмик от снега, и на сером туфе показалась надпись: «Памяти Алевтины Александровны Былинкиной, погибшей при исследовании Ключевского вулкана. 27/X 1921 — VII 1951». Об этой женщине на Камчатке складывают легенды. А быть, как рассказывают вулканологи, была такова. Три вулканолога и три десятиклассника Ключевс-

кой средней школы поднимались на Ключевскую сопку. Вершины достигли только двое: Алевтина Былинкина и школьник Коля Огородников. Остальные не выдержали нагрузок, вернулись назад. Былинкина и Огородников спустились в кратер. Делали снимки. Снимали даже на цветную пленку — редкость в то время. Набирали в специальные пробирки газ, который со свистом выходил из многочисленных трещин кратера. Все шло нормально. Закончив работу, ученый и школьник стали подниматься вверх. Вот на выходе из кратера «шаловой камень», сброшенный порывом ветра, и сбил Алевтину Александровну...

По-своему бережет память о старшем товарище бывший школьник Коля Огородников. Сразу же после трагедии для него вопрос «делать жизнь с кого» был решен. Он поступил на географический факультет МГУ. Вернулся на Камчатку специалистом-вулканологом. Сейчас он уже не Коля, а Николай Огородников, и, наверное, нет такого вулкана на полуострове, где бы ни побывал этот многоопытный специалист, настоящий северянин, подлинный романтик.

* * *

Наша группа в этом походе постоянно испытывает чувство... удивления. Обращаем внимание на то, мимо чего обычно проходим, не видя ничего особенного. Заставляют нас все замечать и оценивать дневники и донесения чубаровцев. Мы как будто смотрим на все их глазами. Вот почему для нас, даже для тех, кто неплохо знаком с Камчаткой, многое представляется откровением. Мы видим, как здесь все изменилось. Видим, что еще живы люди, помнящие те годы. И, может быть, впервые по-настоящему начинаем задумываться над тем, как все-таки мало потребовалось времени Советской власти для преобразования этого поистине дикого края.

* * *

Чубаровцами описан поселок Нижне-Камчатск. Сейчас такого населенного пункта нет. Кстати, «не повезло» сразу трем Камчаткам: Верхне, Средне — и Нижне-Камчатску. Их сегодня уже не найдешь на карте. Такова жизнь. Одни населенные пункты исчезают, другие расширяются, третьи перестраиваются, четвертые только создаются. Здесь действуют свои законы, которые определяются рационализмом, рентабельностью.

Совсем другая судьба у четвертого Камчатска — Усть-Камчатска. В тот самый год, когда здесь проходила вторая развед-

партия под командованием Василия Зенкова, Усть-Камчатск пострадал от цунами. «Цунами» — страшное слово. Гигантская волна, рожденная землетрясением (правильнее будет сказать, днотрясением), выбрасывается на берег, а затем на обратном пути уносит с собой в океан даже фундаменты домов.

Усть-Камчатск был расположен, как говорит само название, у самого устья реки Камчатки. Место, конечно, прекрасное, удобное, так сказать, портовое, а стало быть, и выгодное. Но ничего не поделаешь — цунамиопасное. Так и говорят все: «цунамиопасная зона». За последние пятьдесят лет не было ни одного цунами, вернее, опасного цунами, не пострадал ни один дом, не было ни одной человеческой жертвы. И все же государство решило перенести поселок на другое место, чтобы исключить опасность бедствия. Сделано это было в кратчайший срок, практически за одну пятилетку. И надо же — как только завершили все работы и жители поселка переселились в новый, гигантская волна накрыла прежний Усть-Камчатск. И теперь растет вширь и благоустраивается новый Усть-Камчатск — современный поселок с четырехэтажными домами, канализацией, горячей водой...

Места эти на полуострове, пожалуй, самые снежные и дождливые, самые штормовые. Из-за восточного побережья, а точнее, из-за центральной части Кроноцкого полуострова, что несколько южнее Усть-Камчатска, Камчатку считают «полюсом снежности». Так утверждают гляциологи, проводившие здесь исследования ледников. Газета «Труд» писала по этому поводу: «Гляциологи установили, что центральная часть Кроноцкого полуострова, расположенного на восточном побережье Камчатки, представляет собой наиболее снежный район на всем евразийском материке. Ученые уточнили, что годовое количество осадков, выпадающих в верховьях ледников большей частью в виде снега, достигает пяти-шести тысяч миллиметров. За один год на ледниках Кроноцкого массива накапливается снег толщиной более десяти метров! Действительно, это место можно считать своеобразным рекордсменом снежности на территории нашей страны».

А Усть-Камчатск, как мы уже сказали, находится совсем недалеко от этого своеобразного «полюса».

Незадолго до своей гибели А. С. Пушкин прочитал классический труд С. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и дал высокую оценку работе знаменитого исследователя и первопроходца. Тогда великий поэт, под впечатлением прочи-

танного, писал: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее... Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев... Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывается иней, и начинаются морозы». Эти слова, наверное, имеют прямое отношение к Усть-Камчатскому району. Да, здесь все так, как сказано у Пушкина. Именно поэтому спокон веку здесь никто и думать не мог о земледелии. Мыслимое ли дело — восемь месяцев зимы, да и лето трудно назвать летом. И вдруг — земледелие. Но куда от фактов не денешься. Люди сейчас «ухитряются» за два-три месяца северного лета поистине совершить чудо. Район не только не завозит картофель, но более того — излишки отправляет соседям. То же самое и с капустой, молоком, мясом, яйцами. Причем интересно, что усть-камчатцы по производству этих сельскохозяйственных продуктов на душу населения идут далеко впереди ФРГ, Японии, Англии.

* * *

Впервые за время похода идем на юг полуострова. Таким образом, мы уже второй раз отступаем от маршрута красноармейцев. Дело в том, что наша экспедиция должна пройти по следам обеих разведпартий. Вниз по реке Камчатке до самого ее устья мы спустились, поэтому теперь нам предстоит перебраться на юг и оттуда двигаться на север вдоль западного побережья, выполняя маршрут первой разведпартии, которой командовал Григорий Чубаров. А затем нам придется не один раз пересекать полуостров, чтобы побывать в поселках, расположенных как на одном, так и на другом побережье. Обе разведпартии встретились только на самом севере, в поселке Каменском, откуда и проследовали до Наяхана объединенным отрядом красноармейцев и камчатских партизан. Таким образом, нам нужно пройти почти вдвое больше, чем каждой из разведпартий.

А пока Усть-Большерецкий район. Пятый на нашем пути. Пожалуй, ни один район не был описан так подробно чубаровцами, как этот. И это понятно: множество селений на относительно небольшом протяжении маршрута. Обратимся к некоторым записям красноармейцев. «В 15 верстах на юг от села Апача имеется горячий ключ, богатый селитрой. Ключ считается целебным. В районе селения жителями случайно находились вещи, как-то: ножи, мотыги и пр., высеченные из камня. Пред-

полагается, что некогда здесь жили камчадалы. Также раскапываются ямы, которые представляли собой часть юрты инородцев. Верстах в 100 от селения к югу, приблизительно за Опальской сопкой (Опала), имеется хрусталь. От селения Апача отделились трое жителей, которые образовали новое селение: в 6 верстах к югу, на р. Шиково. Селение называется Шиково. На этом месте под землей имеется нефть, которая выступала со дна реки лет шесть тому назад (1917) в виде чистого керосина».

Насколько мне известно, данные эти нигде не публиковались, если не считать наших (моих и Никиты Михалкова) репортажей, отправленных с пути в «Камчатскую правду», «Камчатский комсомолец» и «Комсомольскую правду». Они, безусловно, интересны и особенно фраза: «От селения Апача отделились трое жителей, которые образовали новое селение». Именно так и возникали в старину населенные пункты — там, где охота побогаче да рыбы в реке побольше. Причем возникало их таким образом много, гораздо больше, чем имеется в настоящее время. Но были они мелкие, с небольшим количеством жителей.

«Жителей в Апаче считается более ста душ; таким образом, селение это является одним из более населенных пунктов полуострова». Так писал В. Н. Тюшов, который совершил путешествие по западному побережью Камчатки в конце XIX века. Выходит, сто человек — это уже «является одним из более населенных пунктов».

К примеру, на территории нынешнего административного Усть-Большерецкого района насчитывалось в то время 23 населенных пункта с общим числом жителей две тысячи человек. То есть в среднем приходилось менее ста человек на каждый поселок. Сейчас осталось всего 9 населенных пунктов, в каждом из которых живет в среднем более тысячи жителей.

Чубаровцы перечисляли в своих донесениях и так называемые рабочие рыбалки, от которых сегодня и следов почти никаких не осталось. «По дороге расположены следующие рыбалки: на четвертой версте засольный участок «Сакомато», на шестой версте участок «Ничиро», на восьмой «Сакомато», на десятой версте рыбалка «Ничиро» — бывший завод, на двенадцатой «Грушецкий», на 22-й рыбалка «Огаса»...» и так до 64-й версты через каждые 2–4 версты рыбалки, бывшие и действующие консервные заводы. Всего мы насчитали, по документам чубаровцев, около полсотни таких «предприятий», принадлежащих иностранным фирмам и русским купцам.

В поселке Октябрьском до сих пор живет бывший рыбный мастер фирмы «Грушецкий и К°» восьмидесятичетырехлетний Сол Хаимович Вальтер. Здесь, говоря о нем, никогда не пользуются местоимениями третьего лица и не произносят отдельно фамилию или имя и отчество. Только полностью Сол Хаимович Вальтер. Экипаж «Карабаха» встретился с ветераном рыбацкой Камчатки, который прибыл на полуостров пятьдесят лет назад. Родился он (в отличие от его односельчан я все-таки воспользуюсь местоимениями) в Польше, в бедной еврейской семье. Рано лишился родителей. Долго скитался по миру в поисках лучшей доли. Работал парикмахером, грузчиком, рыбным мастером. Имел одну слабость — любил путешествовать. Неоднократно побывал в Новом Свете, исколесил страны Старого Света. Романтически настроенный юноша, накопив немного денег, решил посмотреть на Россию — «уж больно много о ней говорили после революции». Добился своего. Приехал. Понравилось. Остался. Попросил, чтобы устроили его где-нибудь рыбным мастером. Так он попал во Владивосток, а оттуда на Камчатку.

— В основном ловили тогда горбушу, — вспоминает Сол Хаимович, — ловили, конечно, и кету, но Охотское побережье тех времен все-таки можно было бы назвать горбушечным. Я знал всех хозяев заводов, или, как их называли, рыбалок. Особенно здесь усердствовал Грушецкий, который платил населению за каждую рыбину одну копейку, а продавал в пять-шесть раз дороже.

Через руки икорного мастера Сола Хаимовича Вальтера прошли сотни тонн красной икры. Продукция, выпущенная им, всегда славилась, всегда шла на экспорт. Сейчас старик находится на пенсии, но нет-нет да и позовут его в цех. Надо помочь. Икра — штука капризная. И он помогает. Ему все здесь родное.

— Не думаете ли уехать с Камчатки, Сол Хаимович? — спросили мы.

— А почему я должен уехать с Камчатки? — ответил вопросом на вопрос Сол Хаимович Вальтер.

* * *

Историю Камчатки невозможно представить без истории Усть-Большерецка, бывшей столицы края. Мы попросили одного из местных жителей, прекрасного знатока Камчатки, Николая Николаевича Козьмина рассказать немного о прошлом своего поселка. Председатель плановой комиссии района Н. Н. Козьмин все свободное время отдает изучению истории родного края.

Большерецк почти на сорок лет старше Петропавловска-Камчатского. Основан в 1703 году русским приказчиком Михайлом Зиновьевым ...

Позволю себе сделать одно небольшое отступление и начать его со слова «кстати».

Кстати, за долгие годы я познакомился с историей практически всех поселков. Познакомился не только в пути. Приходилось и раньше ездить по полуострову, много читать о нем. Учтявая, что история Камчатки тесно переплетается с историей соседних районов — Сахалина, Курильских островов, Чукотки, Аляски, — готовясь к походу, я вольно или невольно знакомился с материалами исследователей всего Дальнего Востока. Ученым известно, что слово «Камчатка» впервые встречается на «Чертеже Сибири» — карте, которая была составлена в 1667 году в городе Тобольске по распоряжению воеводы Петра Годунова. В знаменитой «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова, которая тоже была составлена в Тобольске и закончена 1 января 1701 года, еще нет полуострова Камчатка, но есть река Камчатка и надпись: «А живут по ней неясашные камчадалы, платье на них собачье и соболье и лисье, а луки у них маленькие усовые на жилах, с того перевода, что роженщы».

В течение двух лет (1697—1699) один из русских первопродцов Владимир Атласов путешествовал по Камчатке и добрался до самого юга. Позже им были представлены отчет и карта полуострова: сначала в Якутске (3 июня 1700 г.), а затем в Москве (10 февраля 1701 г.). Эти факты подтверждаются историческими документами.

Первые русские географические названия на Камчатке появились в результате походов Федота Алексеева Попова, Владимира Атласова, Семена Дежнева, Емельяна Басова, Федора Литке, Луки Морозко, Ивана Голыгина, Ивана Козыревского, Алексея Чирикова, Витуса Беринга, Степана Крашенинникова. До второй половины XVII века на полуострове были исключительно местные — корякские, ительменские, чукотские и анайские названия населенных пунктов (острожков), рек, гор, озер...

Но вернемся к истории Усть-Большерецка. Через четыре года после того, как он был основан, взбунтовавшиеся от непосильных поборов камчадалы сожгли Большерецкий острог. Но вскоре он вновь был построен есаулом Иваном Козыревским.

Можно смело считать, что все великие исследователи Камчатки побывали в Усть-Большерецке. И это не случайно. Ведь с 1712 по 1785 год он был административным центром Камчат-

ки. В 1729 году капитан Витус Беринг во время своей первой Камчатской экспедиции на боте «Святой Гавриил», обогнув мыс Лопатка, вошел в Большерецкий острог. Спустя одиннадцать лет во время второй Камчатской экспедиции он вновь побывал здесь. Именно тогда Беринг основал Петропавловский порт, которому впоследствии суждено было «взять власть» у Усть-Большерецка.

А пока острог этот процветал. Сюда нахлынули купцы, разного рода авантюристы, американские и японские торговцы, которые хорошо знали цену спирту в этих суровых краях. О жизни в Большерецком остроге тогда много писалось.

Был написан известный в прошлом веке роман Смирнова «Государство солнца». Золото, соболь, серебристая лисица, рыба, икра — все это в несметных количествах увозилось из острога. Когда-то побережье Охотского моря, подобно Командорам, было богато лежбищами морских котиков. Но варварское уничтожение ценнейшего зверя привело к полному исчезновению его в этих местах. Золото текло в карманы рабителей, а население пухло от голода, ибо, кроме рыбы, все остальные продукты питания доставлялись с материка и продавались втридорога. Со временем некогда могучий поселок стал чахнуть. И не случайно к моменту прихода чубаровцев в Усть-Большерецке насчитывалось всего «двадцать жалких домишек».

Сегодня Усть-Большерецк с населением около двух тысяч человек, — один из самых развитых и перспективных поселков в области. Недавно он соединен автотрассой с областным центром — Петропавловском-Камчатским. Отличная дорога. Мы уже опробовали ее на «Карабах»-«газике».

* * *

Григорий Чубаров в каждом поселке первым делом спрашивал о том, были ли здесь белые. До поселка Апача на этот ставший традиционным вопрос неизменно следовал отрицательный ответ. Но в Апаче Чубаров уже пишет в своем дневнике: «Часто наезжают белогвардейцы. Отбирают пушнину».

Всего одна фраза, одна строка. Но она означала: быть начеку в любую минуту. Спешить днем и ночью. И чубаровцы спешили. На собаках от Апачи до Мономахово (ныне Соболево) прошли за пять дней. Спустя пятьдесят лет мы прошли этот отрезок за одиннадцать дней. Правда, нам не повезло с погодой. Уже середина декабря (камчатского декабря!), а все реки, впадающие в Охотское море, и не думают останавливать свой шумный

бег. Явление для Камчатки в это время года редкое. Вообще здешняя погода скучать нам не дает. Судите сами. Мы уже полтора месяца в пути. За это время прошли шесть районов области. И если бы нас спросили, какая была погода, пришлось бы ответить так, перечислив все явления природы в том порядке, как они нам встречались: солнце, туман, пыль, снег, глубокий снег, мороз, сильный мороз, мороз, пурга, метель, тепло, дождь, ливень. И это, заметьте, по пути следования на север!

Как-то утром мы проснулись от причитаний: «Олени! Олени!» Это был Володя Косыгин. Мы ничего не могли понять. Какие могут быть олени в Соболевском районе? При чем тут олени? Володя в одних трусах стоял у окна и глядел в утреннюю мглу, уткнувшись лбом в холодное стекло. Мы подошли к нему. На улице лил страшный дождь. Зима. Камчатка. Середина декабря. Кругом снег. И вдруг — дождь. А вчера было двадцать градусов мороза. Сегодня такие зигзаги погоды может объяснить любой школьник: «Циклон».

— Опять идет несчастье, — с отчаянием говорил Володя, — через день-два стукнут морозы — и баста оленям. Тундра покрывается ледяным панцирем, и тогда даже железными копытами не достать ягель из-под снега. Хоть бы пастухи успели погнать оленек в горы. Там в это время никогда не бывает дождя.

Мы тщетно пытались успокоить Володю. Слишком много места в его жизни занимают олени.

Во время легендарного похода чубаровцев Камчатка, как и сегодня, была верна своим капризам. Те же частые пурги, те же морозы, те же циклоны. В одном только им, красноармейцам, повезло. Стояли реки. В противном случае вообще вряд ли состоялся бы поход.

Написал «вряд ли состоялся бы» и ужаснулся. Если бы поход в самом деле тогда не состоялся — не был бы наказан убийца Сергея Лазо есаул Бочкарев, вместе с белогвардейским отрядом со своим генералитетом и штабом он смог бы пробраться через Чукотку на Аляску. Это значит, они вывезли бы все награбленные драгоценности, золото, пушнину, словом, все то, что составляло собственность Советской России.

* * *

Старожилы. Встречи с ними у нас просто обязательны в каждом населенном пункте. Правда, за небольшим исключением, старики ничего существенного не могли добавить к тому, что нам уже было известно о походе Чубарова. И это понятно. Боль-

шинству нынешних старожилов в то время было по десять-пятнадцать лет, а чубаровцы останавливались в каждом поселке на сутки или, чаще, на одну ночь, а то и вовсе на несколько часов.

Екатерина Павловна Косыгина, семидесятирехлетняя пенсионерка из Соболева, рассказывает, что до прихода к ним красноармейцев не раз набегали разные банды и грабили, отбирали пушнину, рыбу. Но вот прошли красноармейцы, и всё. Словно ветром сдуло, словно водой смыло белых.

— Одно могу сказать, — говорила Екатерина Павловна, — с тех пор на моих глазах изменилось очень многое. Помню, чтобы купить, к примеру, ситец у китайца Хо, нашим мужикам приходилось месяцами ходить на охоту. Да что там ситец, ведь и покушать надо было, и детей лечить от всякой хвори. Вот и ездили отсюда, из Соболева, до города на собаках. В городе был магазин, был фельдшер. Ездили только зимой, когда реки замерзали. Иногда мужики наши, застигнутые пургой, умирали в пути. Да что говорить, разве смогла бы я вырастить восемь детей, если бы не Советская власть? А теперь вот вырастила детей, да и еще у меня восемнадцать внуков, восемь правнуков. Дай им Бог, чтобы они не видели той нужды, которая тогда выпала на нашу долю.

О том, что из Соболева ездили в город за покупками, за медикаментами, рассказывали и шестидесятисемилетняя Елизавета Николаевна Спешнева, и ее сверстница и однофамилица Вера Спиридоновна Спешнева, и многие другие. «Ездили в город за покупками, за медикаментами». Мне захотелось эти покупки, за которыми раньше ездили в город, сравнить с тем, что покупают в этих местах теперь.

Что касается медикаментов, то об этом не приходится говорить. Как и всюду на Камчатке, врачей, сестер, больничных коек в Соболевском районе намного больше, чем в среднем по республике. Другое дело — «простые» покупки. Обратимся к цифрам (как бы они ни были скучны). В 1971 году каждому жителю Соболевского района, включая грудных детей, было продано товаров в среднем на сумму 1300 рублей. При этом многие имеют подсобные хозяйства. Что же покупает население района? За девятую пятилетку здесь продано 282 холодильника, 747 стиральных машин, 100 мотоциклов, 18 пианино. Одних только книг каждая семья в год покупает на 15 рублей.

Мы вышли из графика, который составляли дома. Ведь идти пришлось по зимней Камчатке, которая своими капризами то и дело вносила свои коррективы. Чтобы исправить положение,

мы решили было миновать Соболево. Но затем передумали. И теперь, побывав в Соболево, поняли, как был бы обеднен наш поход, если бы мы не побывали в этом районе.

Соболевский район отличается от других. Здесь ко многим символам, характеризующим многоотраслевое хозяйство полуострова, прибавляется еще один — нефтяная вышка. На территории поселка Ичинский была создана геофизическая партия, которая начала подготовку структур к глубокому бурению.

* * *

Где бы ни находилась наша четверка, о чем бы мы ни говорили, все обычно сводилось к Тигилю. Нам даже казалось, будто поход наш имеет два начала, два старта: один уже был в Петропавловске, а второй будет в Тигиле. На это имелись свои причины; ведь тогда, пятьдесят лет назад, было именно «два старта» — красноармейцы вышли из Петропавловска, а партизаны — из Тигиля. В Тигиле еще живы очевидцы «ледового пути», среди них участник чубаровского похода восьмидесятилетний Тимон Филатович Косыгин и сын командира партизанского отряда П. И. Юшина Николай Павлович Юшин. Нам предстояло встретиться с ними, и мы ждали этой встречи, как ждут настоящего праздника.

Мы спешили в Тигиль, но погода словно противилась этому. Уже на две недели выскочили из графика, а пурге все неймется. И вот после долгих мытарств, после непрерывных пург и метелей наконец открылось «окно». Из-за густых многослойных злых туч показалось долгожданное солнце. Но самолет, который должен был вылететь из Соболева в Тигиль, покрылся ледяной коркой. Наша четверка и экипаж ЛИ-2 несколько часов кряду грели корпус самолета, держа в заочеченных руках гигантские шланги, несущие теплый воздух из специальной печки. Со стороны все это выглядело странно: чистое небо, морозный воздух и льется дождь с крыльев самолета. Мы дважды пользовались услугами воздушных «карабахов» — самолетов-вертолетов только потому, что задумали идти по обоим маршрутам чубаровцев.

Летчики. Вот уж кому действительно трудно на Камчатке. Как известно, самое сложное в авиации — это взлет и посадка. А именно эти моменты приобретают здесь особую трудность. К примеру, наш самолет взлетел с неочищенной полосы, вдавливаясь колесами в глубокий снег, который сверху был покрыт ледяным ковром, а внизу хлюпала вода.

Пассажиры облегченно вздохнули, только когда с трудом оторвались от земли.

Под крылом самолета медленно ползла белая тундра с черными пятнами — кустарником и бесконечными зигзагами многочисленных речушек. Никогда не устаешь глядеть на Камчатку сверху. Она всегда разная. Радовались живой карте кусочка полуострова еще и потому, что вообще на душе было радостно. Скоро Тигиль. Больше всех волновался Володя Косыгин, который вот уже почти два месяца по поводу и без повода твердил: «Вот приедем в Тигиль», «Вот приедем в Тигиль».

Но что такое? Один за другим пассажиры стали поглядывать на часы. Обещанные сорок минут уже давно прошли, а нам даже не поступала команда: «Привязаться ремнями». Стали ногтями царапать по заиндевелому стеклу иллюминатора. За бортом густой туман. Через полчаса самолет приземлился в... Палане.

Для нас это катастрофа — быть так близко от Тигиля, и не попасть туда! Нарушен маршрут. Если до сих пор мы пережили вали за график, то теперь нас волновал маршрут. Ведь выходит, что из Паланы, которая находится севернее, мы должны попасть в Тигиль и вновь вернуться в Палану. И это при наших сроках и при том, что мы должны из Тигиля продолжить маршрут на собаках. В паланском аэропорту нас «обрадовали»: идет очередной циклон!

* * *

Синоптики обещали летнюю погоду дня через два, не раньше. Мы стремились в Тигиль. Но ничего не поделаешь — надо ждать. Узнали, что где-то недалеко от поселка ходит медведь-шатун, и решили попробовать испытать судьбу. На Камчатке слово «шатун» порой приводит людей в трепет. Медведь, который не лег в спячку, — болен. Он шатается. Отсюда «шатун». Злой. Рыба подо льдом, ягод нет. Бродит голодный и готов на всё.

Достали три пары снегоступов. Взяли два карабина, ружье и, облачившись в корякскую одежду из оленьих шкур, вышли за село.

Гениальное изобретение — снегоступы, без них нельзя было бы сделать и шагу. Долго бродили мы по смешанной тундре. Долго бродили, но шатуна так и не нашли.

Нам нужен был Тигиль... То и дело поглядывали на небо, справлялись о погоде, надоедали летчикам с расспросами. Без Тигиля нам нельзя в этом походе. И мы попали-таки в Тигиль.

Вернемся в двадцать третий год. «Данные начальника 1-й разведпартии тов. Чубарова. 13 февраля 1923 года. Селение Тигиль (волость). Селение имеет 75 дворов, амбаров — 75, 30 бань. Численность населения 360 чел. Из них взрослых мужчин 98, женщин — 92, детей мужского пола — 83, женского — 87. Грамотных мужчин и женщин 80 чел. Имеется школа, учитель, учащихся 50 человек. Парторганизаций и партработников нет. Вероисповедание православное, имеется церковь и священник. Имеются: почтово-телеграфный отдел, маяк, общественные и государственные учреждения, а также заведения и предприятия. Занимаются охотой, рыболовством. Имеются общественная лавка, отделение фирм: «Гудсон-Бей», доверенный Пименов, от «Свенсона» доверенный Флетчер, а также проживают постоянные скупщики-спекулянты. В летнее время привозится японцами спирт, спрос велик. Питьевой водой пользуются с рек. Качество хорошее. Дороги идут на Палану. Седанку, Аманино. Телеграфная линия дряхлая, ремонт не производили, состояние плохое. Селение имеет 12 лошадей, собак — 800, нарт — 80; телег и саней нет, ботов — 80. Имеется каменный уголь на р. Напане в 20 верстах от селения. Кочевники-коряки в числе 100 человек. Имеют — 5000 оленей, собак — 70, нарт — 7. Занятие — оленеводство и охота. Разработка каменного угля даст положительные результаты, в связи с этим можно найти и другие полезные богатства.

В пути благонадежно. Имеются морские японские рыбалки и при устье р. Тигиль — засольный участок. Рыба принимается японцами за бесценюк».

Командование войсками Охотско-Камчатского края хорошо понимало, что горстке красноармейцев, среди которых не было ни одного камчадала, трудно будет пробираться по зимнему полуострову. Именно поэтому сразу же, как обе разведпартии вышли из города, поступил приказ в Тигиль на имя командира объединенного партизанского отряда Павла Юшина: «а) немедленно из состава вверенного отряда выделить разведотряд численностью не менее 10 человек под командою Мухина Андрея; б) выделенный отряд отправить в сторону с. Гижига до соприкосновения с противником не позднее 5 февраля; в) перевозка отряда и содержание возлагается на местное население по пути следования; г) разведотряд т. Мухина в оперативном отношении подчиняется нач. 1-й разведпартии т. Чубарову».

«Никто не забыт, ничто не забыто». Этот священный лозунг относится не только к Великой Отечественной войне, но и ко всей истории нашей страны. И мы рады, что нам удалось установить имена всех без исключения камчатских партизан, которые присоединились к отряду Чубарова. С красноармейцами было куда легче. Дело здесь, как говорится, военное. Дисциплина, учет, рапорты. Поэтому в архивах мы много раз находили имена бойцов. А вот с тигильскими партизанами куда сложнее, пришлось повозиться, прежде чем удалось установить все имена, отчества, фамилии и даже «откуда кто родом». Во многом, конечно, как всегда, помогли публикации историка и исследователя края Роберта Юшина.

Вот они, партизаны, добровольно вступившие в чубаровский отряд и разделившие с красноармейцами все тяготы походной жизни в «ледовом пути», принявшие участие в последнем бою Гражданской войны: Тимон Филатович Косыгин, Николай Алексеевич Пензин, Павел Макарович Чертовский, Иннокентий Иванович Юшин (брат П. И. Юшина) — все из Тигиля; Николай Стратилович Федотов — из Седанки, Алексей Флорентьевич Наянов — из Аманино; Николай Акимович Баранников, Николай Яковлевич Панкарин — из Воямполки; Пантелеймон Васильевич Лонгинов — из Паланы; Никифор Гаврилович Наседкин — из Напаны.

Командиром партизанского отряда был Андрей Лукьянович Мухин. В характеристике, написанной руководителем тигильских партизан П. И. Юшиным, сказано: «Андрей Мухин, житель Тигиля, из морского бывшего казачества, 50 лет, способный для разведки... Первый зачинщик уничтожения банд в Тигиле. Как и все мы, никаких образовательных и военных цензов не имеет, но только человек со смекалкой».

Просто и ясно. Так, наверное, можно было сказать о каждом из них.

Одно уточнение. «В Тигиле к чубаровцам присоединились 11 партизан-камчадалов». Фраза эта (ошибочная фраза) переходит из одной исследовательской статьи в другую. На самом деле было иначе. Вот документ: «Тигиль. 5 февраля 1923 г. Сего числа 12 часов дня разведпартия отбыла назначению под командой Мухина. Комотряда Юшин». Эту телеграмму П. И. Юшин направил командованию за пять дней до прихода Чубарова в Тигиль, что подтверждается также официальным документом: «Доношу, прибыл в Тигиль. Все благополучно. Чубаров. 10 февраля 1923 г.».

Красноармейцы и партизаны впервые встретились не в Тигиле, а в поселке Лесное.

Задолго до начала нашего похода я не раз встречался с замечательным человеком, пытливым исследователем, беспредельно влюбленным в Камчатку и ее историю, учителем школы М. П. Стельныхом. Последняя наша встреча состоялась за несколько дней до его кончины. Говорили о Чубарове.

— Вот закончу книгу, — рассказывал Михаил Порфирьевич, — и возьмусь за «ледовый путь» Чубарова. Пока собрано мало документов, но из того, что я уже имею, твердо можно судить, что не случайно назначили командиром отряда Чубарова. Этот человек был честен во всем. Он не только составил опись награбленного белогвардейцами имущества и вернул все государству, но и в пути в своих донесениях отмечал тех, кто помогал красноармейцам, перечислял вещи, которые им давали коряки... Вот, познакомьтесь с этим документом. — Михаил Порфирьевич протянул нам листок бумаги. — Тигильчане одели красноармейцев в теплую одежду, и Чубаров тут же в донесении все перечислил.

Я тогда переписал этот документ. Вот он: «Люди вверенной разведпартии одеты в теплое обмундирование, по две пары торбасов, в достаточном количестве рукавиц, теплые меховые шаровары, у каждого имеются кукуль, маскхалат.

Все теплое обмундирование пожертвовано населением. Большинство в Тигильском районе коряками. Коряк Акей в Тигиле собрал 8 кухлянок, 4 пары торбасов, 6 малахаев, 6 пар чижей, 5 пар меховых шаровар и 5 пар рукавиц...»

К сожалению, в Тигиле никто уже не помнит о коряке Акее. Одно известно точно: таких, как Акей, было очень много. И тут дело вовсе не в какой-то неосознанной щедрости коряков. Ведь в этих краях бывали и белые, однако же им не помогали. Коряки, основные аборигены полуострова, прирожденные каюры, хорошо знали, что если люди, презрев холод, голод и лишения, отправились в тяжелую и долгую дорогу по бескрайней тундре не в целях наживы, значит, цель их благородная, значит, им можно верить. Следует добавить, что еще до прихода чубаровцев местное население хорошо понимало основные идеи и задачи новой Советской власти. На I Петропавловском чрезвычайном уездном съезде Советов, в работе которого принимал участие представитель Тигильской волости П. И. Юшин, было принято специальное постановление, направленное на улучшение жизни и быта корякского населения и других абор-

ригенов полуострова. Историк Р. П. Юшин (приемный сын П. И. Юшина) пишет по этому поводу: «Бескорыстная забота, впервые проявленная новой властью по отношению к обездоленным и бесправным людям корякской тундры, доходила до глубин души, трогала бесхитростные сердца коряков и ительменов, всей бедноты».

Запомнилась мне и еще одна беседа — с М. П. Стельныхом.

— Будете копать в архивах, — сказал Михаил Порфирьевич, — а тем более если удастся пойти в поход, то постарайтесь узнать что-нибудь о Григорьеве. По правде говоря, я еще не систематизировал материалы о чубаровцах, но мне не ясно, почему в архивных документах того времени часто упоминается имя красноармейца Григорьева. Создается впечатление, что он был участником похода, однако в списках чубаровцев и тигильских партизан его нет.

Будь сейчас Михаил Порфирьевич жив, наверняка сам дошел бы до истины. Но, к несчастью, он безвременно ушел из жизни, незадолго до начала нашего похода, не успев осуществить и толики всего задуманного. Пытливый историк оказался прав, говоря о том, что «создается впечатление», будто Григорьев был участником похода Чубарова. Удалось установить, что по пятам Чубарова (по западному побережью) шел еще один разведотряд, которым командовал П. Григорьев. Вот выдержки из документа — приказа командования войсками Охотско-Камчатского края: «а) дав двухдневный отдых бойцам, немедленно выступить из с. Тигиль в сторону с. Гижига, имея конечной целью занять таковой; б) для сведения сообщаю, что на днях по Западному берегу в селение Гижига отправлен ему на помощь разведотряд в числе 5 человек при двух автоматах «шоша» под командою т. Григорьева (бывшего помощника н-ка оперативной части); в) разведотряд подчинен Чубарову; г) в селе Палана разрешается произвести более продолжительный отдых, чем в с. Тигиль».

До сих пор мы поражались, как удалось Чубарову и Зенкову в столь короткие сроки преодолеть невероятный по своей протяженности белый марафон. Но теперь можно твердо сказать, что рекордсменом этого марафона был все-таки отряд Григорьева, который вышел из города спустя две недели после старта чубаровцев и догнал их в Каменском.

Удалось установить имена всех пятерых из группы автоматчиков. Вот они: Петр Григорьев, Максим Панченко, Николай Захаров, Михаил Россельных, Александр Медведев.

Небольшого роста старик. Пятьдесят лет назад, пожалуй, он был одним из самых взрослых в отряде Чубарова, ему было тридцать лет. Лицо почти без морщин. Восемьдесят лет, а волосы едва тронуты серебром. Движения быстрые, ловкие. Аккуратен, как все старики.

Трудиться Тимон Филатович начал с десяти лет. Единственное богатство — собачья упряжка. Вот с малых лет он и возил на собаках из устья реки Тигиль в село Тигиль грузы местных торговцев. Ходил в тигильскую церковно-приходскую школу, окончил три класса.

— Прежде чем встретил на своем жизненном пути Чубарова, — рассказывает Тимон Филатович, — успел повидать много. В двадцать один год призвали на казачью службу в Петропавловск. Оттуда через два года вместе с тогдашним губернатором Камчатки Мономаховым ехал до Петербурга. Это я так всегда шутки ради говорю, что «вместе с губернатором да в Петербург». Вроде бы звучит. А на самом деле я был его денщиком, и меня заставляли тащить многоместный, многопудовый багаж его. А вез он с Камчатки много всякого добра. Только, думаю, что попользоваться долго ему не пришлось. Вскоре в Петрограде началась Февральская революция. Много я тогда, простой камчатский парень, не понимал. Но кое-чему научила меня жизнь. И во время Октябрьской революции я был с большевиками, защищал Тучков мост на Васильевском острове. Затем добирался до Владивостока почти месяц.

Дальше Тимон Филатович подробно рассказал о том серьезном и тяжелом экзамене, который пришлось ему выдержать вместе с чубаровцами. Он был одним из тех, кто принял участие в последнем бою Гражданской войны. Он один из тех, кто сделал последние выстрелы в Гражданской войне.

В дореволюционных документах, удостоверяющих личность Тимона Филатовича, в графе «вероисповедание» было написано «православное». Тима Косыгин еще мальчиком ходил в тигильскую церковь. До сих пор он помнит, как сам вырился, волостного попа, долговязого, длиннородого.

О церкви я вспомнил еще и потому, что она впоследствии была переделана в клуб. Именно в этом клубе жители Тигиля и встретились с экспедицией «Карабах». В президиуме рядом с первым секретарем Тигильского райкома партии М. С. Орешкиным сидел ветеран Гражданской войны и ветеран труда, можно сказать, живая история района Тимон Филатович Косыгин.

Еще до похода по эскизу Жени Миловского были изготовлены пластмассовые медали красного цвета. Штук тридцать — не больше. На них была изображена карта полуострова, испещренная нашим маршрутом. Наш комиссар вручил одну медаль Т. Ф. Косыгину и сказал, обращаясь к залу: «Медаль эту от имени нашего экипажа вручаю вашему односельчанину, человеку-легенде, человеку, сделавшему, может быть, последний выстрел в Гражданской войне».

* * *

В Тигиле мы расстались с нашими куртками. Перешли на корякскую одежду. Опыт и мудрость камчадалов на протяжении веков помогали создавать ее. Она всегда модна, потому что всегда удобна и красива. Хотелось бы рассказать о ней подробнее.

Малахай. Головной убор. Шапка-ушанка, сшитая из камуша, — шкуры, снятой с голени оленя. Но нередко малахай шьют из шкуры собаки, волка, росомахи. В сильную пургу, при встречном ветре можно повернуть малахай задом наперед, и тогда пушистая кайма закроет половину лица. В безветренную, теплую погоду «уши» завязываются, и получается красивая меховая шапка. Малахай в разных селах шьют по-разному. По расцветке, фасону, форме можно определить место, где он изготовлен. Спереди и сзади малахай вышит разноцветным бисером. Узоры тоже различные. С самой макушки свисают несколько красочных пушистых хвостиков, на которые нанизан яркий бисер. Это очень красиво. Но есть и практический смысл. Случается, в мороз и пургу человек, выдохшись, падает в снег без сознания. Яркая одежда помогает поискам. Не раз находили и спасали пострадавшего именно благодаря радужному орнаменту на одежде.

Кухлянка. Шуба, сшитая из оленьей шкуры. Бывает двойная и одинарная, так сказать, демисезонная. Ее надевают, как рубашку, через голову. Никаких пуговиц. Можно перевязаться ремнем. Если сильный мороз, просто необходимо перевязаться. Рукава, как правило, длинные, чтобы можно было греть руки без перчаток. Застигнутый врасплох, пастух может лечь в снег и спокойно в своей кухлянке спать, не боясь простыть или замерзнуть. Как правило, для кухлянки выбирают светлую шкуру с темными пятнами. Как и на малахае, здесь, особенно у женщин и детей, — обилие рисунков из бисера с самобытным национальным орнаментом. Талантливые мастерицы шьют кухлянки, на которые смотришь, как на подлинное творение искусства.

Когагли. Шаровары из оленьей шкуры. Чаще всего тоже, как и малахай, их шьют из длинных полосок камуса. Надевают поверх брюк и перевязывают веревкой. Это тоже великое изобретение. В них можно сидеть на снегу, катиться с горки. Они очень легки.

Чижи. Носки, сшитые из оленьей шкуры. Можно надевать без обычных хлопчатобумажных носков. Очень теплые.

Торбаса. Сапоги, сшитые из камуса. Надеваются поверх чижей. Подошва из кожи лахтака. На Севере можно встретить очень красивые торбаса, вышитые бисером. В походах, в оленеводческих бригадах торбаса — главный атрибут экипировки. В путешествии рекомендуется иметь запасные чижы и торбаса. У нас они есть.

* * *

Из Седанки мне позвонили по телефону и сказали, что четыре наши собачьи упряжки скоро придут к охотничьему домику, который находится в середине пути от Тигиля. И что к домику этому мы должны добраться на оленьих упряжках. Нам повезло, поскольку в пешем походе хорошо сначала опробовать оленьи упряжки. Но мы знаем, что собаки куда выносили-все на разрозненных дистанциях. Мы отправились в путь. Четыре пары оленей взяли с места в карьер и довольно быстро добрались до охотничьего домика, где нас ждали четыре собачьих нарты по восемь-девять собак в каждой упряжке. Разношерстные, шустрые, шумливые. Посмотришь иногда на киноэкране, как плывут по белой тундре собачьи упряжки, и дух захватывает. Но в жизни совсем не так, как в кино. Правда, тоже дух захватывает, но только не от экзотики, а от мороза и ледяного режущего ветра. Какими бы ни были сильными собаки, все равно каюру перед любым подъемом, даже самым ничтожным, приходится сходить с нарты, и, взявшись за «стоячий баран» (так называют вертикальную дугообразную стойку), тащить сани. Нелегко и на спуске. Может, даже тяжелее. Здесь без тормоза никак нельзя, иначе задавишь собак, а тормозить надо руками, давя на остол — короткий багор с острым железным наконечником. Стоит чуть дать слабинку, особенно на крутом спуске — беды не миновать.

Собаки запрягаются довольно просто. К переднему «лежачему барану» прикрепляется длинный шкерт, сделанный из кожи, от которого елочкой отходят поводки. Упряжка действительно напоминает елочку. Все собаки трудятся честно, станешь ле-

ниться — загрызут на ходу. Если какой собаке нужно сходить по нужде, то каюр тут же остановит всю упряжку. Таков закон.

Собаки знают, что на подъеме каюр сойдет с нарты и поможет им взбираться в гору. Если же забудешь сделать это, то восемь, или десять, или двенадцать симпатичных разноцветных мордашек с высунутыми красными языками посмотрят на тебя жалобно, словно умолая: «Ну, сойди же, ведь тяжело нам тащить».

Во время привала заговорили о чубаровцах. Повод для этого был. С невероятными мучениями они прошли более двух тысяч верст. Трудно в это поверить. Но факт остается фактом. Молодые красноармейцы выполнили намеченное. О том, как им было тяжело, можно судить по записям Чубарова, сделанным в Седанке. «Выезжали 14 марта в 7 часов. Движение без дороги. Ночевали на половине дороги. 15 марта с рассвета пурга. В 9 часов двинулись по хребту. Сильный восточный ветер. Вечером хорошая погода. Ночевали между хребтами. 4 часа 16 марта — сильная пурга. Движение невозможно. В 8 часов 17-го двинулись вперед...»

Вряд ли красноармейцы до начала похода могли представить, какие испытания их ждут в пути. Ведь никто из них не знал Камчатки, за две недели до старта прибыли с материка. Им было по двадцать. В трудном боевом пути ребята научились самому главному — «Себя преодолеть», — как писал Эмиль Верхарн. В этом им несомненную помощь оказывал Григорий Чубаров, человек необычайной силы воли, крепости духа и отчаянности. Когда мы в Тигиле спросили Т. Ф. Косыгина о главной черте характера Чубарова, Тимон Филатович ответил: «Не знаю, как и сказать. Говорить о нем можно много. Наверное, самое главное, что рядом с этим человеком чувствовал себя уверенным каждый из нас».

Через шесть часов пути на собаках по кочковатой тундре мы прибыли в Седанку, корякское село, где живут оленеводы. Путь наш лежал в табун, в оленеводческую бригаду.

* * *

Вчетвером ворвались в маленькую деревянную столовую поселка Седанка. Не то три, не то четыре стола помещались в крохотном зале. Мы взяли горячих щей и устроились за свободным столиком, не снимая тяжелой амуниции, сшитой сплошь из оленьих шкур. Все четверо разом навалились на кислые щи, от которых поднимался густой пар. За соседним столиком сидели молодые коряки, которые ели хлеб всухомят-

ку и громко разговаривали. Я обратил внимание, что они часто произносят слово «баграт». Стал прислушиваться. Ничего не мог понять. В самом деле? Баграт — армянское имя, царское имя, добавлю, что это еще и имя моего большого друга Баграта Улубабяна, и вдруг здесь, на краю света, молодые коряки с улыбкой и даже, как мне показалось, с нескрываемым удовольствием говорят друг другу странные вещи. Такие, например, как «баграт очень вкусный», «свежий баграт», «замечательный баграт». Я не выдержал и обратился к ним:

— Ребята, а что такое баграт?

Они заговорили все вместе. Говорили взахлеб, перебивая друг друга. Постепенно картина стала проясняться. Оказалось, что багратом в этом поселке зовут ХЛЕБ. И действительно, хлеб был бесподобным. Пышный, пористый, розоватый кирпич с темно-коричневой горбушкой, возвышающейся над ним, как крыша над домиком. Ели мы его жадно, запивая горячим кипятком.

Я познакомился с поселковым пекарем. Это был древний старик по имени Баграт. Русская печь его хаты была жарко натоплена. Он сидел за тяжелым рубленным столом в ситцевой рубашке с распахнутым воротом. Волосы на широкой груди были пепельно-белые и густо вились, как у барашка. Голова лысая. Армянина в нем выдавал нос с горбинкой, большие черные глаза с красными веками и мохнатые черные брови, которые резко выделялись на испещренном морщинами лице. Он чем-то напоминал стариков работ скульптора Саркиса Багдасаряна, автора скульптурной композиции «Мы — наши горы», ставшей своеобразной эмблемой Карабаха. Хозяин дома сидел, вытянув протез. Я уже знал, что у него нет одной ноги.

Его именем люди назвали хлеб — самое святое, что есть на Земле. Говорят, хлеб — всему голова, начало всему, залог вечности жизни. И какое нужно иметь горячее и доброе сердце, чтобы саму вечность называли твоим именем!

Несколько слов о том, как Баграт попал на Камчатку. Ему не было и тридцати, когда османские турки, привязав его к подпорке дома, убили всю семью. Варвары подожгли армянскую деревню, оставив один-единственный дом, в котором находились Баграт и его убитые дети, жена, мать, отец. Сам он должен был умереть от мучений. На всякий случай, чтобы не ушел, ему прострелили ногу.

Чудом спасенный односельчанами, позже он испытал невыносимую долю беженца. Попал в Россию, где ему оперировали ногу. Был направлен на фронт. Воевал самоотверженно, видя в

русских единственных спасителей своего народа. Фронтовая судьба забросила его на Дальний Восток, где он служил в Белой армии, так и не понимая, почему в России есть красные и белые, когда все они русские, все христиане, и когда есть только один враг — турки. Попал в банду Бочкарева, который через некоторое время приказал застрелить хромоногую армянина, как загнанную лошадь. Спасли Баграта чубаровцы, и он оказался на Камчатке, где в поселке Тигиль прославленный в то время на всю округу фельдшер Лукашевский ампутировал ему ногу.

Вынянчила, выходила Баграта юная корячка, работавшая тогда санитаркой в больнице Лукашевского. Это была первая, а может, и единственная корячка, которая впоследствии выучилась говорить по-армянски.

С первых же дней установления Советской власти на Крайнем Севере Баграт почувствовал, что здесь, на краю Земли, происходят перемены. Даже спустя многие годы в Седанке, где он обосновался, — все те же ветхие домишки, юрты, все та же оленина и больше ничего. Правда, прибавился еще хлеб. Вот, быть может, с того самого дня, как он вырыл самодельный тоннир и из невесты откуда взявшегося мешка муки выпек свой первый хлеб, начало что-то меняться. Именно в тот день приехал из города человек, которого все звали «Русский». Человек этот собрал жителей поселка и сказал, что все дети, достигшие восьми лет, будут учиться в тигильской школе и там же будут жить. Потом Русский поблагодарил Баграта за хлеб и обещал, что сделает все, чтобы не было перебоев с мукой. И слово свое сдержал. Хлебопек больше не видел Русского, но ему все пятьдесят лет казалось, что муку в поселок шлет именно он.

С тех пор человек, связавший свою судьбу с людьми, которые вернули его к жизни, делал для них то, что умел хорошо делать, — пек вкусный хлеб. И само существование его приобрело практический смысл, особенно тогда, когда он действительно увидел перемены: свет в глазах детей. Еще в первые дни пребывания на полуострове Баграт обратил внимание, какие аборигены, особенно их дети, запуганные, забытые. Казалось, они улыбаться не умеют. Казалось, белое безмолвное однообразие природы делало даже детей молчаливыми и суровыми. И вот теперь дети стали улыбаться. И за эти детские улыбки Баграт готов был отдать всего себя без остатка.

Пятьдесят лет. Каждый день. Восемнадцать тысяч дней он выпекал хлеб. Сначала в самодельном тоннире, потом в пекарне. И все восемнадцать тысяч дней боялся только одного: вдруг

хлеб выйдет невкусный, и люди останутся недовольны. Он никогда не забывал, что хлеб, испеченный его матерью, славился на всю округу, на всю Карсскую область. И всегда чувствовал себя представителем своего народа. Он знал, что хлеб в поселке называют не только «багратам», но и «армянским». Однажды своими ушами слышал, как заезжие люди говорили: «Здесь хлеб печет какой-то армянин». Это уже ответственность. Находясь вдали от родной Армении, он дорожил ее честью.

Баграт говорил еще долго. Было уже далеко за полночь, а мы с ним все сидели за столом. Наконец он сказал: «Ты ляг, поспи немного, а мне пора. Я должен к утру успеть испечь для вас хлеба».

Баграт оделся, взял костьль и палку, отказавшись от моей помощи, широко улыбнулся, прищурился чуть выцветшие, но добрые глаза, и медленно вышел из избы. Я остался один. Нужно было поспать хотя бы два-три часа: на рассвете оставляем Седанку. Но я понимал, что если сейчас же не запишу все то, о чем мне рассказал Баграт, то потом просто не успею. Не будешь же заполнять дневник при трескучем морозе на подпрыгивающей нарте. Мало того — многое забудется. Нет, я не мог допустить этого. Ведь Баграт говорил о Бочкареве. А об атамане, о его личности, почти нигде никаких данных мы не могли найти. Даже не знали, как выглядел Бочкарев. Баграт, пожалуй, был единственным из ныне здравствующих, кто не только знал Бочкарева, но и был свидетелем его зверств.

Я выпил полстакана холодного чая, скорее, полстакана густой заварки и стал писать.

...Баграта в течение долгого времени везли в душном телятнике. Он уже не знал: ехали они месяц, два или три. Дивизию, в которой он воевал на фронте в Первую мировую, перебросили на Восток, но никто толком не знал, куда именно. Старшие офицеры говорили солдатам, что они едут с одной целью — спасти Россию. По дороге у Баграта, как это бывало не раз, открылась рана на ноге, но он никому об этом не говорил. Все обошлось: более особых не чувствовал, сам себе делал перевязку. В пути Баграту частенько помогал поручик Петров, с которым они подружились еще на фронте.

Поезд остановился в нескольких верстах от берега Охотского моря. Люди шли пешком еще целые сутки. Их привели в военный отряд, который расположился в лесу. К утру всех новеньких выстроили для знакомства с самим командиром — полковником Бочкаревым.

Атаман появился перед строем неожиданно. Кто-то гаркнул «Смирно!», хотя люди и без того стояли навтыжку. Они еще до того, как попали в отряд, были наслышаны о Бочкареве. Говорили разное. Баграту он представлялся толстым и старым офицером. Но тут перед строем стоял довольно молодой поджарый человек с черными вьющимися волосами и пышными усами. Нормальный человек. Даже приятный, если бы не его бегающие, что-то ищущие глаза. Похоже на то, что боится кого-то.

— Больные, раненые есть? — спросил Бочкарев.

Строй молчал. Баграт хотел было сказать о своей ноге, но стоящий рядом Петров незаметно для других дернул его за рукав.

— Мне нужны здоровые воины, — продолжал Бочкарев, — очень скоро мы отправимся в трудный путь. И вернемся мы из похода в уже свободную Россию не только с победой, но и с богатством. Вам суждено спасать Россию от всякой нечисти. Думается, что вы уже наслышаны о порядке в моем отряде: свобода и дисциплина. Предателей, большевиков и всякую красную сволочь казню я сам. Самолично. Любого, кто сомневается в нашей победе, кто попытается вносить смуту в отряд, — уничтожают офицеры и казаки на месте без суда и следствия. Мне нужны отчаянные люди. Тогда мы спасем Россию. С нами Бог!

Слушали атамана молча. Всеми овладел страх. Даже после команды «Разойдись!» долго не могли прийти в себя, продолжали молчать.

Вечером, когда оказались одни, Баграт тихонько сказал Петрову:

— Чего-то я не понимаю. Последнее время у меня все в голове перемешалось. Раньше было ясно: я вместе с русскими воевал против немцев за Россию. А сейчас? А сейчас русские почему-то разделились на два цвета и воюют друг с другом...

— Трудно тебе ответить, Баграт, — сказал Петров, — тут надо поглядеть и самому разобраться во всем. Я думаю, Бочкарев не случайно устроился в такой глуши, в такой дали от города, от железнодорожной станции. Это не просто лес. Это — тайга. Все сделано с умыслом. Никуда не удерешь. Судя по всему, мы попали в настоящую банду...

— Честно говоря, мне тоже не нравится все это. И атаман с волчьими глазами, думаю, не Россию спасать хочет, а что-то другое.

— Вот поэтому, Баграт, надо выждать и разобраться во всем. У нас нет выхода, нам некуда бежать, но ведь в случае чего — хоть помешать ему сможем...

...Я делал эти записи и подумал о вечном везении ищущего. Вот и мне нынче — в который раз — повезло. Ведь в архивных документах не раз доводилось встречать имя поручика Петрова, того самого, который поднял восстание в стане Бочкарева. Восстание было подавлено. Но оно расшатало устои банды...

...Отряд Бочкарева направился на север, в сторону Гижиги на военном корабле. Атаман и командир стояли на верхней палубе и беседовали. К ним подошел широкоплечий офицер с черной повязкой на левом глазу. Баграт, рассказывая об этом, уточнил: «Столько лет прошло, а вот помню, что повязка та была у офицера на левом глазу. Фамилию его я забыл, она была какая-то необычная. А вот про левый глаз помню. Я тогда почему-то подумал, что оба мы, я и этот офицер, хромаем, так сказать, на левую сторону. Вот и запомнилось».

Одноглазый офицер обратился к Бочкареву:

— Господин полковник! Только что один из наших малых пристрелил казака...

— За что? — спокойно, словно нехотя, спросил Бочкарев.

— Оказался красным.

— Поделом, — так же равнодушно сказал Бочкарев и добавил: — Тут мне командир корабля рассказал, что всегда в таких рейсах находятся смутьяны. Любого, кто вызывает подозрение, — за борт...

...В отряде Бочкарева действительно был одноглазый офицер. Полковник Шевчунас, педантичный человек, который старательно фиксировал в тетради любые события. Выполняя задания атамана, полковник Шевчунас непременно посылал вместе с оказией своему шефу записку, в которой излагал собственные мысли по тому или иному вопросу. Некоторые его записки мне удалось отыскать в архивных материалах...

...Как-то Бочкарев придрался по какому-то ничтожному поводу к Митину, молодому офицеру штаба, и вызвал того на дуэль.

Когда на собачьих нартах отправились к месту дуэли, Петров сказал Баграту:

— Если связист убьет атамана, то это будет уже настоящий последний выстрел в Гражданской войне.

Но Митин не убил Бочкарева. Дуэль не состоялась. Когда противники стали подходить к барьерам, раздался одиночный выстрел. Митин упал в снег. Пуля попала в затылок. Стрелял кто-то из укрытия. Убийцу не нашли. Но никто не сомневался, что о злодейском выстреле есаул знал.

После этого случая в отряде часто можно было слышать имя Сергея Лазо. Имя это запрещалось произносить. Все знали, что Бочкарев бросил Лазо в топку паровоза. И вот тут убийство Митина вновь напомнило о вольчьем нраве атамана.

...Подвыпивший атаман шел по снежной улице Наяхана. Залаяла собака, высунув морду из-за сугроба. Бочкарев выстрелил и убил пса. Маленькая эвенская девочка назвала его «плохим человеком». Бочкарев выстрелил в упор. Девочка упала. Он перешагнул через ее тело и пошел дальше...

...Узнав о том, что в отряде находится человек с простреленной ногой, Бочкарев приказал «пустить в расход хромоногого армянина». Приказ атамана взялся «выполнить» поручик Петров, который спрятал своего друга у старого шамана-эвена, жившего в одиночестве в чуме неподалеку от Наяхана... (После окончания похода я часто встречался с Багратом. Написал о нем повесть, которая помещена во втором томе Собрания сочинений. — З.Б.)

...Провожая нас рано утром, Багра́т вручил каждому из членов экипажа «Карабаха» по свежеевпеченной буханке. Устроившись на собачьих нартах, мы торопливо ели пышный, еще теплый хлеб, который быстро остывал. Из опыта было известно, что если хлеб останется в рюкзаке, то очень скоро превратится в твердый камень, который не разрубишь и топором. Вот почему мы ели торопливо.

* * *

Последний раз мы гостили в тундре у оленеводов полтора месяца назад. Это было в Быстринском национальном районе, где живут эвены (ламуты). С тех пор маршрут наш проходил по районам, что называется, рыбным, сельскохозяйственным, лесозаготовительным и даже геологическим. Только не оленеводческим. Теперь, прибыв в Корякский национальный округ, в самую сердцевину Камчатки, мы на протяжении более тысячи километров пути будем встречаться в основном с оленеводами.

На собаках прибыли в четвертую бригаду Тигильского совхоза. Встретил нас бригадир Етэ́кьев Иван Иччевич. Он нас не впускал в чум, пока на наших глазах не зарезал оленя. Примерно такой же обычай есть на Кавказе, где у ног самого дорогого гостя режут барана. Пока чумработницы в густом пару раздвигали тушу, устроившись вокруг веселого костра в чуме, пили чай из больших эмалированных кружек. Пастухи, по всему

было видно, радовались нашему приходу. Гость в тундре — радостное событие.

Разговор зашел о чуме (кстати, в одном месте жилище в тундре называют чумом, в другом — юртой, в третьем — ярангой, где как привыкли). Последнее время очень много говорят и пишут о новых передвижных домиках для пастухов, об утепленных палатках с железными печками.

Передвижные домики и палатки в тундре никак не приживаются, а чумам, ярангам и юртам (действительно, древним, как мир) не уделяется внимания. Коряк или чукча, алеут или ительмен (речь идет только об оленеводах) предпочитают в тундре при пятидесятиградусном морозе жить в дедовском чуме. И это вовсе не потому, что они не признают красоту и прогресс, а потому, что чум теплее, удобнее и практичнее.

Бригада оленеводов состоит из бригадира, двух пастухов (может быть и четыре пастуха, в зависимости от поголовья стада), двух чумработниц, учетчика. В каждой бригаде работают минимум две семьи со своими взрослыми детьми. А современная палатка — это большой дом с одной-единственной комнатой. Как разместиться всем в одной комнате, какой бы большой она ни была?

В чуме же учтено все. Главная отопительная система в нем — костер. В тундре нельзя без костра. Если на печке, которая стоит в палатке, поместятся лишь две большие кастрюли, то над костром можно повесить уйму всякой железной утвари. Тут же можно просушить меховую одежду, снятую человек этак с пятнадцати. В тундре всегда нужна и горячая пища, и сухая одежда. В чуме имеются два, а то и три полога. Это отдельные комнаты, перегороженные между собой двойной оленьей шкурой, как и стены самого чума. Тепло идет от костра. Если на улице очень холодно, то в каждом пологе имеются маленькие железные печки. Таким образом, каждая семья имеет свою комнату, свой уют. Тесно? Да, очень тесно. Практически во весь рост можно стоять только у костра, под куполом конуса. Но зато удобно. Тепло сохраняется до самого утра. А что может быть ценнее тепла в открытой тундре, в пургу и жестокий мороз?

* * *

У каждого пастуха имеется пареньский нож, который висит на ремне спереди. Пареньским он называется потому, что делают его в поселке Парень. Мастера (их уже мало осталось) варят кустарным способом пареньскую сталь, секрет которой не

раскрывают, и сами же делают ножи, а к ним — деревянные ножны. Нож этот очень тяжелый. Если все будет нормально, мы еще побываем в Парени, которая лежит на нашем маршруте. Там были чубаровцы.

Пока в огромном казане варилась свежая оленина, обитатели чума и гости расселись вокруг костра и принялись смаковать северный деликатес. Здесь это называется «мозговать». Тяжелым пареньским ножом ломают трубчатую оленью кость и со свистом — это надо уметь делать — высасывают костный мозг. В центре внимания были гости. Разработан целый ритуал для тех, кто ни разу не «мозговал», как на экваторе, когда человек впервые переплывает невидимую линию. Здесь — свои хитрости: новичок должен, держа кость на ладони, пареньским ножом разбить ее, разломить пополам и съесть содержимое хотя бы одной половинки.

Все члены экипажа «Карабах» были приняты в редчайшую в мире «касту» людей, которые с гордостью могут сказать: «Я мозговал». В честь этого события бригадир подарил каждому новоявленному члену «касты» по пареньскому ножу.

* * *

Если скафандр — это индивидуальный космический корабль, или батискаф, или подводная лодка, то кукуль — это маленький индивидуальный чум. Сшитый из оленьей шкуры спальный мешок веками не претерпевает никаких модернизаций. Мешок и есть мешок. Известно, что оленья шерсть ужасно лезет. Но это не страшно. Изнутри вшивается чехол-простыня, так что там не увидишь ни одного волоска. Если кукуль по росту, если ты закрылся с головой, то тебе не страшен никакой мороз. Температура в нем постоянная — температура тела. От коряков часто можно слышать, что не кукуль греет человека, а человек — кукуль. Собственно, это мы проходили еще в школе. Модельеры тундры никогда не забывали о таком законе. Главная задача сводилась к тому, чтобы сохранить человеческое тепло — главное тепло. Легенда рассказывает, как один молодой пастух замерз в тундре, окоченел. Его нашли, но было уже поздно. Так считали все. Но мать молодого пастуха отдала сыну свое тепло и ценою своей жизни спасла его...

Утром очень не хочется вылезать из кукуля. Раннее утро — наиболее холодное время суток. В это время «молчат» печки пологов, только-только начинает выстреливать под открытый

купол стремительными искорками домашний костер, который пока больше дымит, нежели горит.

Нам не хотелось вылезать из кукулей, даже когда Женя зарорал на весь чум: «Вертолет!» У нашего комиссара преотличный слух. Глаза у него плохо видят, и, по-видимому, слух компенсирует этот недостаток. Он всегда первым скажет: слышу лай собак, слышу гул самолета, слышу голоса людей. И только через некоторое время эти же звуки и голоса улавливаем мы. Вот и теперь он первым сообщил нам радостную новость — вертолет.

Вертолета мы ждали. К нам должна была прилететь киногруппа из четырех человек. С ними теперь мы не расстанемся уже до самого финиша.

* * *

Иван Иччевич Етэкьев. Коряк. Потомственный оленевод, бригадир. Ему сорок пять лет, тридцать из них провел в табунах. Место работы — тундра. С ним вместе работает его жена Гвагина Тымгэв Кававовна и их сын Леня, девятнадцатилетний пастух. Ежемесячно семья зарабатывает от 600 до 800 рублей. Это большие деньги. У них есть свой дом в Седанке. Мы спросили у бригадира, как часто они там бывают?

— Семья-то частенько, — сказал Иван Иччевич, — а вот я по году не бываю в поселке. Если честно, то не очень-то и хочется. Не могу без тундры и дня прожить.

Бригадир человек неразговорчивый, стеснительный и даже какой-то медлительный. Слушая собеседника, никогда не перебивает его. Чай пьет только из блюдечка, вприкуску и сидя на корточках. Глядя на этого флегматичного на вид человека, трудно поверить, что он на широких лыжах с прибитыми снизу кусками нерпичьей шкуры в несколько минут переваливает через большую пологую сопку к своему стаду.

В табун прилетели кинематографисты хабаровской киностудии, которые снимают фильм о походе Чубарова, о сегодняшней Камчатке. Сценарием, написанным нами, предусмотрено снять несколько эпизодов из жизни корякских оленеводов.

Пастухи гоняли огромное стадо оленей по кругу. Захватывающее зрелище. Густой лес остроконечных ветвистых рогов стремительно движется в мареве душного пара, идущего от оленей, и искрящейся на солнце снежной пыли.

Нужно было поймать своеобразным северным лассо — чаутом — одного оленя. А это требует большой сноровки. Леня,

сын бригадира, парнишка с красивым лицом и маленькими черными глазами, поймал несколько оленей, но все это были светлые олени. А для кадра нужен был непременно темной масти, чтобы выделялся на белом фоне снега.

Чаут взял в руки сам бригадир.

— Так нельзя. Олень ловят того, который тебе нужен, не случайного. Какой вам нужен? Покажите, — обратился бригадир к режиссеру.

— Вон тот, черный с белой отметиной. — Ему показали нужного оленя.

И вдруг — о чудо! — медлительный, флегматичный, как нам казалось, человек вмиг преобразился. Вытянув прямую руку назад, как это делают дискоболы, он так быстро метнул чаут, что мы не успели проследить за его полетом. Мы только увидели, как рассыпались в разные стороны сотни оленей и остался только один, черный с белым пятном на спине. И тут же все стали свидетелями редкого, поистине спортивного единоборства. Туго натянулся чаут между спокойным, легко владеющим своими движениями человеком и мечущимся в разные стороны красивым могучим оленем. Расстояние между ними все укорачивалось. Осталось уже полшага. И вдруг в великолепном прыжке человек обеими руками схватил оленя за рога, прижал его голову к земле, ловко снял чаут и мигом отскочил в сторону. В ту же секунду олень, словно упругий мяч, подпрыгнул вверх, изящно приземлился и стрелой врезался в табун.

Бригадир молча намотал чаут на кисть, перевязал его и также молча направился к чуму.

* * *

Только утром мы заметили, что у входа в чум на стволе дерева, которое служило заодно и подпоркой, была прикреплена голова медведя с разинутой пастью. Мы знали, что косолапый на Камчатке — святое животное и что аборигены полуострова никогда не едят головы медведя. Легенда рассказывает о том, что медведь был родным братом человека. Кутх велел своей жене, чтобы она родила двойняшек: одного — человека, другого — медведя.

Жили в лесу два брата мирно. Помогали друг другу. С утра до вечера работали вместе. Вместе и спать ложились. Когда пришла зима, брат-медведь и говорит брату-человеку:

— Давай построим тебе домик, будешь там жить и дожидаться весны, пока я не отосплюсь в своей берлоге.

Брат-человек не хотел расставаться с братом-медведем и решил, что они будут зимовать в берлоге вместе.

— Я же могу повернуться на другой бок и задавить тебя нечаянно, — сказал брат-медведь.

— Ничего. Я буду начеку.

— Но ведь тебе будет тесно и неудобно в берлоге.

— Ничего, перетерплю. Главное — вместе встретим весну.

Наконец брат-медведь согласился. Устроились они вдвоем в берлоге. Но вот явились люди. Они пришли, чтобы убить медведя. Им мясо нужно, чтобы поесть, шкура нужна, чтобы пол в чуме теплее был, кишки нужны, чтобы окна из них делать. Тогда брат-медведь сказал брату-человеку:

— Ты только не волнуйся. Они тебя не убьют, потому что ты похож на них. А меня они убьют потому, что я им нужен убитый. Я им живой не нужен. Но ты не переживай. Ты только, как брат родной, не ешь мое мясо и возьми себе мою голову.

Убили охотники медведя. Съели мясо, взяли себе шкуру и кишки, а голову, как и просил странный человек, отдали ему.

Взял человек голову своего брата-медведя и пошел к родителям. Отец с матерью очень обрадовались ему и приказали, чтобы голова медведя стала человеком. И вырос из головы медведя человек. Вот с тех пор, а было это давным-давно, медведь считается братом человека. И голову медведя никто не имеет права выбрасывать. Ее нужно вешать у входа в жилище.

Вот какую легенду нам поведали в чуме. Рассказывали все вместе и с большим удовольствием. Узнали от обитателей чума мы и о том, что легенда эта, может быть, спасла на Камчатке медведей от истребления. Дело в том, что у «свенсенов» и «гудсонбеев» ценилась только медвежья шкура с головой и когтями. А камчадалы не хотели отдавать торговцам ни за какие деньги головы медведей. Более того, они не только отказывались охотиться на медведей для купцов, но и мешали это делать другим. Берегли своих братьев.

* * *

Идет упряжка по белой тундре. Никогда не догадаешься, что везет каюр. Груз тщательно упакован, обмотан, перевязан. Иначе нельзя, нарта часто переворачивается. Идет упряжка по тундре и везет груз: электродвижок, кинопроектор «Украина», яуфы с кинолентами.

В тундре нет желаннее гостя, чем киномеханик, который открывает перед людьми чудесный мир. Мир кино.

Один из отрезков пути ехал с нами «тундровый» киномеханик Лев Авинов. Несколько слов о нем.

Сын коряжского охотника. Тридцать восемь лет. Работает старшим методистом при управлении культуры райисполкома. В год он крутит в чумах 160–180 фильмов. Зрителей у него мало: пять-шесть человек — оленеводческая бригада.

В тот вечер в чуме было несколько тесновато. Мы подсчитали: гостей больше, чем пастухов. Лев Авинов крутил фильм. Вдруг на самом интересном месте (как это часто бывает) погас свет. Заглох движок. Сразу же стало слышно, как за чумом воеет пурга. Зажгли свечу. Лев поднял перегородку из полога и вышел на улицу. Пронизывающий ветер, мороз, темень. А ремонтировать движок можно только ошупью, без перчаток. Прошел час. Мы уже стали уговаривать его, чтобы оставил ремонт до утра. Но куда там. Часа через два движок зачихал, закашлял и, наконец, стал мерно гудеть. Фильм мы посмотрели до конца.

Всю ночь я растирал специальной мазью побелевшие пальцы Авинова. К утру они отошли. Порозовели.

* * *

Я знаю:
Ты гордый,
Как эти горы,
Я знаю:
Ты быстрый,
Как эти ветры...
Ты, как и я,
Знаешь тропы оленьи.
Ну, упали предо мной
На колени
И на рога
Меня усади —
Тундрой с тобой
Мы полетим...

Так поэт обращается к оленю. Это Коянто, наш Володя Косыгин. Он с оленем как с человеком, как с птицей, как с другом. С самых давних времен жизнь камчадала связана с оленем. Мясо, жир, кровь, внутренности, копыта, молодые рога оленья — все употреблялось в пищу. Шкуры шли на одежду, чум, полог, постель, покрытие жилища, подбивку лыж. Наконечни-

ки стрел, мотыги, лопаты для разгребания снега, тормоза для нарт всегда изготовлялись из рогов и костей. Олений жир в народе назывался луной, он был единственным источником осеждения. Из сухожилий изготавливались веревки, нитки, из кожи — ремни для арканов, чауты.

Олень у многих аборигенов полуострова и вообще Крайнего Севера был единственным транспортным средством. Олень — это всё. И сейчас, в наши дни, когда преобразилась дикая Камчатка, корякам, чукчам, эвенкам нельзя, невозможно без этого животного, хотя они находятся на полном государственном обеспечении. Но вот в одном колхозе ликвидировали нерентабельное оленеводство и поняли, как ошиблись. Местное население не смогло обходиться без оленей. У коряка даже сны заполнены оленями, как у нашего Коянто:

Крикнул я:
— Несись, мой милый,
Мысль в полете обгоняя! —
Я его за шею обнял:
Олененок востепенулся,
А потом копытцем топнул
И помчал...
И я проснулся!

* * *

В разных чумах по пути следования мы часто говорили о происхождении слова «Камчатка». Есть много теорий на этот счет. Пока наиболее известная — Крашенинникова: «Сей полуостров на иноземческом языке никакого звания не имеет, а русские назвали его Камчаткою с корякского языка, ибо коряки живущих на впадающей в Камчатку-реку Еловке-речке иноземцев называют своим языком ханчал, которое слово с самого начала там бывшие русские люди переворотили в камчадал. Итак, от людей имя ее к полуострову пристало, которой прямее Ханчаткою называться может».

Имеется множество легенд, повествующих о том, как родилось это слово. Рассказывали их сами коряки. Иногда одну и ту же легенду они передавали в различных интерпретациях. Мы записывали наиболее интересные.

Вождя корякского племени звали Хончаткой. Однажды враги напали на племя, и Хончатка приказал своим людям, всем старикам и детям, всем оленям и собакам подняться вы-

соко на гору. На самую вершину самой большой горы, которая с одной стороны смотрела на землю, с другой — на море.

Враги хорошо понимали, что нельзя преследовать людей, которые могут сверху закидать их камнями и стрелами. И они решили взять коряков на измор, осадой. Уже давно кончилась вода у осажденных, но они и не думали сдаваться. Мало того, сверху кричали, что у них есть вдоволь и пищи, и воды. Но враги знали, что не может быть у них много воды: там люди, олени, собаки — и ждали. И вот, когда уже стало невмоготу, когда Хончатка понял, что вскоре может погибнуть весь их род, он приказал ночью зарезать всех белых оленей и шкурами их застелить вершину сопки. Утром, когда снизу враги посмотрели на вершину, они подумали, что выпал снег. А это значит, надолго хватит воды и людям, и оленям, и собакам. И ушел в то утро враг восвояси.

Так умным и мудрым Хончаткой были спасены коряки, целый народ, который в честь своего спасителя и назвал землю свою Хончаткою — теперешней Камчаткою.

А вот другая легенда из тех, что нам довелось услышать в пути. В ней также говорится о происхождении слова «Камчатка».

Жили на Камчатке двое влюбленных: бедный пастух Кама и юная дочь богатого шамана, которую звали Чатка. Шаман не хотел выдавать свою дочь за бедного пастуха и решил отравить юношу травами. Узнав о намерении отца, Чатка выбежала из юрты и помчалась по ровной тундре к своему возлюбленному, который пас оленей на высоком крутом берегу большой могучей реки. Шаман и его люди на резвых оленях пустились в погоню. Но не успели. Кама и Чатка, обнявшись, прыгнули с высокого крутого берега в могучую реку, которую и назвали в честь влюбленных Камчаткой.

Легенды легендами, но вообще на полуострове много спорят о происхождении слова «Камчатка». Да и в печати довольно часто появляются статьи на эту тему. Тайна, загадка всегда притягательна... Достоверно известно, что в 1657 году в отряде Федора Алексея Чюкичева служил некий Иван Иванов Камчатой. Отряд прошел по реке Гижига до Охотского моря и далее к Пенжинской губе. Кстати, и «Карабах» должен будет пройти по этим местам. Через два года, то есть в 1659 году, Чюкичев направил Камчатого в самостоятельный поход. Есть точные сведения о том, что Камчатой побывал в местах, где имелась моржовая кость, то есть на восточном побережье полуострова. А это значит, вполне возможно, что Камчатой встретил самую большую в тех местах реку, которую впервые официально нарекли

Камчаткой (это уж доподлинный факт) в 1667 году. Именно в этом году в Тобольске воевода Петр Иванович Годунов (родственник царя Бориса Годунова) составил чертеж Сибирских земель, где была показана река Камчатка, впадающая в Восточное море, как тогда назывался Тихий океан.

Доподлинно известно и то, каким образом данные о далекой земле попали в руки Петру Годунову. Источник был верный и надежный: мореход и землепроходец Михайло Стадунин, который царем Алексеем Михайловичем (отцом Петра Первого) был пожалован в казацьи атаманы за открытие на северо-востоке новых земель для Московского государства.

Реки, сопки, вулканы, озера, острова, мысы — все, что есть на Камчатке, с самого начала посещения их землепроходцами назывались именами людей. Так что не удивительно, если самую большую реку, и впоследствии весь полуостров, назвали именем Ивана Камчатого.

* * *

Рано утром разбудил нас все тот же Миловский. Он опять кричал: «Вертолет!» И мы, и хозяйка чума, который мы собирались уже покинуть, — все высыпали на улицу. Невдалеке действительно приземлился вертолет, подняв облако снежной пыли. Пилот высунулся из кабины и выбросил сложенный четверо листок бумаги.

— Это вам от Орешкина, — сказал он, — а сам я спешу, дело есть в районе.

Орешкин — первый секретарь Тигильского райкома партии. В записке было написано, что нашу четверку поздравляют с Новым годом первый секретарь ЦК комсомола Е. Тяжельников, трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин, летчик-космонавт Павел Попович и рекордсменка мира Марина Попович.

И еще было добавлено, что звонили из Петропавловска и передали: Владимир Косыгин стал первым корякским поэтом, принятым в члены Союза писателей СССР.

Чум ходил ходуном. Все поздравляли Володю. Мы обратили внимание, как гордятся своим земляком оленеводы — и стар, и млад.

Старый пастух Иккавав радовался, так как радовались все. Узнав, что причина праздничного настроения в том, что его земляк стал писателем, Иккавав и вовсе оживился и стал рассказывать о своем народе, его обычаях и верованиях.

Например, гром, по представлениям древних коряков, бывает, когда Бог Кутх перетаскивает свою лодку с реки на реку по каменистому берегу. А у жены Кутха очень длинные волосы, и, когда она качает головой из стороны в сторону, бывает ветер. Она также является виновницей пасмурной погоды, равно как и причиной красной зари. Дело в том, что жена в отсутствии мужа всегда румянит щеки, чтобы предстать перед ним красивой, когда тот вернется с охоты. А когда муж возвращается, она сияет так радостно, что мы видим красную веселую зарю. Но случается, что муж ночует в открытой тундре или слишком долго гонится за добычей. Тогда жена скучает, печалится — вот тебе и пасмурная погода.

Бог Кутх, который, конечно, как и положено всем Богам, восседает на небе, после дождя надевает свою кухлянку, и люди видят ее в виде радуги. На радугу эту обязательно должны глядеть все женщины, чтобы с неба перенести сказочную расцветку на одежду.

* * *

Скоро Новый год. Обычно люди заранее знают, где они будут встречать этот удивительно красивый и душевный праздник. А мы не знали. У нас было даже такое ощущение, что не мы будем встречать Новый год, а он будет нас встречать. Ведь мы находимся в пути. Правда, и он находится в пути. Значит, друг друга будем встречать. А вот где — неизвестно.

Погода — небо сравнялось с землей. Пурга с мокрым снегом. Невозможно дышать. Собаки задыхаются. Останавливаться нельзя. Только двигаться. Если даже впереди пропасть — все равно надо двигаться, так хоть есть гарантия, что до встречи с пропастью будешь жить. Перевалы и спуски, перевалы и спуски. Временами ни зги не видно. Договорились идти в непосредственной близости друг от друга.

На одном очень крутом спуске, задев о пень, перевернулась нарта Жени Миловского. Сквозь пронзительный вой пурги было слышно, как визжат собаки. Остановили всю «эскадру». Я подполз к Жене, который лежал на животе и шарил по снегу руками — искал очки. Нашли общими усилиями. Женя не мог встать на ноги. Подвернул голеностоп, как говорят спортсмены. Адская боль. Подтащили его к нарте, а там новая беда: последняя правая собака сломала обе задние лапы. Нарты задавили. Собака, дрожа от ветра и боли, лежала на боку и жалобно выла. Задние ноги были выворочены кнаружи. Пришлось ее

пристрелить — самое гуманное, что мы могли сделать в этой ситуации. Похоронили собаку под кедром. Сделали три выстрела из карабина. Это был салют в память о великом труженике тундры, погибшем в упряжке.

Я перешел к Жене и временно стал его каюром. Необходимо было на ходу снять с пострадавшего торбаса и чижи и сделать повязку. Кто знает, может, там не просто растяжение, но и перелом. Успокаивало то, что Женя сказал: «Это у меня не впервой, часто подворачиваю». Припухлость была огромная. Восьмиобразная повязка вышла очень сырой, несмотря на то, что делал я ее под брезентовым чехлом, закрывавшим нарту. Долго пришлось потрудиться, слушая стоны Миловского, пока надевали чижи и торбаса. Женя лежал пластом. На подъемах все помогали «раненой нарте».

До Нового года осталось полдня. Нас десять человек. Наша четверка, пять каюров и Гена Лысяков — кинооператор, который со своим «Конвасом» должен был постоянно находиться с группой. Остальные «киношники» нагоняли нас на вертолетах и самолетах в разных поселках.

Каюры предложили дать собакам отдохнуть. Если в такую погоду и дальше будем двигаться без остановки, то можем всех собак загнать. Решили сделать привал, когда вышли на большую дорогу. Шел очень густой и липкий снег. Направление ветра трудно определить. С трудом натянули брезентовую палатку, которая развевалась на ветру. Через некоторое время с одной стороны ее занесло снегом, и тем самым она укрепилась на месте. Собаки тотчас же свернулись в комочки и улеглись спать, прямо на снегу, на ветру. Вскоре под каждой из них от таяния образовалась довольно глубокая яма, и они в ней грели сами себя, прячась от ветра и мороза. Словом, им было не так плохо, как нам.

Прямо у дороги, рядом с палаткой, обнаружили симпатичную пушистую елку. Никита долго рылся в своем громадном рюкзаке, пока не извлек какую-то коробку. Снял крышку — все ахнули. Елочные игрушки. Увидел их в магазине в Седанке и решил взять на всякий случай. Гена отрезал от длинного капронового шнура небольшой кусок и начал извлекать из него тонкие жилки, а мы — привязывать ими игрушки к нашей елке.

Заброшенное, одинокое дерево вмиг стало таким родным, таким близким сердцу! Любовались мы им довольно долго, а когда собрались наконец разжигать костер, Женя, лежавший под брезентом в горе-палатке, вдруг закричал, заглушая пургу:

«Вездеход!» И действительно, через некоторое время все услышали гул мотора. Это был вездеход тигильских геологов. Ребята ехали к себе. У геологов на Камчатке хорошие дома всегда вдали от населенных пунктов. Уговорили нас встретиться с ними Новый год. Трудно было отказаться, тем более что они обещали потом привезти нас к этому же месту. Каюры сначала хотели остаться в палатке, но мы и их уговорили ехать с нами.

Собак оставили в стороне от дороги. В каждой упряжке есть один вожак, который признает только своего хозяина. Вожаков на всякий случай мы освободили от упряжек, хотя какой может быть случай, сами не знали. Дали каждой собаке по две юколы — вкусной вяленой рыбе. Собакам даже повезло. Две рыбины сразу — это уже большой праздник.

Женя, как раненый, сидел рядом с водителем. Все молчали: в вездеходе говорить бесполезно. За час до Нового года добрались до дома геологов. Это был лучший Новый год в нашей жизни...

К утру пурга стихла. Дом был почти весь занесен. Такое обилие снега, а деревья стоят совершенно голые. Так всегда бывает после пурги.

* * *

Как мы потом узнали, циклон этот нашумел на весь мир. Он всей своей массой обрушился на Японию и Камчатку. Косой снег падал так густо, словно лавина катилась с гор.

В тот день шкипер Усть-Камчатского морпорта Василий Савочкин работал один на плашкоуте, пришвартованном к теплоходу «Лев Толстой». На маленьких лодках-плоскодонках я прошел много миль не только по рекам, но и по морям, и знаю, что даже при относительно спокойной воде найдется одна такая волна, которая обрушится на голову. А тут ураган. Тысячи и тысячи яростных волн падают свинцом на плашкоут.

Когда Василий понял, что плашкоут оторвало от «Льва Толстого», было уже поздно. Его сигналов из ракетницы не видел никто.

Плашкоут — это длинный ящик. Железная плоскодонка. Он предназначен для того, чтобы перевозить сухогруз по мелководью. Своего хода нет. Сундук, да и только. И вот на таком, с позволения сказать, плавсредстве перед самым Новым годом моряк Василий Савочкин оказался в открытом океане. Запас дров был предостаточный, пищи — на месяц. Но разве дело в этом? Кстати, во время урагана ни пища, ни дрова человеку и

не нужны. Представляю, как поднималось суденышко, чтобы в следующий миг со страшной силой упасть в бездну. Тут не до еды и не до огня.

Неверно, что в подобных ситуациях человек думает о смерти. Только о том, чтобы продержаться. Правда, для этого нужно иметь самую малость: веру. Веру в себя — что выдержишь, веру в друзей — что будут искать. Василий знал, что его ищут. Не знал одного: что его ищет... электронно-вычислительная машина.

Трудно, даже невозможно было в такую погоду определить местонахождение плашкоута. И бессмысленно снова по безграничному океану вслепую. Вот тут-то и вспомнили про электронно-вычислительную машину. Задание машине дали синоптики, знающие силу и скорость ветра, направление течений и волн. Машина работала быстро и четко, она торопилась, словно знала, что речь идет о спасении человека. И она точно определила местонахождение Василия Савочкина!..

Дальнейшее для камчатских моряков было делом обычным, знакомым — спасать.

Шесть дней длилась одиссея камчатского шкипера Василия Савочкина, встретившего Новый год один на один с Тихим океаном.

* * *

Рано утром лектор обкома комсомола Женя Миловский заговорил о зле. «Нельзя о нем забывать. Нельзя! Забыть зло — это зло вдвойне».

Все заспорили. «А что такое зло? А может быть, это и не зло?..» Каждому надо было что-то сказать. Тут, конечно, сыграло роль и другое обстоятельство: в ранний час, когда в чуме еще холодно, не очень-то хочется вылезать из нагретого за ночь кукуля. Волей-неволей станешь словоохотливым.

Но мы понимали, о каком зле говорил Женя, какое зло нельзя забывать. Нельзя забыть, например, первый геноцид в двадцатом веке — геноцид армян в Османской империи. Нельзя забыть ужасы фашизма.

Никита вылез из кукуля, порывлся в своих записях и сказал: — Вот я вам прочту о зле, которое некоторыми забыто. Но прежде договоримся. Я прочту, а вы скажете, о чем здесь идет речь.

И он начал читать: «Мы забыли надеть черные очки и поэтому не увидели вспышки. Затем с интервалом в пятнадцать секунд раздались два отдельных шлепка...»

Никита поднял голову. Все смотрели на него. Чум молчал. Никто ничего не понял.

— Это запись вулканологов, — сказал я.

— Нет, — ответил Никита.

— Это кто-то кому-то в поезде во время прохождения через тоннель дал в темноте два отдельных шлепка. С интервалом в пятнадцать секунд, — предположил Женя.

Все засмеялись. Не смеялся один лишь Никита. Он повторил свое «нет». Потом сказал:

— Это запись, сделанная пилотом Робертом Льюисом сразу же после того, как была сброшена атомная бомба на Хиросиму.

Мороз пошел по коже. Подумать только: «два отдельных шлепка»! Такое простое, домашнее слово — «шлепок». Всего лишь «шлепок» — и разрушен целый город, сто сорок тысяч убитых и раненых, сотни тысяч пораженных неизлечимой болезнью.

Да, зло забывать нельзя, Миловский прав...

Был ранний час. Хоть и не хотелось вылезать из кукулей, но нас звала дорога. По этой дороге полсотни лет назад шел человек, люто ненавидевший зло. Он шел на смертельную схватку со злом.

Красноармейцы спешили, потому что хорошо понимали: нужно идти впереди молвы о себе. Иначе Бочкарев устроит засад и всех перебьет, как куропаток. В тундре это нетрудно.

Но есаул ничего не знал о передвижении красных. И думать об этом не мог. В самом деле, кто осмелится и вообще кому просто в голову придет подойти к поселкам Гижиге и Наяхану с востока? Это просто уму непостижимо, невозможно — и все тут! Если бы даже и рассказали об этом Бочкареву — все равно не поверил бы. Уж он-то хорошо знал трудности марша в условиях Севера. Именно потому, что в стане врага не было никаких сомнений на их счет (пока не было!), спешили красноармейцы.

Больше всех торопился Чубаров. Он нередко просыпался среди ночи от ненависти и страха. Ненависти к врагу и страха перед тем, что может не успеть, не догнать, упустить. В конце концов, казалось, ничего страшного: не один такой Бочкарев удирал за границу с награбленным добром, не встретаясь лицом к лицу с возмездием. Но этот не уйдет — так думал Григорий Чубаров. Всякий раз, дотрагиваясь до своего кинжала, он вспоминал о Сергее Лазо. О соратниках легендарного партизана — Всеволоде Сибирцеве и Алексее Луцком. Если бы их расстреляли, как обычно расстреливали пленных, — еще можно было бы понять. Война есть война. Но с ними поступили иначе. Многие годы не

удавалось выяснить правду о гибели Лазо и его друзей, но Чубаров знал главное — они были сожжены в топке паровоза.

Прошло много лет, прежде чем стали известны все обстоятельства смерти героев. Ведь главные виновники — японские интервенты и бочкаревы — вскоре были выдворены из Приморья. Значит, были выдворены и свидетели преступления, которое совершилось в мае 1920 года.

Александр Фадеев — активный участник борьбы с белогвардейцами и интервентами — писал в своем очерке о вожде дальневосточных партизан: «Лишь много лет спустя, собирая каплю по капле показания некоторых свидетелей и сопоставляя документы, удалось выяснить всю правду о трагической гибели Лазо и его товарищей». То есть о том, как их сожгли в топке паровоза.

* * *

Как я уже говорил, незадолго до начала нашего похода скончался учитель истории, страстный исследователь Камчатки, Михаил Порфирьевич Стельных. Погиб он трагически и нелепо по вине шофера-преступника, который сбил его и трусливо скрылся.

Михаил Порфирьевич был прекрасным человеком, много сил отдавшим изучению истории Камчатки. Кто знает, какие документы о Чубарове и чубаровцах хранятся в его богатых архивах? Несколько раз я хотел сходить к родным покойного, да так и не решился. Слишком свежо было горе у людей.

Накануне этого трагического происшествия случилась еще одна беда: в Палане скончался Роберт Павлович Юшин, сын Павла Юшина, командира камчатских партизан. Как и М. П. Стельных, Роберт Павлович был учителем, тоже историком, тоже работал над историей Камчатки. В особенности его интересовал период становления Советской власти на Камчатке. Он много знал и о чубаровском походе. Это он, Роберт Павлович Юшин, впервые опубликовал в местной, окружной газете сообщение о подвиге героев-чубаровцев. И он же после долгих поисков собрал документы и написал подробную биографию Григория Чубарова.

Узнав о том, что живы жена и сын легендарного командира и живут они в Одессе, Роберт Юшин тотчас же вылетел на материк и встретился с родными Григория Чубарова. Привез множество фотографий, письма красного командира и кинжал, подаренный Чубарову Сергеем Лазо. Сразу же по возвра-

щении на Камчатку Юшин сдал бесценную реликвию в Паланский краеведческий музей.

И вот теперь, используя прежде всего данные Р. П. Юшина, мне бы хотелось подробнее ознакомить читателя с жизнью Григория Чубарова, чье имя так дорого нам, идущим по его пути.

Родился Григорий Иванович Чубаров 27 ноября 1898 года в городе Кузнецке Пензенской области в семье валяльщика валенок. Отец его, Иван Андреевич, был кустарем-одиночкой. Мать, Евдокия Васильевна, — домохозяйка. Семья была большая. Когда двенадцатилетний Григорий окончил третью группу церковно-приходской школы, отец сказал ему:

— Вот что, Гриша, в нашем деле особой учености не надо. Сам я безграмотный и неплохие валенки валяю. А ты теперь, считай, академию окончил. Давай, помогай семье.

И Григорий тоже стал валяльщиком валенок. В течение четырех лет он работал ежедневно с раннего утра и до позднего вечера. Иногда до глубокой ночи.

Во время Первой мировой войны отец был мобилизован в царскую армию. Григорий стал кормильцем семьи. Работал по найму. На третьем году войны был призван в армию и направлен рядовым в 4-й пулеметный полк в городе Саратове. А вскоре его отправили на Юго-Западный фронт, где он воевал в составе 29-го Туркестанского полка.

Демобилизовался Григорий Чубаров в январе 1918 года и вернулся домой. К тому времени и отец уволился из армии. Еще труднее стало жить. Принялись отец с сыном за прежнюю работу, кое-как сводили концы с концами.

Когда началась Гражданская война, сын бедняка Григорий Чубаров внутренне уже был готов к тому, что нужно встать на защиту Советской власти. И он ушел в Красную Армию, стал бойцом 8-го артиллерийского дивизиона 59-й стрелковой дивизии. Тяжелая болезнь (тиф) вывела его из строя на несколько месяцев, но, выздоровев, он вновь оказался в рядах РККА. В составе 524-го стрелкового полка 175-й бригады прибыл в Иркутск. Командование заметило энергичного, инициативного красноармейца, и его назначили вначале помкомвзвода, а затем и командиром взвода. Его послали на четырехмесячные курсы комсостава при штабе 5-й Краснознаменной армии. После окончания курсов он стал командиром роты в одной из частей. Затем Григория Чубарова перевели в 311-й Владивостокский полк. Вот отсюда, через год с лишним, он вместе с экспедиционным корпусом и отправился на Камчатку.

Начальство предупредило Чубарова, что белыми насильно вывезена на Камчатку музыкальная команда из Владивостокского коммерческого училища. Поэтому противника необходимо было не уничтожать, а брать в плен для выяснения личности: жалко было ни в чем не повинных пареньков. Чубаров знал, что главари банд, если им удастся добраться до границы, убьют музыкантов. Но он не знал, в какой из банд находятся эти мальчишки...

Проехали Поднагорное. В тундре показались две юрты. Чубаров дал команду приготовиться к привалу. Но «почаевать» не успели. Вскоре показались две олени упряжки, которые мчались к юртам. Каюры, перебывая друг друга, рассказали, что они видели группу из десяти человек. Среди них — женщина. По всей видимости, это был отряд во главе с бочкаревским офицером капитаном Грундальсом, который бесчинствовал где-то поблизости.

Григорий Чубаров приказал красноармейцу взять самую крепкую упряжку с самой легкой нартой и догнать противника.

Один против десяти? Но расчет Чубарова был верным. В тундре, да еще зимой, нелегко делать обгоны и обходы. Это не степь. Было задумано: как только красноармеец настигнет последнюю нарту противника — открыть огонь. Тотчас же вслед за ним двинется весь отряд.

Бочкаревцы опешили, услышав первый выстрел, и остановились. Не успели они взяться за карабины, как послышались новые выстрелы и показались красноармейцы. Капитан Грундальс и несколько его подчиненных подняли руки. Комиссар первой разведгруппы Чернов подошел вплотную к капитану. Когда осталось два шага, бандит выхватил пистолет, но выстрелить не успел: его заколол подоспевший красноармеец.

Среди взятых в плен обнаружили двух музыкантов: Бронч-Барановского и Багринцева. Впоследствии они показали себя смелыми красными бойцами.

Напряженно было и в отряде Василия Зенкова. Вот что происходило на другом берегу полуострова примерно в то время, как группа Чубарова вступила в бой с Грундальсом.

«В 10 утра, — писал в донесении Василий Зенков, — прибыли в Дранку, где нашли четырех бочкаревых: первый — Павел Богусевич, второй — Григорий Марич, третий — Иван Марич, четвертый — Георгий Попов. Они были забраны в 9 часов утра того же дня местным отрядом. Кроме того, один, Максим Афанасьев, вернулся из Караги в бухту Корф, где находились

еще двое. Первый — Дислав Иванов, второй — Владимир Шарлан. У забранных найдены дневники, кои ими велись неаккуратно и неряшливо, даже прочесть всего нельзя при всем желании. В общем, разбойничьи записки, из коих видно, что белые разбегаются, меняют фамилии и имена. У Бочкарева в Гижиге беспорядок. По показанию забранных, Бочкарев ранен в левую руку. Вслед за этим донесением буду писать второе, подробно. А пока я даже не допрашивал их. Слишком устали, и предпочитаю сам и чтобы все люди отдохнули».

Вот так, не было сил писать подробное донесение. Трудно пришлось на обоих побережьях чубаровцам. И все же мы сейчас имеем подробное описание тогдашней Паланы.

«Селение Палан. Имеет 43 дома, 30 амбаров, 5 бань. Численность населения: взрослых мужчин — 64, женщин — 68, детей мужского пола — 66, женского — 75. Грамотных мужчин и женщин — 25 чел. Имеется школа, учитель и учащихся 11 человек. Комьячек и союза молодежи нет. Вероисповедание православное. Имеется церковь и священник. Государственных и других учреждений нет. Занятие жителей — охота, рыболовство, животноводство. Пушнина сдается частью в отделение фирмы «Свенсон», а в большинстве случаев в кооператив в обмен на продукты питания и мануфактуру. Постоянных и заезжающих скупщиков нет. Доверенный фирмы «Свенсон» — Флетчер. Спрос на спирт большой. Имеется при устье р. Палан японский консервный завод. Кочевники-коряки в числе 85 человек имеют 2500 оленей, 60 собак, 5 нарты. Ламуты в числе 60 человек имеют 1000 оленей, 30 собак, 3 нарты. Занятие кочевников — оленеводство и охота. В пути благонадежно. (Данные начальника 1-й разведпартии т. Чубарова.)».

Обращает на себя внимание то, что Чубаров и Зенков свои записки заканчивали фразой «в пути благонадежно». Так писали и до боя, и после боя, и тогда, когда в пути было действительно благонадежно и когда бывало по-настоящему тревожно. Думается, что в этой фразе крылся особый смысл. Ведь в любом случае нужно было двигаться на север к Гижиге, в любом случае помощи ждать было неоткуда. Значит, вся надежда на самих себя и на местное население. А в этом смысле действительно все было благонадежно.

* * *

После того как чубаровцы оставляли то или другое селение, вновь поднимали головы местные купцы и иностранные торгов-

цы. Они преследовали и терроризировали тех, кто оказывал помощь чубаровцам. Но они не знали, что вслед за отрядом Чубарова по этому же маршруту, как уже говорилось, двигалась группа красноармейцев во главе с Григорьевым. Этой группе приходилось на марше, как предписывалось в приказе Григорьеву, «применять самые решительные меры». Продвижение красноармейцев буквально наводило страх на представителей иностранных фирм. Только что прошел один отряд, широко поддерживаемый народом, теперь вот, неделю-две спустя, идет другой. Сколько же их? Наверное, подобные вопросы возникали тогда у многих.

...Ныне имя Чубарова известно в каждом населенном пункте Камчатки. Что же касается Корякского национального округа, то здесь все от мала до велика хорошо знают и чубаровцев, и мухинцев. И в этом, конечно, большая заслуга замечательного историка из Паланы.

Палана — родина Р. П. Юшина. Долгие годы скромный учитель истории работал здесь над архивными материалами времен Гражданской войны. И почти все, что было им обнаружено, доводилось до сведения читателей. Газета «Корякский коммунист» из номера в номер печатала труды своего постоянного автора.

* * *

...Вечер, состоявшийся в паланском окружном Доме культуры, запомнится нам на всю жизнь. Пионеры и комсомольцы — члены совета музея — год готовили рапорт. На вечере выступил ветеран Гражданской войны и труда Н. М. Русанов, уроженец Гижиги. Русанов хорошо помнит чубаровцев, был участником боя в Гижиге, хоронил комиссара Гаврилова и красных бойцов, погибших в последнем бою.

Зал стоя аплодировал, когда на сцену внесли портрет Григория Ивановича Чубарова. Юрий Владимирович Толстых, секретарь Корякского окружкома партии, сказал:

— Нам известно, что в село Каменское прибудет сын легендарного командира Григория Чубарова — Валентин Григорьевич Чубаров. Просим участников похода передать портрет героя его сыну как дар от трудящихся Корякского национального округа.

* * *

В поселке Лесное партизаны ожидали отряд Чубарова, чтобы дальше двигаться вместе. Дождались. Но задул восточный

ветер, называемый издревле «Камчаткой». Две недели отряд переждал невероятную пургу, которая мешала проехать через Карагинский хребет. Чубаров и его девять спутников добирались до Лесного с большими мучениями. Не хватало корма для собак. Бывали случаи, когда собака погибала прямо в упряжке. Юколы не было и в Лесном. Собаки дохли одна за другой. Когда пурга стихла и подсчитали количество упряжек, то вышло, что все вместе не могут ехать. Пришлось по очереди.

Казалось, ничто не могло остановить этих людей. Последние километры, оставшиеся до Рекинник, красноармейцы и партизаны практически тащили нарты, груженные пулеметами, винтовками, провизией, на себе. В Рекинниках всё перегрузили на аргозы и на север, вплоть до Каменского, шли уже на оленях.

* * *

Наши собачьи упряжки медленно продвигались вдоль восточного побережья. В течение нескольких дней справа, далеко за гигантскими многогранными торосами, чувствовалось дыхание океана. Я бывал в этих местах не раз. С камчатским врачом Анатолием Каптеровым в поселке Ильпыр мне довелось встречать Новый год у нашего приятеля мастера-рыбообработчика. Помню, дочь хозяина, школьница Валя, курчавая длинноногая девочка, весь вечер говорила о каком-то сюрпризе, который сделает гостям в двенадцать часов ночи.

— Ну, где же твой сюрприз? — то и дело спрашивал отец.

— Будет только в двенадцать часов.

За несколько минут до Нового года Валя вышла в другую комнату. Гости, которых девочка порядком заинтриговала, смотрели то на дверь, то на приемник. Забили куранты. В тот же миг появилась Валя, держа руки за спиной. После двенадцатого удара часов она медленно подняла руку.

Мы ахнули. Забыли, что даже не выпили за Новый год. Она держала над столом два красивых желто-синих пышных цветка.

Настоящие живые цветы. Здесь, в поселке Ильпыр, расположенном на песчаной косе у залива Уала. С трех сторон море, с четвертой — топкая непролазная тундра. В поселке почти никогда не стихает ветер, солнечных дней — раз-два и обчелся. Да и то в эти дни бывает почему-то еще холодней. Цветы под Новый год!

Школьница рассказала нам удивительную историю.

В Ильпыре живет уважаемый в поселке рыбообработчиков человек, который никогда не писал стихов, но все его называют поэтом. Учитель-поэт Шумилов.

Каждый раз Шумилов показывал своим ученикам муляжи овощей и цветов с какой-то болью в сердце. Фальшиво. Без запаха. Без солнца. Муляж есть муляж. И вот он загорелся дерзкой мыслью — вырастить овощи и цветы в суровом краю.

Для теплицы нужны стекла, а их не было. Но, как говорится, гениальное — всегда просто. На севере полуострова в каждом доме много консервированных продуктов. Стеклянные банки тысячами выбрасывают в море. По предложению учителя, ребята собрали целую гору банок. Банка на банку, банка на банку, крепили цементом, и вскоре теплица была готова. Ребята натаскали земли, удобрений и посадили огурцы, арбузы, помидоры, цветы. Каждый день приходил Шумилов с ватагой школьников — коряков, чукчей, русских — на свою прозрачную стеклянную планету.

Через несколько недель на грядках стали появляться крохотные арбузы, огурцы, помидоры. Стали распускаться цветы.

И пусть арбузы не созрели, пусть цветы не так пахнут, как на материке... Впервые дети-северяне увидели кусочек другого мира, отвечали урок не у классной доски, а у земли, у солнца. Они еще больше полюбили и поверили в землю, в солнце, еще больше полюбили и поверили в учителя, умеющего приблизить солнце к земле.

В те новогодние дни Шумилова не было в Ильпыре, но он незримо присутствовал в каждом из семидесяти пяти домов поселка, где дети в двенадцать часов ночи ставили свои «сюрпризы» на стол.

* * *

Хаилино — камчатское село. Хаилино — материковое село. Здесь климат континентальный, как в Сибири, хотя нередки и штормовые ветры, как на Камчатке.

В тот день в Петропавловске, по сообщению радио, было 11 градусов мороза, в Тигильском районе — 26, в Олюторском — 32, в Пенжинском — 48. О Хаилино в тот день радио молчало, хотя термометры там показывали минус 55 градусов.

Мы спешили в Хаилино. Или сегодня, или — можно уже не спешить. Сегодня там традиционное совещание оленеводов. Стало быть, ярмарка, спортивные состязания, концерты.

В пятидесятиградусный мороз изо всех оленеводческих бригад спешили на собачьих нартах и оленьих аргизах передовики производства — звеньевые, пастухи, учетчики, чумработницы.

Совещание проводилось в хаилинской средней школе. Здесь собрались около ста оленеводов — коряков, ительменов, чукчей, разодетых в праздничные кухлянки, малахаи, коагли, торбаса. Можно только позавидовать тому, как оленеводы Камчатки проводят свои собрания. Ни одного лишнего слова. Ни одного повторения. Оленевод, выступающий с трибуны, говорит спокойно, не торопясь, без всяких междометий и прочего словесного мусора. Говорит сначала на корякском языке, после чего сам себя переводит. Как правило, все, особенно молодежь, отлично владеют русским языком.

Звеньевой девятого звена корфского оленесовхоза А. И. Туркиний говорил о трудовой дисциплине. Н. Н. Долганский, пастух-учетчик первого звена, — о том, как некоторые табуны нарушают границы пастбищ. Дело в том, что в оленеводстве, как и в любом другом производстве, все планируется. К примеру, известно, что на таком-то участке пастбища может пасть только такое-то количество оленей. Значит, так и должно быть. Иначе большее, чем нужно, количество оленей испортит землю, ягель, который воспроизводится только через несколько лет. И не случайно о проблеме «нарушений границ» на совещании говорили все. Причем Долганский потребовал, чтобы облисполком или райисполком издали положение об ответственности за потраву пастбищ чужих хозяйств.

Долганская Валентина Афанасьевна — работница чума звена. Работает в тундре 10 лет. Проблему она подняла очень серьезную. Вот так примерно выглядело ее выступление:

— Чумработница в тундре — и повар, и швея, и прачка. Без нее никак нельзя оленеводу. Это известно каждому. Но к великому сожалению, скоро, если и дальше так пойдет, в тундре не будет женщин. Уже сейчас в звеньях остались одни старухи. Молодые не хотят жить в тундре. Когда-то ведь была проблема с пастухами. Теперь ее решили. Очень много молодых ребят и до, и после армии идут работать оленеводами. Сейчас настало время проводить, особенно в школах, определенную воспитательную работу среди девушек, надо их настроить психологически к работе в тундре.

Так же по-деловому, так же страстно выступала чумработница Евдокия Уягинская.

— Сейчас жирники и фитили из мха можно, наверное, увидеть только в музее. Но когда забывают нам поставлять, казалось бы, такую мелочь, как свечи, то в пору хоть отправляться в музей. А то жирники все позабросили, с керосиновой лампой

возни много, а свечей нет. Вот и работаешь в чуме на ощупь. А ведь где-то все есть: и лахтачи шкуры для подошв торбасов, и батарейки для транзисторных приемников, и свечи. Только нет души у некоторых людей, от которых зависит доставка необходимых вещей в тундру. Много было сказано на совещании о специальных домах, поставленных на перекрестках маршрутов. Спору нет, дома эти необходимы. Спасибо тем, кто их поставил. Ведь перегоны табунов — это колоссальный труд. Нужно и передохнуть малость в пути, и отогреться, и пожить несколько дней в хороших условиях. Домики эти должны быть рубленые, законопаченные мхом, утепленные. А они сделаны очень плохо. Холодно в них, неуютно.

Комсомолец Саша Апахля, пастух комсомольско-молодежного звена номер шесть, говорил о том, как нерегулярно завозят им резиновые сапоги, кстати, почему-то все сорок четвертого размера.

Ни один из выступающих не повторил того, о чем говорил предыдущий оратор. Рядом со мной сидел молодой парень с длинными черными волосами и с закинутым на спину разноцветным малахаем. Он сильно ударил по своему «меховому» колену, когда на трибуну вышел старейшина совхоза — семидесятилетний оленевод И. С. Коммо.

— Что случилось?

— Да ничего, — с досадой сказал он, — сейчас Иван Семенович обязательно будет говорить о копытке, и тогда я не смогу рассказать о том, как плохо у нас с этим делом.

— Почему не сможешь? Выйдешь к трибуне и добавишь...

— Однако давай послушаем Коммо, — сказал он.

На трибуне стоял худощавый старик с испещренным мелкими морщинами лицом, глазами-запятыми. Одет он был не в кухлянку, как все, даже прибывшие из города гости, а в красивый, ладно сшитый пиджак. На лацкане пиджака — орден Ленина. Говорил он тихо, спокойно, словно был уверен, что в зале будет мертвая тишина. В зале и была мертвая тишина. Говорил на коряжском языке. Тут же его переводили на русский и стенографировали. Старик говорил дело.

— Смотрю я на молодежь в тундре, — начал Иван Семенович, — и вспоминаю свое детство, юность. Тогда у меня, у моих сверстников не было даже собственных имен. А мы приобрели при Советской власти и имена, и фамилии. Вот почему, глядя на молодежь, я часто вспоминаю свое детство, свою юность. Нынче все по-другому. Даже парни другие. Какие-то красивые,

что ли. Здоровые, высокие, грамотные. Смышленные. Словом, любоваться можно. Но любоваться можно ими только в тундре, когда их видишь в работе, где они уважают традиции, седые волосы. Увидишь этих же парней в центральной усадьбе, словно подменил их кто. Шатаются из угла в угол и не знают, куда себя деть от безделья. И так день, два, десять, весь отпуск, пока не уйдут в тундру. В поселке есть клуб, но никакой работы он не проводит. Спортивные соревнования устраиваются только раз в году во время ярмарки. Если мы ничем не заинтересуем ребят из тундры, они просто погибнут. Не может же быть, чтобы молодой человек в одних условиях был прекрасным, замечательным, а в других — пустым, никчемным. Вернувшись из тундры, они теряют веру в себя, веру в свои силы и знания...

Я привел часть стенографической записи выступления ветерана, которого хорошо знал. Писал о нем в «Камчатской правде» и «Литературной газете». Этот человек имел моральное право говорить о вере в себя, в свои силы, в свои знания.

* * *

...Это было несколько лет назад. В торжественной обстановке односельчане проводили старого оленевода на пенсию. Но дирекция совхоза, зная беспокойный характер бессменного бригадира оленеводческой бригады, учитывая его опыт и то, с каким уважением к ветерану относится молодежь, назначила его «флагманским капитаном» каравана табунов.

Ничего из этого не вышло. Коммо, человек, рожденный в тундре, воспитанный тундрой, был в первую голову суровым реалистом. Относиться к своему новому званию просто как к званию он не мог. А работать в табуне, как прежде, — сил не было. Труд пастуха, тем более бригадира, требует могучего здоровья, крепких и быстрых ног, иначе можно погубить многотысячное стадо. Но где взять крепкое здоровье и быстрые ноги в шестьдесят пять лет? И Иван Семенович захандрил. Стал нелюдимым.

— Я тогда понимал, — рассказывал мне потом старик Коммо, — что пенсионер есть пенсионер. Он должен знать свое место. Тебе только кажется, что все можешь, как прежде. Но это самообман. А в тундре никого не обманешь и себя не обманешь. Все видели, что я не могу уже работать в табуне. И жалели меня. А я не мог мириться с тем, что меня жалеют. И ушел в тундру. Решил, что буду жить один.

Мне и раньше доводилось слышать много легенд и рассказов о том, что старые коряки, когда приходит к ним немощь,

когда они чувствуют дыхание смерти, зачастую уходят в тундру, где и встречают спокойно смерть.

Так что фраза Коммо «решил, что буду жить один» мне была понятна. Долго я выпытывал у старика детали его жизни в тундре.

Представьте себе морозную тундру, оленью упряжку и старого человека, сидящего на аргизе. Аргиза медленно ползет по скрипучему целинному снегу, оставляя за собой следы, ведущие, по существу, к могиле. Думая постоянно о смерти, он всегда, когда отходил от упряжки, непременно распрягал оленей, чтобы в случае чего они не могли застрять с аргизой где-нибудь и погибнуть.

Пищи было вдоволь. В аргизе находились юкола и строганина, да и ружье время от времени приносило трофеи — то зайца, то куропатку. Соболей старик уже не брал: зачем добро переводить, все равно мясо не съешь, а шкуру некому сдавать. Одно было плохо: давно кончился чай и спички были на исходе. Но это старика ничуть не волновало. Скорее, радовало, как-то подзадоривало. Он действительно радовался — ему хотелось увидеть себя в борьбе... в борьбе со смертью.

Мне вспомнился знаменитый мореплаватель-одиночка 75-летний Уильям Уиллис, решивший по-своему уйти в иной мир. А для него и «иной мир» и «этот мир» — все включало в себе одно слово: «океан». Почувствовав, что ему, старому «морскому волку», невозможно находиться на берегу, а возраст уже не позволяет жить в борьбе со стихией, Уиллис на своей «Маленькой одиночке» вышел в Атлантику и больше не вернулся. Человек, до этого дважды покоривший в одиночку на плоту Тихий океан, добровольно шагнул в пучину волн.

Тундра — это тот же океан. Те же бескрайние просторы, та же суровость, то же разнообразие красок горизонта, та же форма «с ним шутки плохи».

Вот и последняя спичка. Убедившись, что она действительно последняя, старик долго не хотел разжигать костер. Он понимал, что это будет последний костер в его жизни, и ему хотелось как-то подготовиться к нему. Шесть дней он не дотрагивался до спички. Жил без кипяченой воды. Ел мерзлые куски рыбы, а жажду утолял снегом. Спал на аргизе в кухлянке, укрывшись оленьей шкурой и брезентом. По ночам ему снились костры...

Как-то ночью Коммо проснулся, сбросил с себя шкуру и брезент и принялся в темноте разжигать костер. За короткое время в полной темноте набрал большую охапку дров, при-

ташил к аргизе и стал руками разгребать снег, чтобы костер потом не «садился» в яму. Острым пареньским ножом он наскреб полукольцами от сухой ветки тоненькие щепки, сложил их вместе, вытащил из кармана сломанную расческу и, держа ее одним концом в ладони, поджег от единственной спички. Вскоре вокруг стало светло. Взяв большую ровную палку, он хотел воткнуть ее в снег так, чтобы можно было повесить чайник со снегом, но остановился в задумчивости. Дело в том, что, по обычаю коряков, в подобных случаях палку направляют в ту сторону, куда ведет их дорога. У старика не было дороги. И он не знал, куда направить палку. Морозный ветер раздувал костер, который громко потрескивал и освещал силуэты аргизы, старика, сидящего на корточках, оленей, пасущихся чуть поодаль. Рядом с костром старику было тепло и уютно. Он вспомнил о доме. И вдруг осенило: палку надо направить в сторону дома. Он тяжело привстал, ощущая боль в ногах, скорее интуитивно, нежели по каким-либо другим признакам, определил, в какой стороне находится село, и воткнул палку в снег.

Всю ночь он смотрел на костер, разговаривал с ним, исповедовался и, намаявшись от дум, к утру заснул. Легли в снег и два оленя, прижавшись друг к другу. Когда старик проснулся, от костра уже веяло сырым холодом. Ему вдруг сделалось жутко. Не отдавая себе отчета в своих действиях, он быстро запряг оленей и стал гонять их по тундре. Час гонял, два гонял. Несколько раз падал и каждый раз с большими трудностями добирался до удалившейся на изрядное расстояние аргизы. Старик чувствовал, как от гонки поет душа, его захватил спортивный азарт.

Он гонял оленей, делал крутые виражи, частенько поглядывал то назад, то по сторонам, словно его настигал воображаемый противник. Неожиданно олени, будто сговорившись, в один миг так резко отпрыгнули в сторону, что старик вылетел из аргизы и упал в снег в нескольких метрах от упряжки. «Волки», — мелькнуло в голове у каюра. И в ту же секунду он увидел неподалеку двух волков. Они сидели на задних лапах, выпятив вперед мохнатые груди.

Старик стал медленно ползти к аргизе, которая, перевернувшись, застряла в ветках кедрача. Рядом копытами о снег бились олени, стараясь вырваться из плена. Когда старик стащил ружье из аргизы, волки бросились бежать. Он выстрелил вдогонку. Вытащил аргизу из кустов, но, как ни старался, олени не хотели идти в сторону, где скрылись хищники. Старик

был уверен, что попал в одного из них. Так и не справившись с оленями, он решил пойти пешком. Вскоре обнаружил на снегу капли крови.

Поздно вечером, пройдя не менее десяти километров по глубокому снегу, он вернулся к оленям, свалился на аргизу и тут же заснул. А утром почувствовал, что боль в ногах, которая так мучила в последние месяцы, не то чтобы прошла, но стала какой-то приятной, что ли. С тех пор старик ежедневно бродил на снегоступах по кочковатой тундре и бугристому кустарнику десятки километров. Движение сделалось потребностью. Он стал придумывать себе систему занятий. До полудня ходил пешком, а затем бегал за оленьей упряжкой. После таких занятий с величайшим удовольствием ел большие куски юколы и строганины.

На труднейшей жизненной дистанции, с которой он чуть было не сошел, открылось второе дыхание. И ему вдруг захотелось домой. Захотелось встретиться с людьми. Как никогда, он поверил в свои силы, в жизнь. Вся затея с этим, как он понимал, самоубийством стала казаться ему жалкой, оскорбительной, а еще вернее, оскорбляющей. Одно успокаивало старика — никто в селе не знал о его намерении. Он попросту обманул домашних, сказал, что поедет на всю зиму по табунам... А то ведь начнут шуметь, и стая вертолетов поднимется в воздух.

Домой, домой, где его ждут. На трассу, где проходят оленьи гонки, чтобы увидеть ровный ряд упряжек на старте, услышать прерывистое дыхание оленей. И на работу, в табун, но только так, чтобы направили его в бригаду не из жалости, а поверив в его силы.

На корякской национальной ярмарке оленьи гонки занимают самое почетное место в программе спортивных соревнований. Это примерно как марафонский бег на Олимпийских играх, когда чемпион становится национальным героем.

Коммо приехал в село за несколько дней до районных соревнований по национальным видам спорта. И сразу же по селу разнеслась весть о том, что вернулся старик Коммо, решивший помериться силами с молодыми каюрами.

В то утро вместо заявленных двенадцати упряжек стартовали тринадцать. Все село вышло на реку поглазеть на оленьи гонки. Работа каюра оленьей упряжки напоминает работу яхтсмена: те же глубокие наклоны, те же частые повороты, крены и, конечно, тот же встречный жгучий, радующий душу ветер. Старик пришел вторым, к полному восторгу односельчан.

Через неделю все село провожало Ивана Семеновича Коммо в тундру, он был назначен бригадиром в самую отстающую бригаду Корфского оленесовхоза.

* * *

С тех пор прошло несколько лет. Старику Коммо пошел восьмой десяток. И вот он выступает с трибуны, выступает по делу.

Ветеран долго говорил о досуге молодых оленеводов, потом перешел к теме, которая так волновала моего длинноволосого соседа. Речь шла о некробациллезе, так называемой копытке. Недуг этот страшен тем, что важеньки (оленихи), переболевшие им, приносят ослабленных телят. По мнению Коммо, не все пастухи подготовлены к летовке табуна, не во всех бригадах имеется достаточное количество лекарств. Многие не знают методик применения лекарств, а отсюда — и причины быстрого распространения инфекции. Коммо, как и все выступающие, говорил спокойно, так сказать, на одной ноте, но вдруг, как мне показалось, он все-таки повысил голос:

— Нам нужна быстрая информация о появлении инфекции и о ее передвижении. Тогда мы сможем быстро ликвидировать ее. Никто не имеет права забывать, что важенька, переболевшая копыткой, три поколения дает ослабленных оленей. Так что речь идет о будущем.

От земляков ветерана я узнал, что он и раньше был таким же активным, серьезным, порой злым, когда видел беспорядки. Но все эти качества особенно проявляются после того, как он вернулся из тундры. Чувство ответственности стало одним из главных в работе. Он часто говорил: «Или уходи, или делай дело хорошо». И люди знали, что он имеет право на такие слова.

За отличные трудовые успехи, за стопроцентное сохранение маточного поголовья, за развитие сельского хозяйства области Иван Семенович награжден орденом Ленина.

Совещание закончилось поздно вечером. А на следующий день началась северная ярмарка.

Северная ярмарка — это одно из уникальнейших празднеств на земле. Продажа меховых изделий и дичи, горячие пельмени на пятидесятиградусном морозе, песни, танцы, хороводы и, конечно, спортивные состязания. Национальных видов спорта не так уж много, и я позволю себе перечислить те, которые культивируются сейчас на Камчатском севере: бег с палкой, борьба на морозе (партнеры раздеты до пояса), метание чаута, гонки на собачьих и оленьих нартах.

Пятнадцать оленьих упряжек выстроились в ожидании команды стартера. Среди них вновь была упряжка старика Коммо. Может быть, вот о таком миге мечтал он несколько лет назад там, в тундре, где вернулась к нему вторая молодость. Коммо стоял у аргизы и улыбался. Было очень холодно. Накануне из-за пятидесятишестиградусного мороза чуть было не отменили состязания. Но судейская бригада решила проводить гонки. В конце концов, такие морозы — обычное явление. А Коммо, когда спросили у него совета, сказал, что соревнования можно было бы отменить, если бы, скажем, вместо мороза была оттепель. Вот тогда действительно хлопотно, а при морозе — одно удовольствие. Никита Михалков и Гена Лысяков возились с киноаппаратурой. Мы им помогали снимать спортивный праздник: грели аппаратуру в кукулях.

На празднике в Хаилино было много гостей из области, а хабаровской киностудией снимался фильм о Корякском национальном округе. Они удивлялись, зачем каюрам нужны нагрудные номера, когда все здесь друг друга и так отлично знают. А дело в том, что на дистанции гонщиков не отличить одного от другого. Все сплошь белым-бело: и олени, и каюры, и аргизы. Все покрывается инеем от дыхания.

Зрители, в праздничных национальных костюмах, презрев трескучий мороз, весело подбадривали молчаливых и серьезных каюров.

Сразу же после старта, спотыкаясь о полы длинных кухлянок, по следам нарт метнулись дети, тщетно стараясь догнать каюров. И, не догнав, возвращались с озорно блестящими глазами.

Дистанция сорок километров. В этом виде спорта никаких рекордов нет и быть не может. Сорок километров олени могут пробежать за час, а то и за пять, все зависит от наста, от погоды, от времени года.

До финиша еще долго, и зрители придумывали всякие игры. На таком морозе нельзя просто так стоять. Только движение может помочь согреться. Кто-то бросил в воздух небольшой пестренький тряпичный мячик. И пошло! И поехал! Дети и взрослые, женщины и мужчины (в эти минуты все они были как дети) побежали за мячиком, падая на снег и весело смеясь. И вдруг раздался громкий крик:

— Олени! Олени идут!

Толпа бросилась к месту финиша, оставив посередине просвет для прохождения упряжек. В туманном мареве я видел только одну упряжку, стремительно приближающуюся к пест-

рой толпе. Серое на сером фоне, и невозможно определить, кто лидер. Все напряженно ждали. Вдруг какой-то мальчишка пронзительно закричал:

— Папилька, папилька!

Все знали, что у этого мальчика папилька, то есть дедушка, один — старик Коммо. Дальнейшее уже невозможно описать. Люди обнимались, целовались, удивлялись. Радость была так велика, что на какое-то время даже забыли о Коммо, стоявшем в стороне и вытирающем меховой варежкой иней с лица. Лысяков снимал его и просил, чтобы старик не торопился вытирать иней.

— Как снег? — спросил старика Никита.

— Плохой. Не люблю, когда медленно. Настроение падает. Хочется, чтобы быстро. Чтобы ветер.

Коммо хмурился, но по его узким искрящимся глазам можно было видеть, как он безмерно счастлив. Я вспомнил прекрасное название книги бывшего чемпиона мира по штанге Юрия Власова «Себя преодолеть». Название это замечательный спортсмен взял из стихотворения Эмиля Верхарна «Меч». Там есть такие слова:

И кожа сохнет, и мышцы слабеют,
И скука вьется в плоть, желания губя.
И в черепе твоём мечты окостенеют,
И ужас из зеркал посмотрит на тебя.
Себя преодолеть...

На небольшом снежном бугре, заменяющем пьедестал почета, стоял человек. Ему шел восьмой десяток. Он был счастлив и стеснялся своего счастья. Решением организаторов соревнования победителю была вручена великолепная важенка красивой, редкой белой масти. Двое парней с трудом подвели большую рогатую олениху, которая рвалась из стороны в сторону. Не знаю почему, но когда она перешла в руки будущего хозяина, то как-то присмирела. Может быть, почувствовала опытные руки старого оленевода...

Интересными были и гонки на собачьих упряжках. Чемпионом в этом виде спорта стал пятидесятилетний пастух С. И. Юттын. Второе и третье места соответственно заняли Б. Енкавав и А. Нутахмет.

Борьба. Оба партнера, как и положено по правилам, разделены по пояс. От обоих идет густой пар. Как и в обычной борьбе,

довольно долго идет взаимная разведка, порой так медленно, словно они на классическом ковре в помещении, а не на снегу. Каждое движение борцов сопровождается дружными криками болельщиков. Иногда, схватив друг друга за пояса, борцы падают и тут же вскакивают. Тогда на коже можно увидеть ссадины и царапины. Снег жесткий, как битое стекло.

Первое место занял пастух Игильгин Иван Максимович, второе — Ядгерген Олег Яковлевич и третье — Войтгигин Сергей Иванович.

О метании чаута, наверное, наслышаны многие. Однако не все знают, как проводятся соревнования по этому виду спорта. Почему-то принято считать, что олени рога прибиваются к какому-то столбу и метатель должен накинуть на них чаут. На самом деле один из участников соревнований крутит олени рога вокруг себя на веревке, и соревнующийся должен поймать своим чаутом эту стремительно вращающуюся ветвистую цель. Поистине захватывающее зрелище. Победителем здесь вышел Манруни Иван Тимофеевич, опытный пастух. Саша Апахля, который до недавнего времени ходил в учениках и только недавно переведен в пастухи, занял второе место.

Бег с палкой. Дистанция пять километров. Стартовало около десяти смельчаков. Именно смельчаков. Не каждый осмелится в такой мороз отправиться в пятикилометровый путь без кухлянки и малахая. Когда спортсмены минут через двадцать приблизились к месту финиша, их нельзя было узнать. Они словно повалились в снег. Лиц не было видно, они покрыты инеем. Первым пробежал дистанцию молодой пастух Ильичан Георгий.

Все победители и призеры были награждены ценными призами — кто теленком оленя, кто шкурой лахтака, кто часами, а кто патронами.

И уж совсем как на древних Олимпийских играх, наряду со спортивными состязаниями проводились конкурсы на лучшее исполнение национальных песен и танцев. К счастью, все это было (несмотря на тяжелые природные условия) отснято на кино- и фото пленку.

Но выдержат ли пленки сильные морозы? Вопрос этот нас очень волнует. Постоянно возимся с ними, храним киноаппаратуру и пленки в наших кукулях, но все же надежды мало. По ночам мороз доходит до шестидесяти. А это выше (или в данном случае — ниже) всяких нормативов.

...Я уже упомянул, что Василий Зенков, выбившись из сил, не смог даже допросить двух пленных бочкаревецев и в своем донесении сообщил начальству, что делает это после отдыха. Действительно, последовало новое донесение командира второй разведпартии. Вот выдержки из него. «Доставлены два бочкаревецца, опрошены. Сам Бочкарев 7 июля 1922 года выехал в Олу на катере. С ним 11 офицеров: Фиалковский, Шевчунас, Батько, Яркин, Баренц, Зезулевский, Григорьев, Вике и другие. Увез с собой 10 тысяч рублей золотом... Поляков заготовил теплую одежду... В Оле Бочкарев встретился с Олафом Свенсоном, снабдившим его оружием. Генерал Поляков готовился к бегству через Чукотку на Аляску...» Донесение очень большое, интересное, насыщенное многими деталями, раскрывающими подлинное лицо белогвардейцев. Но мне хотелось бы остановить внимание читателя на одном из офицеров.

Шевчунас. К моменту допроса этот офицер уже не был в Оле. Не был он и в Гижиге. Этот пират (Шевчунас носил на левом глазу черную повязку) был «командирован» Бочкаревым на север Камчатки в сторону Чукотки с тем, чтобы наводить там страх и ужас на местное население. Отряд Шевчунаса как бы прокладывал дорогу для всей банды, которая, учитывая наступление весны, тщательно готовилась к последнему маршу на северо-восток. На Аляску.

Славился Шевчунас на Камчатке как мародер. Он даже стаскивал с убитых одежду.

Недалеко от села Каменское отряд Шевчунаса уничтожили чубаровцы, сам полковник был пленен. Его подробно допросили, составили соответствующий документ и расстреляли. Красноармейцы перехватили у бандита письмо, которое он собирался отправить с нарочным есаулу Бочкареву. Приведу из него всего несколько строк, и читатель сможет представить себе, какими отвратительными методами пользовались враги революции: «Господин полковник, я очень прошу выслать мне 12 человек... Многого можно сделать... Когда возьмем Марково и захватим Караева, Кибизова и Кузьмича (местных руководителей Советской власти), я сначала предложу, чтобы каждый из них внес определенную сумму (собственные деньги у них, наверное, есть). Это как наказание, то есть выкуп от расстрела. Когда же получу выкуп, все равно расстреляю. Словом, от взятия Маркова какая-нибудь польза будет...»

Основные бои проходили на территории нынешнего Пенжинского района — самого сурового края Камчатки. Села именно этого района больше всего подвергались тогда набегам со стороны белых, которые считали местных жителей «дикарями, живущими в северной пустыне».

Ну что ж, давайте поговорим об этой «северной пустыне». Многие исследователи считали и считают, что пенжинская и пареньская тундры — самые суровые места на земле, где живут люди.

Здесь на расстоянии двадцати километров может быть разница в температуре воздуха в двадцать градусов. Бывают самые холодные штормовые ветры. При сильном ветре температура доходит до шестидесяти и более градусов мороза. Здесь почти нет леса, а это значит — нет дров. Суровый край — и все тут. Пенжинский район занимает примерно треть территории Камчатки, а население не превышает и полутора процентов от общего числа жителей области. Четыре тысячи человек живут сейчас на территории 125 тысяч квадратных километров. Как вы же они, эти люди, о которых пятьдесят лет назад говорили «дикари, живущие в северной пустыне»? Приведем цифры: из 4 тысяч человек, составляющих население района, 128 человек имеют высшее образование, 328 среднее специальное, 48 врачей, 91 учитель, 870 учащихся, 56 работников культуры. В районе построено восемь больниц со 110 больничными койками, восемь домов культуры и клубов, восемь школ, в том числе музыкальная.

Прекрасный врач и талантливый организатор здравоохранения, заведующий Камчатским облздравотделом Николай Семенович Колесников, много сделавший для организации нашего похода, с гордостью говорил, что на севере полуострова на душу населения врачей в три-четыре раза больше, чем в самой развитой капиталистической стране. Колесников может часами говорить об успехах здравоохранения самого северного района области. Ему особенно полюбился этот суровый край, где живут, по его мнению, необыкновенные люди.

...Тигильский, Олюторский, Карагинский, Пенжинский районы. Все это — Корякский национальный округ. С 1930 года, то есть со времени образования округа, здесь произошли такие перемены, что трудно даже найти какие-либо тогдашние показатели для сравнения. Сравнить просто не с чем. Старик Коммо как-то признался, что узаконенное (почти насильственное) привлечение в тундру элементов цивилизации приве-

дет к беде. Он опасался, что настанет день, когда по какой-то причине государство перестанет помогать местному населению, бесплатно учить, кормить и одевать детей. И тогда, отвыкший от шаманства, от старых традиций, от любви к тундре и оленям, народ погибнет.

Я вспомнил, как один из старейших представителей эскимосских общин в интервью корреспонденту радиостанции «Западная Аляска» сказал: «Открытие черного земляного жира (нефти) в недрах нашей тундры ускорит исчезновение иннуитов. Мы не выдержим такого натиска. Часть из нас уйдет навечно в облака, а другие растворятся в несметной гуще пришельцев, потеряв свое лицо и свой язык».

* * *

...Каждое новое известие чубаровцы старались как можно быстрее передать командованию. Для этого использовался телеграф. А в тех местах, где связи не было, красноармейцы просили своих каюров помочь им переправить материал. Как известно, в большинстве случаев каюрами были представители коренного населения, которые на своих упряжках перевозили бойцов до очередного поселка и возвращались к себе. Вот их-то зачастую и приходилось просить задержаться до сбора материала и затем использовать в качестве нарочных. Каюры добросовестно выполняли поручения красноармейцев. Почти все донесения были доставлены командованию, которое находилось в Петропавловске. Поражает то, как чубаровцы выхватывали из массы полученной информации самое нужное, самое важное: «Бочкарев носит другое имя — Валентин Озеров. По профессии коммерсант, состоит в связи с Олафом Свенсоном. Протоколно доказано, что весной прошлого года Бочкарев сдал американской фирме на шхуну «Мозетлан» пушнину, составляющую собственность Российской республики: в Гижиге — на сумму двести тысяч золотых рублей, в Оле — на 50 тысяч... Американская фирма снабдила Бочкарева огнестрельным оружием: 75 винчестеров 30-го калибра, 50 револьверов, автоматическое оружие в достаточном количестве».

Еще до встречи с врагом красноармейцы знали практически всех противников поименно, в особенности командный состав. Собирая по крупицам сведения, они составили текст очередного донесения: «В прошлом году с особым поручением Бочкарева находился в Средне-Колымске штабс-капитан Николаев... На реку Омолон прибывает бочкаревский поручик

Похоруков. Штаб Полякова в Гижиге состоит: поручик Цидович, губернский секретарь Хорьков, командир Шредерс; офицеры роты — штабс-капитан Самсонов, поручики Стремин, Янков, корнет Тедор, на радиостанции Наяхана находились корнеты Ярохин, Хлопотов, моторист подпрапорщик Гейн и другие. В бухте Корф — полковник Данин, штабс-капитан Востротин, вахмистр Пандрин и другие. Данин на «Магните» ездил в Анадырь... Бочкарев прибыл в Гижигу 25 декабря».

Такие данные мог бы собрать, кажется, только профессиональный разведчик. А тут — молодые ребята, находящиеся на марше, преодолевающие труднейший путь, идущие с боями и на бой.

Приближаясь к поселку Каменское, часто вспоминал, как однажды я летел туда на маленьком АН-2. Нас, пассажиров, было только двое. Оба одеты в корякские национальные шубы. Оба носили маленькие усы. Летели молча. Разговаривать бесполезно, такой рев стоит в самолете, что сам себя не услышишь. Прильнув щеками к холодным иллюминаторам, смотрели вниз, следили, как облака-барашки стремительно подползали под самолет. Иногда, встретившись взглядами, изображали какое-то подобие улыбки и снова прижимались к холодному стеклу. Вдруг сквозь рев мотора я отчетливо услышал мотив национальной армянской песни. Сосед насвистывал ее, губами почти касаясь стекла. Стал насвистывать и я. Мы впились глазами друг в друга, продолжая свистеть уже в такт. Я видел, как искрятся его удивленные глаза. Наверное, такие же глаза были и у меня.

— Откуда, ахпер (по-армянски — брат)? — Он сумел-таки перекричать рев мотора.

— Из Карабаха, — заорал я.

Бог мой, что тут было! Мы неуклюже обнялись, хлопая друг друга по меховым плечам.

Выяснилось, что мы хорошо знаем друг о друге, хотя видеться не приходилось. Это был Левон Газаров. Тот самый Левон, который на собственном «Москвиче» добрался от Камчатки до западных границ страны.

Позже, в тундре, когда мы ели шашлык из оленины, он подробно рассказывал обо всех перипетиях своей нелегкой поездки на машине. А я ему поведал о нашем лодочном переходе по рекам страны. Разные дороги, но так много было общего. Общая для нас и любовь к Северу. За несколько дней пребывания в Пенжинском крае мы с земляком просто влюбились в него.

О Камчатке часто говорят: «Здесь начинается Россия». А где же начинается сама Камчатка? Мне кажется, с Пенжинской тундры, ее бескрайних белых просторов.

* * *

Из Каменского мы связались с городом. Нам сообщили, что в Петропавловск прибыл Валентин Григорьевич Чубаров, сын легендарного красного командира. Значит, все идет по плану. Вспомнились Авачинская бухта, яхта «Дельфин», операция «Спички». Как давно это было. Летом, когда по Аваче еще ходили на яхте. Помнится, как в обкоме комсомола обрадовались тогда моей идее пригласить на последний этап путешествия сына Чубарова и Бориса Александровича Леванова, одного из участников тех далеких событий.

Одному Богу ведомо, сколько писем я написал в «Литературку», в «Комсомолку», в ЦК ВЛКСМ с настоятельной просьбой помочь организовать приезд сына Григория Чубарова к нам на маршрут. И главное — все откликнулось.

Валентин Чубаров прибыл на Камчатку. А вот о Леванове «центр» молчал. Может, заболел старик...

Погода была нелетной, и мы не могли дожидаться Валентина Чубарова в Каменском. Решили пока продолжить путь по маршруту и добраться до Манил. Там можно будет подождать, так как именно с Манил начинается последний этап, финишная прямая. Это будет одновременно и самый трудный участок. На нем нет многочисленных поселков, которые заранее были бы «центром» оповещены о нашем приходе. От Манил и практически до территории Магаданской области — всего один поселок — Парень. Или Нижняя Парень, или Камчатская Парень — так по-разному обозначают на картах этот населенный пункт.

Манилы — центральная усадьба колхоза имени XXII партсъезда. Председатель колхоза Михаил Антонович Новиков на Камчатке с 1937 года. Приехал сюда шестнадцатилетним парнишкой. Ловил рыбу в Тихом океане. Работал рыбным мастером на заводе. Вырос до директора рыбообрабатывающего завода. Десять лет назад был назначен председателем колхоза в Манилах со сложным хозяйством: оленеводство, рыболовство, рыбообработка, пушнина.

Колхоз своими силами и средствами, по сути дела, выстроил новый поселок с великолепным Дворцом культуры и спортивным залом, библиотекой и музыкальной школой, гостиницей и добротными жилыми домами. Для тысячи жителей

колхоза построили банно-прачечный комбинат, ферму крупного рогатого скота на сто коров, электростанцию. Все население Манила обеспечено жильем. Для оленеводческих звеньев построено около двадцати утепленных домов.

В документах чубаровцев часто можно встретить упоминание о фирме «Гудсон-Бей и К°». Одна из главных задач Дальгосторга сразу по окончании Гражданской войны — осуществление монополии внешней торговли в дальневосточных и северных районах страны. Мероприятие это крайне трудно было претворять в жизнь, особенно если учесть, что и после официального окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке Камчатка, Чукотка и некоторые другие районы Крайнего Севера находились в руках белобандитов. Но даже после освобождения этих районов Советская власть в то тяжелое время не имела возможности обеспечить их всем необходимым. Вот почему Дальневосточное управление Наркомвнешторга вынуждено было заключить договор с английским акционерным обществом «Гудсон-Бей и К°». По этому, скажем прямо, кабальному для нас договору, монопольное право на торговлю и скупку пушнины у населения оставалось за «Гудсон-Бей и К°». Причем договор обязывал нас принять на себя все расходы, куда входили даже стоимость прогона судов через Панамский канал и содержание громадного чиновничьего аппарата в Лондоне. Следует добавить, что платить приходилось золотом — по два рубля за один доллар. Во что это обходилось Советскому государству, можно судить хотя бы по тому, как щедро платил своим служащим «Гудсон-Бей»: от 500 до 1000 долларов в месяц.

К тому времени, к двадцатым годам двадцатого столетия, «Гудсон-Бей» уже имел солидный возраст и эксплуатировал огромные районы Севера. Словом, имел солидную биографию и географию (Северная Америка, Чукотка, Камчатка). Пожалуй, единственным неудобством для избалованной безнаказанностью фирмы было то, что Советская власть назначила своего представителя, который контролировал точное выполнение договора. Этим представителем и был Леванов Борис Александрович.

Объезжая камчатские и чукотские фактории, Леванов убедился, что фирма не выполняет пунктов договора и продолжает варварски грабить местное население. Особенно сильному произволу и обману подвергались аборигены. Зная, например, что у многих из них имеются охотничьи ружья, представители фирмы специально продавали патроны неподходящего калиб-

ра, что вынуждало людей покупать к этим патронам по баснословным ценам и новые ружья.

В бухте Провидения к Леванову явилась делегация от аборигенов с просьбой о помощи. У них не было ни денег, ни пушинны, чтобы купить патроны для охоты на нерп в разгар миграции. Таким образом, населению грозил голод. Оказалось, что аборигены, по нраву очень мирные и уважающие всяческие законы люди, были доведены до такого состояния, что связали ремнями представителя фирмы «Гудсон-Бей», единственного фактического хозяина фактории, и решили пригласить грамотного человека, чтобы тот составил честный документ, фиксирующий, кто сколько берет патронов в долг. Документ был показан Б. А. Леванову, который поддержал аборигенов и потребовал от представителя фирмы выполнения всех пунктов договора. Инцидент этот дошел до президента акционерного общества, члена английского парламента мистера Сейли, который в свою очередь потребовал отзыва неугомонного и вездесущего Леванова с Камчатки. Однако нарком внешней торговли Л. Б. Красин не удовлетворил требование концессионеров.

Несмотря на все трудности, уже в 1924 году Советское правительство нашло возможным полностью отказаться от «услуг» «Гудсон-Бей и К°» и ликвидировать все существующие фактории на территории Камчатки и Чукотки. Решение этой задачи на первых порах поручили Б. А. Леванову. Необходимо было создать новые, советские фактории вновь организованного Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества; нужно было заново изучить быт и нравы народностей Севера, климатические условия края и возможности доставки продовольствия; обобщить опыт. Вот тут-то и помогли многочисленные донесения чубаровцев, которые, как мы уже знаем, подробно описывали все населенные пункты. Так что первым, кто воспользовался данными красноармейцев, был Б. А. Леванов. Вот почему мы хотели, чтобы этот человек, ныне проживающий в Москве, прибыл к нам на последний этап похода, встретился с сыном героя, со старожилками края, которые помнят чубаровцев.

Но «центр», как мы называли штаб при «Камчатской правде» и обкоме ВЛКСМ, сообщил, что в последний момент пришлось отказаться от идеи пригласить Леванова. Члены штаба предварительно связались с синоптиками, узнали долгосрочный прогноз и решили пожилого человека не тревожить. Дело в том, что синоптики обещали до семидесяти градусов мороза в районе Пареньской тундры, причем непрерывно на протяже-

нии полумесяца, добавив при этом, что такого не наблюдалось никогда. То есть до конца нашего похода потепления не ожидалось. А мы приготовили для старика теплую одежду. Он нам отправлял телеграммы в каждый поселок, так рвался в места, где прошла его молодость. Печально, конечно. Но ничего не поделаешь.

Жена Григория Чубарова Ольга Ивановна и их сын Валентин — моряк Черноморского флота — жили в Одессе. Еще задолго до похода я стал с ними переписываться, и теперь приближался волнующий момент встречи с сыном героя.

Обком комсомола решил командировать к нам вместе с Валентином Чубаровым редактора «Камчатского комсомольца» Павла Козлова, который долгое время жил на севере полуострова. У Павла был журналистский псевдоним «Пахом Тундрин». Так он подписывал свои репортажи из тундры. Словом, проводник у южанина Чубарова — что надо.

Итак, мы ждали наших гостей в Манилах и готовились к решающему броску. Нужно было достать уже шесть упряжек, это примерно семьдесят собак. Очень трудно запасти корм на такую стаю, но надо. И мы его достали. Должен сказать, что Женя Миловский в начале похода показался нам тихоней. Он и был таким на самом деле. Но постепенно, по мере того как нашему экипажу изо дня в день приходилось преодолевать невероятные, непривычные для нас трудности, Женя буквально преобразился на глазах. И теперь мы твердо знали, что лучшего комиссара найти было невозможно. Неплохой школой стал наш поход для работника обкома комсомола, который до этого, как он сам признался, жизнь знал в основном по книгам.

В ожидании Валентина Чубарова и Павла Козлова мы с утра до вечера возились с нашими упряжками. Кормили собак. Изво всех сил старались подружиться с ними.

Теперь до самого конца — только упряжки. Другого «Карабаха» не будет.

* * *

Позвонили из Каменского. Рано утром на вездеходе выехали в Манилы Чубаров и Козлов. Удивительное совпадение. У Григория Ивановича Чубарова адъютантом тоже был Козлов.

Мы вышли им навстречу. Сильный ветер. Температура — пятьдесят девять градусов мороза. Больше всего доставалось кинооператорам Лысякову и Сосновскому. К тому же у Гены Лысякова была поранена рука. Еще во время съемок Хаилинс-

кой ярмарки он нечаянно дотронулся открытой ладонью до металлического корпуса «Конваса», на котором так и остался слой кожи. Каждый день я делал Гене перевязку.

Показался вездеход. Честно говоря, мы волновались. Может, оттого, что так долго ждали этой встречи, а может, просто имя Чубарова было для нас святым.

Из кабины вылез человек-квадрат. Небольшого роста, плечи — косая сажень. В зимнем флотском мундире он выглядел огромной черной скалой на белом фоне.

Наверное, все мы, вольно или невольно, подумали об одном и том же: «Тяжеловато будет собакам тащить нарту». Обнялись, похлопали друг друга по плечам.

Валентину не повезло. Совсем недавно он был в южных широтах, где жара доходила до пятидесяти градусов. И вдруг такой поворот. Разница более чем в сто градусов. И это не замедлило сказаться на здоровье нашего моряка. Острая ангина. Пришлось отказаться от идеи совместного финиша на собаках. Шестая нарта осталась свободной, и мы решили сделать ее грузовой. А на пятой был известный на Дальнем Востоке кинодокументалист Гена Лысяков, ставший, по сути дела, полноправным членом экспедиции «Карабах».

В Манилах, в просторном клубе, состоялась наша встреча с жителями. Клуб был переполнен, люди стояли даже в проходах. Все с нетерпением ждали выступления Валентина. Он много рассказывал об отце. О том, каким он запомнился сыну, каким помнили его боевые товарищи, те, кто сражался с ним в одном строю за Советскую власть.

— Отец был скромным и трудолюбивым, — рассказывал Валентин Чубаров. — Сын валяльщика валенок, он с детства познал нужду. Окончил всего три класса школы, после чего пришлось самому зарабатывать на кусок хлеба, занимаясь самообразованием. Потом война, революция. Советская власть навсегда связала жизнь Григория Ивановича с Красной Армией. Тогда-то и проявились его организаторские способности. Но это не спасло отца от репрессий. В 1937 году он стал жертвой сталинщины. Дома у нас остались только письма отца, несколько фотографий и богато инкрустированный боевой кинжал, который подарил отцу Сергей Лазо. Долго мы с матерью хранили это боевое оружие. А потом, несколько лет назад, к нам в гости в Одессу заглянул камчатский историк Юшин. И тогда мы решили отдать ему кинжал для Паланского музея. Сегодня ребята из экспедиции «Карабах» показали мне снимок кинжала в музее.

Всю ночь мы не могли спать. Всю ночь к нам в комнату приходили манильцы и предлагали свою помощь. Начинали они обычно с того, что отговаривали ехать. Видя, что даже разговора не может быть на эту тему, предлагали свои услуги. Володя Косыгин, примеряя когагли, пожаловался, что они у него неудобные, жесткие. Минут через пятнадцать у нас в комнате появилось около десятка когаблей. Люди приносили свои собственные. Приносили, хорошо зная, что вряд ли они их получают обратно...

Во многом нам помогал Сергей Кондратьевич Трофимчик.

Сергей Кондратьевич на Камчатке с 1938 года. По специальности — ветеринарный врач. Более тридцати лет он работал в тундре, лечил оленей. Имеет Грамоту Верховного Совета РСФСР, много государственных наград. Седьмой десяток пошел, и хотя по камчатским льготам давно уже вышел его пенсионный срок, Трофимчик и не думал о покое.

— Были у меня владения — Пенжинская и Пареньская тундры, — говорит, улыбаясь, старый ветврач, — но теперь, считай, вся страна — мои владения.

Дело в том, что у Сергея Кондратьевича Трофимчика восемь детей. Все они родились на Камчатке, а теперь разбросаны по стране. Самый старший, Эдуард, — учитель, живет на материке; Людмила — фельдшер — в Каменском; Надежда — ткачиха в Калининской области; Татьяна — студентка последнего курса Петропавловского пединститута; Юрий — электрик в Манилах; Оля — воспитательница в детском саду; Наташа — студентка второго курса пединститута; Александр — ученик девятого класса.

То и дело заглядывали к нам опытные охотники и, как все, начинали с того, что отговаривали выходить в такой мороз в открытую тундру. Повторяли: таких морозов и таких прогнозов у нас не было никогда. Кто-то сказал, что ночью (а уже наступила ночь) будет шестьдесят три градуса мороза. В ответ на это Гена Лысяков разделся до пояса, без суеты вышел на улицу и стал обильно растираться хрустящим снегом. Такую процедуру он проделывал ежедневно, утром и вечером, чем удивлял и забавлял коряков. Долго соображали, как спасти носы и щеки. Придумывали разные маски — кто во что горазд. Кто из шарфов, кто из трусов. Хохотали. Сплошные фантомасы. Больше всех смеялись наши каюры. Они никаких масок не признавали.

Решили взять с собой только самое необходимое. Остальной груз ребята (три человека из киногруппы, Валентин Чубаров и Павел Козлов) должны были на вертолете перебросить в

Гижигу и там нас дожидаться. Тем не менее, когда начали грузиться, то диву давались, откуда столько вещмешков. Много взяли с собой продуктов: галеты, сахар, масло, чай, сгущенное молоко, какао, консервированное мясо. Каюры говорили, чтобы мы напрасно не тащили с собой хлеб, но все же буханок десять решили взять.

Рано утром все село вышло нас провожать. Шесть нарт, шесть отличных упряжек. По двенадцати собак на каждую нарту. Пришел провожать и председатель колхоза. Принес нам недобрую весть от синоптиков — в ближайшие дни мороз еще больше усилится. По ночам — до семидесяти. Такого, сказал председатель, не помнят даже старожилы.

* * *

Когда мороз бывает меньше тридцати градусов и дорога хорошо накатана — одно удовольствие ехать на нартах. Вообще двадцать-тридцать градусов, наверное, самая оптимальная минусовая температура (кстати, и плюсовая в пределах этих цифр), которую человек переносит не только легко, но и с каким-то удовольствием. А вот когда дело доходит до сорока, а тем более до пятидесяти градусов — становится тяжело. Очень холодно.

При шестидесятиградусном морозе каждый метр приходится преодолевать с невероятными усилиями. Снег перестает быть снегом. Он становится похожим на песок на пляже — такой же крупобразный, сыпучий, так что нет по нему никакого скольжения. Единственный выход в таком положении — это войтать полозья как можно чаще. Делается это так: на кусок оленьей шкуры (опять оленья шкура!) наливается вода, которая хранится в северном термосе (обыкновенная фляга в двойном мешочке из оленьей шкуры!), и смачивается поверхность полозьев тонким слоем. Вода моментально превращается в лед. Вот какую хитрую вещь придумали умные люди на Севере. Одно плохо: очень скоро ледяная пленка стирается и приходится войтать вновь. Как правило — после каждого перевала.

На одном из крутых спусков Телысунин Сергей Еттыкович, каюр, который ехал вместе с Никитой (вернее, Никита ехал вместе с Сергеем), чуть замешкался, дал слабинку, и тотчас же груженная нарта перевернулась. Собаки смешались в кучу, давя друг друга, и покатались вниз. Пассажира отбросило в одну сторону, каюра в другую. К счастью, собаки остались целы. Не было ни одной царапины и у пассажира. А вот Сергей здорово пострадал. Растянул мышцы поясницы, а может, и трещина

была, кто знает. Острая боль в спине практически вывела каюра из строя.

К вечеру дошли до чума оленеводов и оставили там пострадавшего каюра. В особом уходе он не нуждался, как не нуждался и в срочном лечении, но полежать несколько дней должен был. Бригадир Василий Ковыртыгин оказался внуком шамана, который в старину лечил всех в этих краях. Он довольно быстро изучил несколько приемов массажа. Мы оставили ему бутылку с мазью для растирания, и он охотно согласился каждый вечер массировать своего больного гостя.

— За Сергея не беспокойся, — сказал на прощание Василий, — вылечим, и сам на оленях повезу его домой. Однако трудно теперь вам будет без каюра.

Мы и сами думали об этом. Одна упряжка без профессионального каюра. Будет трудно. Спорили мы долго. Понимали, что ехать одному будет очень тяжело, и все содержание спора сводилось к тому, чтобы решить, кто сможет лучше других выдержать. Предлагался и такой вариант: меняться в дороге. Но это годилось бы, если бы речь шла об оленях или, скажем, лошадях. А тут собаки. Много собак. Нужно к ним привыкнуть. Мало того, нужно, чтобы они привыкли к каюру, иначе слушаться не будут.

В конце концов, решили: каюрить будет тот, кто уже хорошо знает «осиротевшую» упряжку, — Никита.

Во время очередного воитания вдруг раздался громкий хохот. Это смеялся Володя Косыгин над новым каюром, который старательно натирал полозья кусочком оленьей шкуры. Действительно, было смешно смотреть на неловкие движения высоченного Михалкова, который, кстати, накануне отморозил нос и на белый свет смотрел только через узкую щель капюшо-на камлайки.

Вообще-то с носами и щеками у всех «карабахцев» было плохо. Вспомнилось, как каюров забавляли наши попытки сделать маски. Оказывается, в такой мороз никакой маски, никакой самой что ни на есть теплой тряпки не должно быть на лице. От дыхания, от собственного пара так называемая маска покрывается многослойными корочками льда, который колет и жжет лицо. Куски льда растут и растут, и, чтобы отломать их, особенно от бороды и усов, требуется по меньшей мере наркоз.

Из членов экспедиции курили только мы с Никитой. И теперь вдруг оказалось, что нам все меньше и меньше хочется курить. Не тянуло. Пьянели, видимо, от свежего воздуха, от

мороза. И все же время от времени закуривали и делали это всякий раз с большими мучениями. Надо было предваритель-но, преодолевая боль, отломить сосульки от усов и бороды, чтобы образовалась щель для сигареты. Но и это не все. Прику-ривать — вот проблема. В наших одеревеневших от пота олень-их перчатках зажигать спички невозможно. И в то же время невозможно хоть на секунду оголить пальцы, тут же они пере-стают слушаться. На очередном войтании закурили по послед-ней и бросили. Общий стаж курения равнялся почти тридцати годам. И вот теперь бросили.

* * *

С собой мы возили два транзисторных приемника. Слуша-ли только последние известия. Нас интересовала погода. И вот Петропавловское радио передает, что даже старожилы (ах, уж эти вездесущие сторожилы!) Пареньской тундры не помнят на своем веку такого мороза. Надо же было, чтобы это случилось именно сейчас, когда мы идем по Пареньской тундре. Един-ственное спасение — одинокие, так называемые охотничьи, домики, поставленные у дороги через каждые пятьдесят-сто километров. Только очень добрые люди могли построить такие симпатичные, добротные дома с огромными железными печ-ками. Трудно пришлось бы без них оленеводам, особенно во время перегонов стада.

Благодаря урокам Володи Косыгина мы старались всегда соблюдать северные традиции и обычаи. Например, у каждого дома обязательно лежат нарубленные дрова, и, тем не менее, мы начинали освоение жилища с того, что сами рубили для себя дрова. Всегда нужен запас топлива, запас тепла, ибо может случиться так, что сюда придет совсем обессилевший путник. Можно найти в домике и еду — печенье, галеты, сахар. Мы так-же в одном из таких домиков оставили весь наш хлеб. Правда, есть его сейчас нельзя. Легче топором разрубить булыжник, не-жели буханку хлеба на таком морозе. Булыжник хотя бы можно разбить пополам. Хлеб — бесполезно. Только искры летят. Ну, что ж, когда оттает — кто-то поест и спасибо скажет.

Но как бы ни было хорошо в таком домике, больше часа-двух находиться там нельзя. Расслабишься — и конец.

Скорость у нас маленькая, и частенько не хватало сил доби-раться до очередного домика, чтобы почаявать. В таких случаях останавливались у реки. О том, что здесь летом протекает река, сейчас определить невозможно. Просто каюры хорошо знают

эти места. Пять профессиональных каюров в ту же секунду, как дается команда «однако, почаюем!», молча, не сговариваясь, начинают работать, как муравьи. Один с топором в руках, выгребая снег, добирается до поверхности замерзшей реки и начинает долбить лед, чтобы бросить куски его в чайник. Другой острым пареньским ножом полукольцами выстругивает сухую палку и, набрав в ладонь свежей стружки, кладет ее на предварительно очищенную от снега площадку земли. Если он видит, что спичкой трудно разжечь огонь (гасит ветер), то достает из кармана кусок горелой расчески, зажигает ее в длинном рукаве и кладет под горсть стружки. Как только появляется пламя, он горящий конец расчески вонзает в снег и вновь отправляет ее в карман. Остальные тем временем собирают дрова.

Поначалу мы только удивлялись, как наши каюры находят дрова на абсолютно белой и, казалось бы, совершенно голой площадке. А теперь сами все это делаем вместе с ними. Много раз я путешествовал по зимней тундре. Полгода ходил в экспедиции «Красная яранга». Но вот сейчас, кажется, всё осваиваю вновь. Просто таких морозов не было никогда. При хорошо налаженной работе уже минут через пятнадцать можно пить горячий чай. Намного сложнее в такой мороз с едой. Спасают только галеты, в которых нет воды, и поэтому они не замерзают. Консервированное мясо грели прямо в железных банках, бросив их (предварительно, конечно, продырявив) прямо в костер. Через некоторое время содержимое начинает закипать, но все равно много его не съешь. Две-три ложки. Остальное вновь тут же замерзает. Коряки очень умно в подобных случаях поступают. Они в горячий чай бросают большие куски масла и пьют такой своеобразный чайный суп. Нельзя сказать, что это вкусно, но калорийно, то есть то, что нужно. В конце концов, камчатский мороз и нас заставил полюбить именно такой каюрский напиток.

От Манил до Парени встречается много перевалов, два из них очень большие, долги. Собаки сами не могут тащить нарты. Нужно им помогать, то есть постоянно вместе с ними тащить груз в гору. Конца не видно. Полдня уходит на каждый такой перевал. А как рвешься наверх, к вершине! И чем ближе эта вершина, тем больше работают мускулы. Никогда не думал, что в шестидесятиградусный мороз человек может изойти испариной, высовывая язык, как собака летом на солнце. Но ничего этого не замечаешь. Знаешь, что на вершине — маленький отдых. Будем войтать нарты. И вообще немного переждем, чтоб остыть. А то

ведь после долгого подъема бывает такой же необозримый спуск. Там уж берегись. Как бы ни тормозил, а скорость получается приличная, с ветерком мчишься. И все, что на тебе было потное, леденеет. Нижнее белье — как замерзшая капуста.

Только на седьмые сутки (спланировали три дня) прибыли в Парень. Почти в каждом поселке мы устраивали банные дни. Правильнее сказать, банные часы, ибо порой в тот же день уходили дальше по маршруту. Но такой бани, как в Парени, никогда в жизни у нас не было. После страшного мучительного перехода, когда мерзли даже белки глаз, вдруг настоящая парная! Около пяти часов мы грелись в бане. Едва шевелили руками, едва передвигали ноги, а выходить из теплого помещения не хотелось. Потом спали ровно сутки. Когда проснулись, под подушкой у каждого обнаружили по пареньскому ножу. Так по-своему пареньские коряки проявляют уважение к гостю. Теперь у каждого из нас — по два ножа.

* * *

Остался позади последний чум на нашем пути. До Верхней Парени — километров шестьдесят. Чум оставили в пять часов утра. День еще не начался, но нам необходим запас времени. Слишком он короток, световой день в январе на севере, и слишком медленно мы передвигаемся по мерзлому снегу. В хорошую погоду шестьдесят километров на порожних нартах можно за четыре-пять часов пройти. На груженных — за шесть-семь часов. Но сейчас, при такой погоде, шестьдесят километров — это вечность. Мы торопились. На этом отрезке пути ни одного домика. Шаస్తаят волки, о которых не раз нас предупреждали в последние дни. При таких сильных и продолжительных морозах волки, в общем-то трусливые и довольно мирные животные, превращаются в лютых зверей. Всею причиной голод. При сильных морозах все и вся прячется в своих норах, вот волки и бродят стаями по тундре в поисках пищи.

Большую часть дороги шли по реке Парень. Труднее всего приходилось первой нарте: собаки с трудом преодолевали целинный снег. Пришлось устанавливать очередность. Через каждые сто-двести метров меняли лидера. Реже всего пускали вперед Михалкова — он был один. Но все же и ему приходилось открывать дорогу. Как-то Никита шел первым, а я — за ним следом. И вдруг увидел, что лидер, толкая нарту, словно куда-то провалился, стал ростом наполовину меньше. Нарта его дернулась, собаки потащили ее, а он остался на месте, будто вколо-

ченный по пояс в сугроб. Видя, что моя упряжка приближается, он стал кричать, махать рукой, чтобы обходили стороной.

По-видимому, слишком тонким был лед, когда выпал первый большой снег, который так и не растаял. Со временем снега навалило еще больше, и эдакое многослойное покрывало не пропускало сильные морозы к реке. Вот и остался лед тонким.

Вытащили Никиту из проруби чаутом. Ему пришлось переодеться на открытом воздухе. Долго возились, пока сняли с него ледяные когагли, брюки, трико, трусы и заменили их «запасными частями». Немало ушло чистого спирту на растирание и другие процедуры.

— Нам повезло, — сказал позже Володя, — если бы на этом участке шел впереди не он, а, скажем, я, то с моим ростом захлебнулся бы. Впервые я по-настоящему понял, что иметь высокий рост — это преимущество.

* * *

На этом участке пути еще можно встретить балаганы. Это домики на высоких столбах. В старину вообще невозможно было нормальное существование без них. В них заложен большой и мудрый смысл. Судите сами. Домик на столбах. Значит, в дождь можно рыбу сушить под ним. А в самом домике круглый год сушат и хранят пищу и шкуры. Развешивают юколу и другую сушеную и копченую рыбу, хранят строганину. Зимой вообще всю добычу можно бросить на пол. Главное, чтобы каждый раз убирать за собой лестницу. Тогда никакой зверь не сможет ограбить балаган.

С распространением русской избы балаганы стали терять свое назначение, но все же кое-где можно встретить эти строения и до сих пор. Собственно, зачем от них отказываться? Стоит ли бояться их архаичного вида? Ведь они так удобны. Мы сделали остановку только для того, чтобы познакомиться с балаганом. Хозяев дома не оказалось. Во всех четырех или пяти домах — ни одного человека. Ушли на охоту. Мы сами поставили лестницы, забрались наверх, где всегда дует порывистый ветер, и убедились, что разнообразное добро хранится в домиках в прекрасном состоянии.

Кто-то из ребят, глядя на юколу, сказал, что юкола хорошая и собакам нашим она понравится. Пошутил, конечно. А каюры вмиг запротестовали: Кутх всегда смотрит сверху на всех, он непременно накажет тех, кто ворует. Оказывается, этот северный Бог, который создал и людей и реки, всегда по-разному наказыв-

вает. За обжорство — бьет остолом по животу и по зубам, за лень — бьет по ногам, и человек под конец не может передвигаться, а вот за воровство отнимает силу от рук. И руки у вора висят с плеч, как плети. Он ничего ими не может делать.

Мы все хором стали успокаивать каюров и объяснять, что товарищ наш пошутил.

* * *

С каюрами мы по-настоящему сдружились. Именно такие люди, как они, должны быть спутниками, товарищами в трудном путешествии.

У нас в дороге было много каюров. С одной стороны, обидно, что они так часто менялись, с другой — вроде бы и неплохо: новый человек, новый характер, новые сказки и легенды. Да, да, сказки и легенды. Многое из того, что рассказано в этой книге, взято у наших каюров, которые так похожи и так не похожи друг на друга. Похожи тем, что никогда не ноют, не ворчат (о, как это важно в дороге!), не суетятся, не сачкуют, собак не балуют и понапрасну не наказывают. В разговоре всегда смотрят прямо в глаза и всегда улыбаются. Ну, а не похожи тем, что каждый из них — личность со своей индивидуальностью.

Андрей Поккович Милико. Пятьдесят три года. Мой каюр. Образование семь классов. Неплохо разбирается в политике. Секретарь партийной организации каюров. Прекрасно знает историю района, всех старожилов. Любит детей. Много говорит о них. Недавно родился внук, тоже назвали Андреем.

Кутенкавав Владимир Татвинович. Каюр Гены Лысякова. Пятьдесят два года. Образование — четыре класса. «Не любил я школу. Тундру любил». Человек добрый. Очень шумный. Прос-то такой характер у него — шуметь. Громко разговаривает и машет руками. Не знает усталости. Руки жилистые. Пальцы длинные. Считается в округе неплохим охотником, следопытом. Ему закрывают глаза, потом покрывают, как юлу, вокруг оси, и, не снимая повязки, он безошибочно отвечает, на какой стороне рождается солнце. Он с охотой берется пристраивать чайники на костре во время привала.

Чеет Петр Аигаевич. Сорок лет. Десять классов образования. Каюр Жени Миловского. Молчаливый широкоплечий человек небольшого роста. Рассказывал, как в интернате танцевал в самодеятельности. Очень любил танцы. Но в старших классах бросил это занятие. В то время как его сверстники «росли в высоту», он «рос в ширину», за что в школе его про-

звали «кубом». А какой же танцор из куба?! У него прекрасная белозубая улыбка. Часто переставляет собак в упряжке с места на место. Любит кино, особенно про войну. Эхейва Виктор Мотыкович. Тридцать четыре года. Каюр Володи Косыгина. Лицо интеллигентное. Трудолюбив, умен. Школу окончил на «отлично». В институте недоучился — удрал со второго курса. Не мог в городе жить без тундры, без оленей, без своих собак, а в тундре уже не мог без города, к которому успел привыкнуть за полтора года. Вот и мечется душа Виктора.

Вообще-то, конечно, каждый о своем каюре может говорить только сам. В пути ты общаешься лишь с одним человеком — с каюром упряжки, на которой едешь. Всех остальных видишь или впереди себя, или позади. Причем видишь всегда в каком-то тумане. Во время привалов каждый занят своим делом, а ночью, забравшись в кукули, засыпаешь раньше, чем успеваешь сказать соседу «спокойной ночи».

Вот, например, каюра Сойту Петра Нутекотовича, который vez груз без пассажира, мы вообще плохо знали. Невероятный тихоня. Никто из нас даже не слышал его голоса. Но однажды Сойта поразил всех. После чаевки вдруг встал, выпрямился, потянулся, достал из ножен пареньский нож и что есть силы метнул в дерево, стоящее метрах в десяти. Нож тупо вонзился в ствол, долго качалась деревянная ручка.

Скажу еще несколько слов о своем каюре, Андрее. То и дело он толкал меня в плечо и произносил при этом неизменно одно слово: «Посмотри». Это он показывал на северные радуги, называемые здесь детьми солнца и мороза. В шестидесятиградусный мороз рядом с оранжевым холодным солнцем, по обе его стороны, стоят две вертикальные радуги. Никогда раньше мне не приходилось видеть прямые радуги, да еще зимой, когда, как говорится, грозой и не пахнет. Прямые, как столбы, радуги солнца вырастают из линии горизонта и стоят по обе стороны солнца на одинаковом расстоянии, как часовые. Вообще-то Андрея редко чем можно удивить. А вот красота тундры его удивляет. Однажды он пришел просто в неописуемый восторг, когда в какой-то миг радуги растворились на горизонте и стали краями огромного солнца. Мы увидели сразу два дневных светила. Одно оранжевое, какое-то колеблющееся, переливающееся, и второе как фон, как огромный шар, весь покрытый радужными узорами. Сразу два солнца. Ради одного такого зрелища стоило отправиться в дорогу. Я вспомнил, как однажды в течение одних суток мне довелось дважды увидеть солнце.

Летел я из Москвы на Камчатку. Внизу переливалась разными красками прекрасная наша земля. Я словно поднялся над гигантским художественным полотном и тщетно силился разглядеть его границы. На высоте полутора Эверестов видна одна только российская бесконечность. Я взметнулся в московское небо навстречу солнцу, чтобы тут же расстаться с ним. Я на восток, солнце — на запад.

Но не прошло и полдня, как вновь я увидел утреннюю зарю. Это было уже другое солнце, новое. Так дважды за день я встретил восход, а подо мной все еще была Россия. Двухсолнечная Россия.

А теперь я вижу два солнца сразу. Мы с каюром смотрим друг на друга и улыбаемся. Молчим.

Андрей, точно так же, как Петр Чеев, часто переставлял собак в упряжке. Так надо. Так лучше. Иначе собаки утомятся от однообразия. Долгий сосед может надоест: вот и меняют их местами. В упряжке Андрея — двенадцать собак. Одиннадцать светлых с разными пятнами и только одна, наиболее рослая и могучая, совершенно черная. До того черная, что порой на солнце блестела, словно намазанная бриллином. Ее звали Бойцман. Вожак упряжки.

Вожак есть в каждой упряжке. Всех можно переставлять местами, но не вожака, от которого зависит все: ход нарты, скорость, настроение упряжки.

Вожака боятся все остальные собаки. Если какая-нибудь из них сачковала, Андрей на время ставил ее рядом с Бойцманом, который не давал спуска лодырю.

Каюры походили друг на друга еще и тем, что ни у кого из них нельзя было узнать, когда мы доберемся до того или иного поселка, до того или иного домика, чума, оленеводческой бригады. Отвечали витиевато, туманно.

В пути в тундре нельзя загадывать наперед. Это не суеверие. Это закон.

Мы тоже подчинились ему и уже не спрашивали, когда будем у цели.

* * *

Услышав о каком-нибудь обычае, мы старались его соблюдать. Наверное, это шло от уважения, которое мы испытывали по отношению к нашим каюрам. Хотелось перенять их поведение в пути, их олимпийское спокойствие. Поэтому и их закон становился нашим законом. Например, мы уже знали, что не-

льзя ножом соскабливать снег с обуви. Грех. Какой? Теперь уже коряжки сами не могут этого объяснить. Но нельзя — значит, нельзя. Мы уже знали, что нельзя ссориться, даже хмуриться, когда делишь соленую рыбу. Это грех. Она, соленая рыба, единственное спасение в тундре, требует к себе всеобщего уважения. Все должны делить ее поровну. Причем стараться, чтобы лучшие и большие куски доставались товарищу, а тот в свою очередь должен незаметно делать так, чтобы они доставались другому. И это должно быть от души, искренне. Мы также знали, что в пути нельзя точить нож. Это страшный грех. Во-первых, пурга будет, во-вторых, как можно в присутствии путника точить нож. Нельзя.

Женя Миловский, прижавшись к своему каюру и прячась за ним от ветра, сидел на нарте верхом. Когда одолели сопку, устроились в один ряд и стали войтать нарты. Чеет, каюр Миловского, сказал напарнику:

— Однако больше так не садись. — Петр сел верхом на нарту и показал, как именно нельзя садиться. — Так сидят только бабы. Мужик должен сидеть только так. — Чеет вновь уселся на нарту, свесил обе ноги вправо. — Понятно?

— Понятно, — ответил Женя, — только верхом удобнее.

— Тебе удобно, а мне плохо, что закон-обычай нарушается в тундре.

Женя подчинился.

Мы соблюдали их законы, их обычаи без игры, по-настоящему, искренне. От души.

* * *

Из-за того что часто менялся лидер, каждому приходилось по очереди соседствовать со всеми. По силуэтам даже в темноте мы легко узнавали друг друга, хотя все были одеты одинаково — полная коряжская (она же за малыми изменениями чукотская, ительменская, ламутская, эскимосская, алеутская) одежда. Собаки едва переставляли в сыпучем снегу короткие лапы. Люди шли пешком рядом с нартами, держась за стоячий баран. Иногда возле упряжки были только каюры, а экипаж «Карабаха», исключая, конечно, «беспризорного» Михалкова, плелся чуть в стороне.

Как-то я обратил внимание, что Женю Миловского заносит куда-то в сторону. Снег, правда, целинный, но даже когда Женя шел по переносе, по свежему следу своего собрата, все равно не мог «брать ногу». Словом, выходил из колеи. Выяснилось, что у

него от мороза лопнули стекла очков и он ничего не видит. Такая же история приключилась и с Володей Косыгиным.

Остановились. Сообщили друг другу новость. Драматическую новость. Запасных очков у наших ребят не было. Да и были бы — что толку — мороз все крепчал. Дело шло к вечеру, и решили далеко не отходить друг от друга. На ночевку мы не рассчитывали, даже не думали об этом. Мороз под семьдесят. Остановишься — и окоченеешь. Теперь уже можно признаться: появился страх. Он появился сразу же, как узнали, что у ребят полопались очки. Не берусь описать это состояние, но думается, что нам было бы худо, если бы не каюры наши, вернее, если бы не их спокойствие, их обыденность, какая-то будничность, что ли. Правда, и они говорили, что в такой мороз им никогда не приходилось выходить в дорогу, но все же были спокойны, и мы это видели. Видели и успокаивались сами.

Готовясь к путешествию, я много читал о людях, которые попадали в подобные ситуации, когда холод начинает ощущаться по-особому, приобретает какую-то осязаемую форму. Читал научные статьи, защищенные и еще не защищенные диссертации медиков о нервно-психическом состоянии человека в условиях длительного переохлаждения. Я узнал о том, что у очень многих погибших, которых обнаруживали поисковики, в рюкзаках имелись необходимые теплые вещи, еда, спирт, даже палатка. Таким образом, если бы пострадавший не растерялся и воспользовался всем тем, что у него было, никакой трагедии не произошло бы.

Готовя свой поход, мы учили и психологическую подготовку в экстремальных ситуациях и условиях. Мы даже разговаривали накануне старта с камчатскими поисковиками, и они рассказали нам об ошибках людей, которые выходили в открытую тундру и больше не возвращались домой.

Но сейчас, несмотря на подготовленность, разбитые стекла очков наших друзей нагнали на нас страху. Последние сутки мы совсем не садились на нарты. Только пешком. Собаки не тащут: никакого скольжения. Войтание помогает на два-три километра, не больше. Значит, и Жене Миловскому, и Володе Косыгину придется продолжать идти пешком, хотя из-за сильной близорукости они без очков ничего не видят. Сейчас уже глупо думать о том, что в самом начале, при подборе членов экспедиции нужно было учесть и это обстоятельство — ношение очков. Но сейчас надо думать только о том, чтобы выжить. Не замерзнуть. И не отпускать от себя наших, по сути дела, ослепших друзей.

* * *

— Торбаса! Торбаса! Мои торбаса! — это кричал Гена Лысяков.

Все почти одновременно подбежали к нему, ничего не понимая. Гена сел на снег и обхватил руками голенища. Глазам своим не поверили. Невероятно. Торбаса (оба сразу) раскрылись, как лилии. Лоскуты камуса положено сшивать жилами. Так было всегда, так было во все века. Но сейчас многое, даже в тундре, делается «по-современному». Вместо жил — леска.

Синтетика. — выгодно, дешево. И вот результат. Никакая синтетика не выдерживает семидесятиградусный мороз. Только живое существо. К счастью, лишь у Гены торбаса были сшиты леской. И, к счастью, у нас у всех была запасная обувь.

— Может, возьмем с собой? Как память, как сувенир? — предложил Гена, переобуваясь.

— Брось сентименты, — возразил кто-то, — возиться с ними.

К десяти часам вечера Андрей остановил упряжку, которая шла в лидерах. Повалил нарту на бок. Воткнул остол впереди нее.

— Дальше идти нельзя, — сказал он спокойно, тоном, не требующим возражения.

— Как нельзя?!

— Собаки подохнут. Такое бывает часто.

— От чего же они подохнут?

— От усталости.

— Но ведь и мы подохнем.

— Не подохнем. Мы не так устали.

— Замерзнем.

— Не замерзнем, — сказал каюр и, как-то скрючившись, собравшись в комок, сделавшись маленьким, лег у самой нарты.

Вскоре его примеру последовали остальные каюры.

* * *

У нас есть кукули, можно залезть в них, чтобы спастись. Но как это сделать? Кстати, каюры не берут кукули с собой в дорогу. Они спят прямо во всей своей амуниции. Дело в том, что в такие моменты как никогда точно действует железная формула: «Человек греет одежду, а не одежда человека». Она только сохраняет человеческое тепло. Пока согреешь заскорузлый кукуль, чтоб получить ответное тепло, — отдашь концы. Остается одно — двигаться. Двигаться, двигаться и двигаться. Единственное спасение — до самого рассвета, не переставая, бегать на

месте, раз нельзя двигаться вперед. Раз собаки не могут двигаться вперед.

Собакам сейчас легче. Расположились они звездочкой — так, чтобы все семьдесят сошлось в центре мордами друг к другу. От общего дыхания будет теплее. Каждая собака вырыла себе довольно глубокую яму, именуемую не иначе как постель, и спит себе мертвым сном. Одно для них плохо: там, где морды, спустя некоторое время вырастает глыба льда.

Спят спокойно и каюры. Невероятно. Не верится. Несколько раз, бегая вокруг да около, наклонялись поочередно к нашим каюрам — удостовериться: спят или ооченели. Спокойное мерное дыхание. Некоторые сладко похрапывают. У Андрея даже лицо открыто. Спят здоровым сном работники тундры, намаившись за трудный день.

Не мы первые удивлялись тому, что каюры в лютый мороз чувствуют себя так спокойно, ложатся спать в снег, словно в теплую постель. Не с прародителями ли наших каюров ехал по морозной тундре Крашенинников, который писал: «Причем довольно надивиться нельзя: 1) что они могут и сладко спать в сем бедном положении, 2) теплоте их природной, что они стужи мало чувствуют, ибо они, вставши поутру, столь теплы и красны бывают, как бы в теплом покое спали. Но сия теплота почти всем тамошним диким народам свойственна. Я видел некоторых иноверцев, коим образом они на пустых местах с вечера ложились к огню голою спиною, а как уснул и огонь потух, то хотя спина и заиндевела, однако они спали без просыпу, будто бы их огнем пригревало».

Вдруг Женья Миловский громко и тревожно вскрикнул:

— Юкола!

Он вспомнил, что перед сном собакам не дали рыбы — юколы. Все забеспокоились не на шутку. Знали, что утром перед дорогой уж точно собак не покормят. Таков закон. Вернее, таков закон у коряков, а вот у чукчей другой — собак подкармливают даже в пути. Что лучше, что правильнее, трудно сказать. Не нам судить.

Мы подумали, что каюры устали, замешкались и позабыли бросить собакам по рыбине. Разбудили Андрея:

— Андрей, вы забыли покормить собак.

— Не забыли, — сказал он так бодро, словно вовсе не спал.

— Как не забыли? Мы же сразу повернули нарты набок, не развязывая их, а юкола в нартах.

— Не забыли. Им нельзя сейчас давать юколы.

- Они же голодные, а завтра им весь день трудиться.
- Нельзя им сейчас давать юколы. Часа через два мы двинем в путь, и они плохо пойдут, если сейчас накормить.
- Но ведь они голодные.
- Лучше пусть живыми придут на место, и там накормим, чем...

Андрей не досказал своей мысли, и вновь послышался мерный храп.

* * *

Кажется, огоньки увидели все сразу одновременно. Молчали. Думали, галлюцинация. Мол, померещилось. Закрывали глаза, сильно жмурили веки, широко открывали — вновь огоньки. Парные огоньки. Мерцают и двигаются. Их становится больше. Поворачиваешься на сто восемьдесят градусов — опять огоньки. Кругом огоньки.

Мы стояли рядом и молчали. Никита тихо окликнул меня. Я еще тише спросил:

— Ты тоже видишь?

К нам подошел Гена Лысяков.

— Что будем делать? — спросил он спокойно, без паники. Он был уверен, что мы тоже видим огоньки и сейчас думаем только о них. Я обратил внимание, что Гена свой вопрос задал действительно спокойно и без паники.

— Надо будить каюров, — сказал Никита, — карабины наши как палки. В них вся смазка замерзла. Никакой от них пользы.

— А что толку их будить. Вон и Володя с Женей уснули в кукулях. Пусть поспят, — сказал я. — Но надо что-то делать. Вспомни, как старик в чуме рассказывал про волков. Как они окружают со всех сторон и по команде вожака все вместе, разом, набрасываются на жертву...

— Мы уже жертва, отлично звучит, — попробовал пошутить Гена.

— Постой, постой, — сказал Никита, — старик говорил о том, как он делал факел. Набрал в рот керосину, зажег спичку, поднес ко рту и стал дуть. Факел разогнал волков. А у нас есть ракетница. — Никита побежал к своей нарте, на которой находился его рюкзак с ракетницей.

Огоньков становилось все больше и больше. Кольцо медленно сжималось. Хитрыми обычно считают лис. Но думается, что волки им в этом не уступают. Надо так придумать: словно

на цыпочках, подходят к жертве, и никто не смеет раньше времени броситься вперед. Причем в зависимости от силы противника, они ведут себя по-разному. Была бы, скажем, всего одна упряжка, они, может, и не стали бы мудрить, а набросились и вмиг растерзали ее. А тут понимают, что нас не меньше, чем их. Как-никак, более семидесяти собак, десять человек.

Некоторые собаки проснулись, вышли из своих «постелей». Скулили тихо и трусливо. За ними поднялись и другие и тоже начали тихо и трусливо скулить. Вот это уже нагоняло на нас страх.

— Как звезды на небе, — продолжал шутить Гена, а потом серьезным тоном добавил: — Все-таки я разбужу каюров.

— Не надо пока.

— Ракетница начисто замерзла, не могу согнуть, — закричал Никита и в тот же миг снял с рук двойные перчатки, бросил их на снег и начал голыми руками растирать ракетницу.

— Ты с ума сошел, без рук останешься.

— Лучше без рук, чем без головы.

Не поддавалась наша спасительница. Решили греть ее на теле. По очереди приподнимали полы камлейки, кухлянки, свитеров, рубашек и грели на животе, на груди.

И вдруг послышался спасительный шелчок. В ту же секунду Никита, вложив ракеты в ствол ракетницы, прыгнул на нарту. Огоньки были уже совсем рядом. Они нас окружили плотным кольцом.

Выстрел. Над нартой вспыхнуло маленькое солнце, которое тут же погасло, чтобы вновь родиться высоко над головами. Пока красный огонь стремительно падал в одну сторону, на другой стороне зажглось новое солнце, на сей раз уже желтое.

В тот же миг послышались какие-то глухие звуки — это волки, стремительно поворачивая назад, ударились телами друг о друга. Солнышки зажигались одно за другим. Зеленое, красное, желтое. Это был прекрасный салют. Собаки до выстрелов стояли на ногах, дрожали и скулили едва слышно, боясь собственного дыхания. Но сразу же, как только прозвучал первый выстрел, они бросились в свои глубокие «постели».

Мы не хотели ничего говорить Володе и Жене, решили, что без очков им и так не весело. Но через некоторое время Женька высунулся из кукуля и негромко сказал:

— А какие они худые, прямо кость и кожа. Совсем как я...

— Кто?! — вырвалось сразу у всех троих.

— Волки.

— А откуда ты знаешь, что они были худыми?

— Когда ударялись друг о друга, слышно было, как костями гремят.

Мы засмеялись. Надо двигаться. Везение нужно уважать. Нам повезло. Но у волков, которые были так близки к цели и уже, наверно, жадно облизывались, сейчас муторно на душе. Могут вновь нагрянуть.

...Двинулись в путь в темноте. Идти невозможно. Ничего не видно. То и дело приходилось останавливать собак. Одной из семидесяти нужно сходить по делу, значит, останавливается вся «эскадра». Явно заметно, что собаки, против обычного, довольно часто вынуждают останавливать упряжки. Мочатся часто, не так как всегда. «Это от пережитого страха», — подумал я.

— Что с ними такое приключилось? — недоумевал Андрей. А когда узнал, что произошло всего полчаса назад, слез с нарты и громко объявил чаевку.

— Какую еще чаевку, черт побери! Всего-то десять минут идем.

Но чаевка состоялась. Когда начинаешь возмущаться или спорить с коряками и когда они знают, что ты не прав, что ты напрасно споришь, просто не обращают на тебя внимания. Делают свое дело. Оказалось, что чаевка необходима. После того что пережили ребята, нужен костер, нужно хоть немного согреться, попить горячего чаю. Иначе худо может быть. Люди тундры хорошо знают, что всякое напряжение нужно непременно снять. Или спиртом, или чаем.

И в самом деле, когда запылал костер, окончательно прошел страх. До чего все-таки это необходимая штука — ОГОНЬ! До чего он красиво переливается горячими красками и до чего красиво поет, потрескивая! Понатащили кучу кедрача. Такого большого костра у нас никогда не было. Стало светлее. И нам стало веселее. И уж совсем было здорово, когда пили горячий чай с маслом.

Мы спросили каюров, что бы они сделали, если бы их разбудили. Оказывается, встали бы в круг спиной друг к другу, держа в одной руке остол, в другой — нож. Стояли бы так до тех пор, пока волки не растерзали собак. Обычно в стае больше сорока волков не бывает. Вообще-то волки собачье мясо не едят, но когда слишком голодные, то не брезгают и кровью своих древних сородичей. Но потом все равно нападают на людей. Мы узнали и то, что частенько вот так в тундре люди гибнут иногда целыми группами. Слишком тонко и слишком умно действуют волки. Внезапность — вот их оружие.

Мы в то время, конечно, не считали, сколько было волков, точнее, сколько было парных огоньков, но, судя по тому, что они окружили нас сплошным кольцом, их было не меньше сорока.

Странное дело: только теперь мы подумали о количестве волков. И, представив себе, ужаснулись. Сорок волков. Неприятное ощущение.

* * *

Восток сначала залился белым светом, потом розовым. Это самое холодное время дня, когда солнце начинает пробуждаться. Если даже ночь была тишайшая, то к моменту рождения солнца идет по земле хиус — поземка, несущая негустую снежную пыль.

Оставив Андрея одного, я перешел на время к Никите, прихватив с собой походную аптечку. Начал медленно растирать ему руки. Такое впечатление, будто он натянул на кисти белые перчатки. К утру пальцы припухли. Я растирал их спиртом несколько часов кряду.

— Только честно, ампутировать не придется? — спросил он.

— Нет. Но семь шкур слезет.

— Пусть хоть десять.

— Нет, всего семь. Хотя десять было бы лучше.

— Это еще почему?

— Чтоб каждый из нас по шкуре взял на память. Твои руки спасли десять гавриков...

Я перевязал с разогретой мазью обе кисти Никиты, и теперь ему приходилось на подъемах не тянуть нарту за стоячий баран, а толкать.

Последний репортаж с пути Никита писал перевязанной рукой. Приведу небольшой отрывок:

«В заброшенном селе Шестоково остался всего один дом, в котором я подобрал пестрый листок бумаги. Оказалась страница из «Советского экрана». На нем несколько фотографий польской актрисы Беаты Тышкевич. Удивительное ощущение — где-то на краю земли, в морозной тундре, в заброшенном доме найти такой листок, с фотографией знакомого тебе человека (я снимался с Беатой в фильме «Дворянское гнездо»).

Вот она, Пенжинская тундра во всем своем величии и красе. Тундра не только величественна и красива. Тундра коварна и жестока. Она не прощает легкомыслия и фанфаронства. Но тех, кто относится к ней уважительно, она не трогает.

Теперь я понял, что значит — замерзнуть. Это когда ни волей, ни желанием, ни хитростью не можешь пошевелить пальцами. Думаешь: «Да ведь это же так просто! Возьми и пошевели». Но руки словно чужие. Видимо, люди замерзают насмерть не столько от холода, сколько от ужаса, с которым не могут бороться. Испытываешь смятение, суетность и бессилие...»

* * *

Все чаще и чаще мы произносили слово «последнее». Последний чум (правда, им оказалась палатка), последний большой перевал. Только про чаевку нельзя сказать «последняя». Мало ли что может случиться на самом финише. И тебя, как всегда, спасает очередная чаевка. Очередная, но не последняя.

Песню мы в пути не сложили. Эмблемы своей не создали. Но если бы удалось это сделать, мы бы непременно отметили в них чай, наши чаевки. Чай! Блестящее многоцветье коробочек и пачечек чая на прилавках магазинов, мимо которых проходишь с равнодушием!

Что может заменить глоток горячего чая, когда еще минуту назад тебе казалось, что ты сожмешься в комок от стального мороза и превратишься в точку. В ничто. Всего глоток горячего чая — и ты словно заново родился. Нет, молодцы коряки! Нельзя говорить о последней чаевке. Не может она быть последней...

Но вот палатка на нашем пути встретилась действительно последняя. Каюры утверждают, что до Верхней Парени больше не будет ни одного табуна оленей.

В палатке жила оленеводческая бригада, состоящая из двух семей.

Как они нас хорошо приняли! Как они нас вкусно покормили свежей олениной! Еще одно «последнее»: «мозговали» в последний раз.

Включили «Спидолу». Из Москвы передавали информацию о нашем походе. Странное ощущение. Слушаем молча. Переживаем даже, волнуемся, но особо не вслушиваемся в слова диктора. Больше думаем о том, кто из родных и близких сейчас может на материке слушать эту передачу. Еще в начале пути, а потом где-то не то в Эссо, не то в Тигиле корреспондент всесоюзного радио записывал наши голоса. В одной из передач они уже прозвучали, и вот повтор. Оленеводы тоже слушали Москву. Многого они не понимали, в том числе, зачем эти сумасшедшие в такое время года и суток находятся в пути. Но, видя,

с каким интересом мы прильнули к двум нашим приемникам, сами присоединились к нам. Они радостно зашумели, услышав голос Володи Косыгина, который читал стихи о тундре. Под впечатлением передачи и еще потому, что уж больно участливо приняли ее хозяйка палатки, мы настояли, чтобы Володя почитал свои стихи.

Наш поэт во время похода работал над поэмой о чубаровцах. Назвал он ее «Красные чудо-богатыри». И вот почему. В одном из номеров 1923 года «Камчатская правда» (тогда «Полярная звезда») писала: «Никто не спасся от длинного красноармейского штыка, достающего и на протяжении двухтысячестерстного, поистине «ледового пути». Красный боец-герой превзошел все доселе известные походы, и мы смело, с гордостью можем воскликнуть: «Трепещи, буржуазный мир! Красные чудо-богатыри в походе!»

Время от времени Володя, поэт Коянто, читал нам свои еще «горячие» строфы и строки. Порой ему так хотелось этого, что он сам просил: «Папочка (так он называл меня), сделай так, чтобы я читал стихи». Вел он и дневник путешествия. Но работу над поэмой считал главной. В ней есть небольшая автобиографическая глава, в которой рассказывается о теперь уже древнем, довольно диком обычае тундры, когда роженицу оставляли одну в пологе. Одну, без всякой помощи.

Смерть здесь давно
Успела приютиться...
Ты слышишь, женщина,
К тебе ползет она.
Но ты не умерла:
В глухую ночь
Стрелой неслись
К тебе олени...
И русский врач —
России дочь —
Перед тобой
Припала на колени.
Родился мальчик
Черноглазый, краснокожий,
Он первый в тундре
Принят был врачом.
Родился мальчик
В январе...

Последняя ночевка на территории Камчатки, вернее, Камчатской области. Почти не было такого дня, чтобы мы не делали записей в дневниках, не просматривали многочисленные документы, хранящиеся у нас в небольшом чемоданчике. Все было так и на этот раз. Перед тем как залезть в свои кукули, мы перелистали бумаги, выбрали кое-какие данные, записали впечатления. Но сегодня нужно было сделать больше. Ведь раз в неделю мы с Никитой посылали в «Комсомольскую правду» репортажи, написанные в соавторстве.

Оставляя за кормой нашей снежной «эскадры» Камчатку, мы должны были составить для себя хотя бы общее представление о всей области. О тогдашней и сегодняшней.

Нам не придется больше отправлять в город с нарочным наши путевые заметки, передавать по телефону редакционной стенографистке наши репортажи. Не с кем и неоткуда. Завтра, если повезет, мы уже будем на территории Магаданской области.

Перед тем как наглухо упаковать чемоданчик с бумагами, в последний раз перелистали нашу «святая святых» — папку с архивными документами о чубаровцах. На этот раз нас больше всего интересовал Бочкарев. Готовились ко сну с таким чувством, словно завтра с утра нам самим предстоит идти в бой. Такое состояние, наверное, можно понять. Три с лишним месяца мы не расставались с чубаровцами, жили их жизнью, шли их тяжелой дорогой. Они представлялись нам всегда идущими. Днем и ночью. И нам казалось, что мы идем рядом с ними, не отставая ни на шаг, бодем за них, переживаем. Особенно мы волновались за Чубарова. Мы даже думали его мыслями, терзались его сомнениями: успеет или не успеет Чубаров? Встретится или не встретится с Бочкаревым?

Знакомясь с документами, мы уже поняли, что не все было ладно у этого человека, у Бочкарева. Судя по всему, он был мужественный и смелый человек. И неглупый человек. У него под конец набралось тридцать три чемодана, набитых ценной пушниной. И все это невозможно было скрыть от подчиненных, среди которых начались волнение и брожение. По логике вещей, он должен был бояться своих соратников. Русские парни, казаки, обманутые лживыми «патриотическими» лозунгами спасения России, выступили против самого Бочкарева, атамана, есаула, полковника, предводителя, объявившего себя вождем русского Дальнего Востока.

Вот два документа: донесение красноармейцев и воспоминание очевидца тех событий А. А. Кочарова.

«В прошлом году распоряжением полковника Фиалковского и Бочкарева в Оле расстреляны семь человек: поручик Петров, корнет Красовский, мл. урядник Былков, Харитонов, Латыпов, ст. урядник Батаров, вахмистр Саламонов. В Гижиге расстреляны пять человек: штабс-капитан Фокин, капитан Непомилов, лейтенант летчик Вронский, корнеты Нурк, Кораблев. Во время перестрелки в Гижиге убит штабс-ротмистр Славинский, вахмистр Коликов, Бочкарев... ранен...»

А вот что предшествовало этим событиям. «Летом 1922 года, — вспоминает А. А. Кочаров, впоследствии председатель сельского ревкома, — к рейду бухты Ола подошла шхуна «Михаил». На ней находился Бочкарев, арестованный в Гижиге восставшими белогвардейцами во главе с Петровым. Со шхуны в течение дня никто не выходил. Ночью на берег сошла группа людей из отряда Петрова. Они арестовали в Оле бочкаревцев, прибывших из Охотска. Для охраны их оставили небольшое число конвоиров. После этого часть солдат вернулась на шхуну, чтобы сообщить о ликвидации бочкаревцев в Оле. Арестованные бочкаревцы в одной из изб в Оле сумели обезоружить своих конвоиров и направились к Петрову, который утром следующего дня высадился со шхуны, не подозревая о случившемся. Они арестовали Петрова и освободили Бочкарева. В Оле Бочкарев учинил суд над Петровым и его сподвижниками. Петров и его люди были расстреляны. Бочкарев на той же шхуне «Михаил» выехал в Гижигу, чтобы уничтожить там оставшихся «мятежников» из группы Петрова». А сколько не сохранилось подобных документов.

Как мы уже знаем из донесения, приведенного выше, в Гижиге были расстреляны оставшиеся «мятежники» из группы Петрова.

События эти произошли летом 1922 года, то есть за полгода до начала «ледового пути». После них Бочкарев вовсе озверел. Я вообще пришел к мысли, что ни Бочкарев, ни бочкаревцы ничего общего не имели с белогвардейцами как таковыми.

* * *

Последний перевал, самый что ни на есть маленький. Подъемчик небольшой. Уже видна Верхняя Парень, до нее рукой подать. Кажется, за полчаса доберешься. Но куда там. Ноги словно налиты свинцом. Где оно, это знаменитое второе дыхание на финише? Никакого второго дыхания. Очень холодно, и

хочется только одного — тепла. Хочется остановиться, сесть, полежать, поспать. Поспать. Те несколько минут, когда вдруг попадает жесткий наст и хорошо идет нарта, ухитряешься подремать. Даже сон видишь. Просыпаешься потому, что надо вскочить с нарты и столкнуть ее с пузатой кочки. И вновь засыпаешь, продолжая видеть прерванный сон. Такого раньше со мной никогда не бывало. Сон не только, так сказать, многосерийный, но и по собственному заказу. Захотел — перепрыгнул через каньон, захотел — один передушил стаю волков. Все что угодно. Только не тепло.

Помнится, кто-то из ребят сказал, что следующее путешествие — по пляжам Черноморского побережья! И это всем понравилось. То и дело повторяли: «Только по пляжам!», «Только босиком, перешагивая через потные тела!» О чем бы ни говорили, все сводилось к тому, что где-то сейчас и впрямь тепло. По радио передали интервью с Вадимом Кожевниковым, который сообщил, что работает над книгой «В полдень на солнечной стороне». И каждый из нас почему-то счел нужным прокомментировать это название: «Какая разница, на какой стороне, — все равно холодно», «На солнечной еще холоднее», «Интересно, как бы назвал свою книгу Кожевников, если бы он жил на экваторе? Ведь там в полдень нет никаких солнечных сторон», «Вот бы сейчас на экватор», «И чтоб лил теплый тропический дождь», «Нет, нет, нет. Никаких дождей. Только жаркое солнце экватора».

Такое обычно бывает ночью: увидишь огонек и думаешь, что он совсем рядом. Но оказывается, что до него — как пешком до Карабаха. А тут днем, когда все ориентиры у тебя как на ладони, и вдруг: два часа назад до Верхней Парени оставалось километра три и сейчас — столько же. Может, чуть меньше. И я, и Никита служили на флоте (он и сейчас служит), оба знакомы с азами искусства морских сигнальщиков и всегда могли определить расстояние до любого предмета с точностью до плюс-минус один кабельтов. Но тут — что-то невероятное.

Дело шло к полудню, и мы уже твердо знали, что оставшиеся три километра преодолеем к вечеру, не раньше. Одна теперь у нас цель — дойти до поселка за остаток дня.

Три месяца и одну неделю мы находимся в пути. Не верится, что спустя несколько часов наступит конец всему. Главное, конец холоду. Поход на этом не закончится, надо еще хотя бы на вездеходе добраться до побережья Ледовитого океана, но дальше, до самого Магадана наш «Карабах» будет крылатым.

Только все это еще не скоро. Еще нужно пройти эти бесконечные три километра.

Во время очередной (все еще боязно сказать «последней») чаевки больше молчали. Каждый, кто нарушал тишину, почему-то начинал с «волчьей темы». Все-таки не забываются эти парные огоньки. Никак не могли объяснить друг другу, почему не разбудили каюров. Терзали себя за ошибки, вопреки тому, что победителей не судят. Не покидала мысль: «А что, если бы не выстрелила ракета?»

В непосредственной близости от поселка наш «Карабах» попал на нормальную обкатанную дорогу. Мы видели следы машин и тракторов. Не верилось, что ноги больше не будут вязнуть в сыпучем снегу. О, как шли нарты! Какая музыка слышалась нам из-под полозьев! Лицо ощущало ветер. Значит, есть скорость. Пела душа. Только теперь осмотрелись. Увидели красоту. Обведенный снежными горками, как белой крепостью, поселок, от которого шел к небу белый пар. Над домами стояли голубые столбы. Запахло дымом. Рефлекс. Собаки словно чувствовали, что приходит конец трудному пути. Они шустро сенили куцыми лапками, отталкиваясь от ледяной поверхности дороги красными воспаленными подошвами. Кажалось, они улыбаются. То и дело поглядывали назад с открытой пастью и высунутым языком. Они действительно улыбались и словно спрашивали своего каюра: «Ну, как, друг, доволен нами?» Довольны! Конечно, довольны, отныне и навеки вы дорогие нашим сердцам существа. Вы славно поработали. Мы спасли друг друга. Завтра вы вернетесь назад, по этой же дороге в Нижнюю Парень. Вам будет куда легче. Никакого груза. И еще: мы открыли вам дорогу для обратного пути. Мы оставили след.

* * *

У поселкового Совета Верхней Парени нас встретил Борис Егорович Олиференко, работник Северо-Эвенского райисполкома Магаданской области. Ждал он нас больше недели. Рассказывал, что каждый день в заранее приготовленной комнате с утра зажигал печку, ставил чай, грел воду, держал наготове пять или шесть десятков яиц и пару бутылок водки. Не раз хотел было поднять тревогу, но все откладывал до следующего дня.

Его волнение вполне оправдано. Оказывается, из «центра» позвонили в Магадан и сообщили о сроках выхода «Карабаха» из Манил. Нетрудно подсчитать: «Карабах» через три дня дол-

жен был добраться до Парени Магаданской. Мы потратили семь дней.

Стали скидывать с себя камлейки, кухлянки, когагли. Получилась целая гора. Низко наклонились над печкой — чтобы бороду и усы освободить от прилипших к ним соленых сосулек. Выпили по стакану спирта, заели крутыми яйцами и свежим хлебом. Легли на разбросанные по полу полосатые матрацы. И тотчас же, словно по команде, заснули.

Проснулись, тоже будто по команде, все вместе в полдень следующего дня. Спать больше не хотелось. Но и вставать с места не хотелось. Присмотрелись. Практически заново познакомились с Борисом Олиференко. Как он нам всем понравился! Истый северянин. Заботливый. Искренний. Веселый. Великий реалист. Поэтический матершинник.

Разложили на столе предметы, которые назвали одним общим словом «вдребезги»: очки, зубные щетки, мыльницы, бритвенный прибор, авторучки, ампулы, расчески, фото- и киноплёнки. Короче, все, что было изготовлено из стекла и пластмассы. Все можно было пережить. Только обидно, что не получится почти ни одного фото- и кинокадра.

Но все это, в конце концов, мелочи.

Остальные члены нашей группы — Валентин Чубаров, Павел Козлов и кинематографисты — давно уже ждали нас в Гижиге. Не верилось, что Гижига где-то рядом. Три с лишним месяца назад таким далеким, недостижимым казался нам этот поселок. А тут — пятнадцать минут лету на вертолете. Днем по радио передали, что школьники знаменитого поселка встретили сына героя хлебом и солью, повязали ему на шею красный галстук. Интересно было все это слушать.

В Верхней Парени у семидесятилетнего Брагина Акима Михайловича узнали еще одно имя, которое имело прямое отношение к истории похода красноармейцев. Из Парени до Гижиги красного командира Чубарова вез на своей карте Семен Ермаков.

Борис Егорович сказал, что хотим мы того или нет, но придется подождать с отъездом до завтра, ибо на сегодня назначена наша встреча с жителями Верхней Парени. «Они так ждали вас!»

* * *

Похоже, Камчатка для чубаровцев была своеобразным транзитом. Они шли и шли. Торопили время, обгоняли молву о себе. Спешили в бой. А в Гижиге и Няяхане задержались надолго,

ждали открытия навигации. Находились там с апреля по июль 1923 года, пока за ними не прибыл Леванов на судне «Руби».

Вот и вышло так, что Камчатка узнала о походе красноармейцев главным образом благодаря нашей экспедиции, чем мы можем гордиться.

А в Гижиге, и вообще на Магаданской земле, на Чукотской окраине, как мы убедились, до берегов Ледовитого океана чубаровцев знает стар и млад. О них сложены легенды, поются песни, которые оставили после себя красноармейцы.

Десять дней мы пробыли на Магаданской земле, но это уже нисколько не напоминало путешествие. Экспедиция «Карабах» все десять дней продолжала работать: встречаться с людьми. Хлопоты по организации такого рода встреч взяла на себя секретарь Северо-Эвенского райкома партии Валентина Ивановна Авакова.

Пятнадцать лет Валентина Ивановна работает на Крайнем Севере. Была телеграфисткой в поселке Иультен, секретарем комсомольской организации горнорудного комбината, инструктором в отделе пропаганды Хабаровского обкома ВЛКСМ. И вот она — один из руководителей целого района, на гербе которого художник нарисовал олени рога и кусок золота, излучающего свет. Дочь Валентины Ивановны Света Авакова учится в Хабаровском мединституте.

— Не представляю я жизни без Севера, — говорит Валентина Ивановна. — Не могу находиться на материке больше трех месяцев. Тянет сюда...

Бывшему с нами Валентину Чубарову не давали покоя. Это, в общем-то, понятно: школа имени Григория Чубарова, пионерский отряд имени Чубарова, улица имени Чубарова. В кои веки неожиданно-негаданно с материка за тридцать земель приехал сын героя и рассказывает ребятам о своем отце. А ребята собирают все, что связано с походом красноармейцев. В каждой школе комната, отведенная под музей революционной славы отцов.

Одного недоставало нам в этих местах. В сценарии нашего фильма мы отвели заключительный эпизод встрече старика Леванова с сыном Чубарова. Им предстояло вместе прийти на то самое место, где была разбита банда Бочкарева. Леванову было бы о чем рассказать Валентину о его отце, с которым дружил.

* * *

Мы находились в местах, где проходили бои, и в который уже раз задумались над тем, сколь трудна, если не сказать, неве-

роятна, была задача чубаровцев. Всего-то два десятка молодых ребят, да еще с десятков мужиков, которые больше знакомы с повадками медведей и волков, нежели с нравом врага, который готов убить каждого, кто даже случайно окажется на его пути. И самое главное, им предстояло вступить в решающую схватку на финише тяжелейшего похода. Я невольно вспоминал моменты, когда стайер, тяжело дыша, с широко открытым ртом, приближается к линии финиша, едва переставляя ноги и почему-то качая головой. Иногда он после окончания дистанции даже падал без сознания на гаревую дорожку. Это значит — спортсмен выложился полностью. Не осталось ни сил, чтобы стоять на ногах, ни сознания, чтобы радоваться собственному успеху. А что, если такому спортсмену еще предстояло бы вступить в единоборство с противником? Мы много говорили и спорили об этом. И приходили к выводу, что настоящий спортсмен, если бы он знал заранее о предстоящем поединке, сумел бы сохранить в себе последние силы для драки. Ведь у настоящего спортсмена всегда имеются эти последние силы.

Чубаровцы, конечно, не были настоящими спортсменами. Но они были настоящими бойцами. План красноармейцев, безусловно, являлся дерзким, ибо силы врага были велики. И вот почему.

Собирая архивные материалы «Ледового пути», я много читал и об Аляске, о многочисленных зарубежных фирмах, которые посылали прорву своих представителей на Чукотку и Камчатку. Получив дешево Аляску от России, американцы решили вытеснить русских вообще со всего Северо-Востока Азии. Делалось это довольно просто. Сначала они начали заселять Чукотку и Камчатку своими дельцами, разного рода авантюристами, а потом на «законном» основании стали защищать их интересы. С этой же целью в 1900 году была создана «Северо-восточная сибирская компания по поискам золота на Чукотке». Дела у нее шли так бойко, что решено было построить железную дорогу по дну Берингова пролива. Это все документы, факты.

В течение многих лет американские, как их называли, промышленники хищнически грабили огромную территорию Северо-Востока России. И вдруг — революция. Легко себе представить замешательство в стане заокеанских миссионеров. Естественно, что они помогали каждому, кто выступал против новой России. Вот почему и Бочкарев, и Поляков, и Пепеляев, и многие другие, им подобные, чувствовали себя в этих краях как у Христа за пазухой. Оружия сколько угодно, буквально на-

валом. Понадобилась Бочкареву целая радиостанция — пожалуйста. Свенсон, Гудсон-Бей, Томсон, Вирт, Олсен, Волл даже расходы брали на себя. Бочкарев был в полном смысле слова вооружен до зубов. Надо добавить, что у него была какая-никакая, а все-таки армия в полтысячи человек. И против такой машины уже который месяц идет горстка оборванных, голодных людей. Идет, рассчитывая на то, что никто не поверит в это. Рассчитывая на внезапность. Шанс: один из ста. Но один — тоже что-нибудь да значит.

* * *

Красноармейцы приближались к логову Бочкарева. Их уже было 38 человек. Напомним: 20 кадровых бойцов вышли из Петропавловска; 11 тигильских партизан присоединились к первой разведпартии, которой непосредственно командовал Чубаров; двое (Гаврилин и Черемпей) присоединились в селе Ивашка ко второй разведпартии, которой командовал Зенков; и пять автоматчиков под командованием Григорьева вышли из города через две недели после выступления красноармейцев. Как мы знаем, они встретились в селе Каменское. Здесь они уже назывались «Объединенный отряд». Командир Чубаров. Военком Чернов.

Тридцать восемь человек подошли вплотную к месту последнего боя. Три месяца изнурительной дороги, полной драматизма. И вот теперь остались сутки до боя. Последнего боя.

Сделаем небольшое отступление. Можно ли употреблять выражения «Последний бой в Гражданской войне», «Последний выстрел в Гражданской войне». Разумеется, и после На-яханского боя еще слышны были выстрелы, и не только на Северо-Востоке, а и по всей России.

Для описания боя я решил использовать воспоминания только непосредственных участников событий. В основном это записи и рассказы П. Г. Козлова, Т. Ф. Косыгина, П. И. Черемпея. Немалую помощь оказывает исследователям чубаровского похода сын Петра Ивановича Черемпея Иван Петрович Черемпей, который, кстати, сразу после нашего перехода с группой томских спортсменов-туристов прошел на лыжах отрезок чубаровского маршрута. Так что теперь можно сказать, что двое сыновей героев прибыли с материка на полуостров специально для того, чтобы пройти дорогой отцов. Это в их честь в «Камчатском комсомольце» была открыта рубрика «Дороги отцов — наши дороги».

Итак, бой. Последний бой.

Ночь с 10 на 11 апреля 1923 года. Чубаровцы подошли к местечку Волочек. Трудно назвать его селом или поселком. Всего-то несколько домишек, неподалеку от Гижиги. Здесь красноармейцы узнали, что месяц назад Бочкарев перебрался из Гижиги в Наяхан, оставив на прежнем месте небольшой (около тридцати офицеров) отряд — заслон. Узнав подробности о расположении заслона, Чубаров дал команду немедленно двинуться в Гижигу. Около двадцати собачьих упряжек — это более двухсот собак — через три часа одна за другой вошли в ночную Гижигу. Накануне была Пасха, и бочкаревы, не подозревая, конечно, о приближении красных, продолжали веселиться. Чубаров распорядился, чтобы бойцы не открывали огня, пока весь отряд не займет необходимую позицию. На прицел нужно было взять казарму и все дома, в которых расположились офицеры. Задумано было верно. В течение нескольких минут практически все бочкаревы были уничтожены. Для тщательного осмотра казармы и других помещений требовалось достать фонарь. Поручили это дело Высоцкому, который, выполняя задание, в темноте наткнулся на неизвестного, который в упор выстрелил из пистолета в красноармейца и легко ранил в руку. Но Высоцкий не растерялся и тут же заколол противника штыком. Только к утру узнали, что это был бочкаревский поп, о котором не раз говорили, что, «глядя на бочкаревского попа, люди отказывались от Бога».

Выигран бой. Но это только начало. Главное впереди: Наяхан. Там, где находятся Бочкарев и Поляков. Там, где, по данным разведки, около сотни офицеров и около двухсот солдат. И все они вооружены до зубов. Начисто уничтожен бочкаревский заслон, буферный отряд, который, кстати, был поставлен есаулом просто так, на всякий случай, с целью соблюдения канонов военной стратегии. Откуда угодно мог он ждать противника, хоть с севера, хоть с запада, хоть с неба, черт возьми, но только не с востока! Быть этого не может — на Чукотке красных еще нет. На Камчатку, правда, прибыл Отдельный Камчатский батальон войск Охотско-Камчатского края под командованием М. П. Вольского. Прибыл он из Владивостока на судне «Томск», который был переименован в «Главком Уборевич». Об этом Бочкарев хорошо знал. Но что с того? Их всего-то там 257 человек. Что этот отряд может сделать? Он прибыл в Петропавловск 25 декабря 1922 года, три месяца назад. За три месяца по зимней Камчатке из Петропавловска до Гижиги и птица не долетит (птица действительно не долетит). Все знают,

что оттуда, из города, на север, к материку, нет никакой дороги. Да к тому же совсем недавно в ту сторону, то есть на восток, были отправлены один за другим несколько отрядов. Так что Бочкарев был спокоен.

Но не был спокоен Чубаров. Если до сих пор он просто спешил, то теперь спешил обогнать молву о своем продвижении, так как понимал, что молва эта самый что ни на есть лютей враг. Он должен был прибыть в Наяхан быстрее, чем долетит туда слух о полном уничтожении заслона.

Гижигинцы помогли красноармейцам и партизанам сменить собак, и рано утром отряд вновь отправился в путь. В строй вошли несколько добровольцев. Нам удалось установить только два имени: Андрей Красовский и Михаил Попов. Весь поселок вышел провожать своих освободителей. Но никто из гижигинцев не знал, что под церковью заложена взрывчатка. Бочкарев приказал: «Загнать всех жителей в церковь и взорвать».

На реке Большая Гарманда чубаровцы встретили местного жителя, который ехал из Наяхана в Гижигу. Сведения он передал просто-таки бесценные. Оказалось, что вслед за ним едут четверо бочкаревцев. Григорий Иванович немедленно принял решение устроить засаду. Вскоре появились упряжки. Их решили пропустить в глубь засады, с тем чтобы легче было всех перестрелять.

Неожиданно перед первой упряжкой бочкаревцев пробежал заяц, и собаки с истошным воем рванулись за ним. Красноармейцы подумали, что противник учуял неладное и хочет повернуть назад — ведь до Наяхана осталось всего каких-то 16 километров. И открыли огонь. Троиخ убили. Одного удалось взять живым. От него узнали страшное известие: они, эти четверо, среди которых были два полковника — Зозулевский и Фиалковский, — по распоряжению Бочкарева ехали в Гижигу для того, чтобы взорвать церковь с прихожанами и сжечь поселок. К этому, оказывается, были готовы и те бандиты, которых ночью перебили чубаровцы.

Невольно задумаешься. Три месяца чубаровцы находились в пути. Теперь мы сами знаем, что это такое. Конечно же, могло случиться так, что они опоздали бы, прибыли в Гижигу на день позже. Могло быть и так...

До Наяхана чубаровцы добрались ночью. Оказалось, что Бочкарев и все его окружение находятся в трех километрах от Наяхана — там, где расположились казармы и здание радиостанции. Выяснилось и то, что белые понятия не имеют о при-

ближении красных, как не имел понятия и никто из жителей поселка.

Всего три километра отделяли Чубарова от Бочкарева. Пройдено две тысячи, и вот остались три. Надо спешить как никогда. В одном повозло: накануне бочкаревцы пьянствовали, и вряд ли у них утром будет своевременно сыгран подъем. Надо успеть к рассвету, чтобы самим сыграть им подъем.

На рассвете 13 апреля отряд красноармейцев приблизился к самому логову атамана Бочкарева. Остановились в пятистах метрах от радиостанции. Решено было последние полверсты пройти без упряжек, а нарты с пулеметами тащить на себе. Часть тигильчан остались в резерве, им предстояло пригнать остальные нарты уже после начала боя.

Северное апрельское утро. Небо на востоке светлело. Дул легкий хиус. Хрустел снег под торбасами бойцов, нарушая мертвую тишину.

На вахте у бочкаревцев — двое часовых. Первая задача — снять их бесшумно. Задача не из простых, и от выполнения ее зависело многое. Два тигильских партизана, два друга, два охотника — Андрей Мухин и Тимон Косыгин — сняли в темноте часовых так ловко и так быстро, что Чубаров не сразу поверил им.

Красноармейцы одновременно закидали гранатами почти все окна. Тут же открыли огонь. Но они не ожидали, что белых окажется так много. В течение нескольких часов шел бой. К полудню выяснилось, что патроны на исходе. А у белых в одном из помещений хранилось сорок ящиков патронов, большое количество американских пятызарядных винтовок и множество винчестеров.

Вместе с красноармейцами и партизанами вели бой несколько жителей из Наяхана. По приказанию Чубарова один из них, Феодосий Чивиткин, отправился в поселок и в течение короткого времени собрал необходимое количество патронов. Внезапность нападения сыграла все-таки свою роль. Большая часть бочкаревцев была перебита. Уцелевшие отстреливались, но уже понимали, что песенка их спета. И лучше всех понимал создавшееся положение сам Бочкарев. Он крикнул в окно, воспользовавшись минутной паузой в бою: «Господа, сдаюсь ради детей и женщин». Услышав голос есаула, Чубаров весь напрягся. Он слишком хорошо знал Бочкарева. Не верится. Но факт остается фактом. Вон и белый флаг появился. Значит, это конец. Значит, и радиостанция уцелеет. А то ведь красноармейцы

предлагали закидать ее гранатами, да он не разрешил: «Радиостанция нам еще нужна».

Чубаров дал команду «прекратить огонь» и обратился к Бочкареву с требованием о немедленной капитуляции как офицеров, так и нижних чинов, находящихся в другом помещении. Все слышали, как Бочкарев велел высокому офицеру пойти и передать нижним чинам приказ о прекращении огня. Офицером этим был сотник Григорьев. Вместе с сотником двинулись к помещению Чубаров, Зенков, Гаврилов. Чуть поодаль шли Бережнев, Сувейзда, Анашкин. Стояла мертвая тишина. Когда группа прошла метров пятьдесят и сотник Григорьев поднял руку с тем, чтобы передать слова атамана, раздались выстрелы. Причем стреляли не только из помещения, где находились нижние чины, но и офицеры. Бочкарев громко заорал, обращаясь к своим: «Господа, спасайся!» Замысел Бочкарева стал предельно ясен. На прицеле одновременно находилось все командование красных: Чубаров — командир объединенного отряда, Зенков — командир второй разведпартии, Гаврилов — комиссар второй разведпартии. Бочкарев, конечно, не знал, кто они такие, но, видя, что бойцы их слушались, он сделал соответствующие выводы.

В самом центре поля боя под перекрестным огнем, где неистово свистели пули, обжигая морозный воздух, лежали убитые Зенков, Гаврилов и сотник Григорьев. Чуть в стороне, в кювете — Чубаров, не имея возможности поднять головы.

Он понял, что допустил ошибку. Поверил человеку, который сейчас, в эти минуты, уверен, что по его приказу взорвана церковь с прихожанами, что горит целый поселок. Все еще невозможно было поднять головы. Чубаров раз попытался — продырявили шапку, второй раз — ее как ветром сдуло с головы. Когда огонь чуть стих, Григорий Иванович ползком выбрался из кювета и пробрался к своим.

Перестрелка длилась до вечера. Никто не обратил внимания, когда и кем был сделан последний выстрел. Команды «прекратить огонь» не было, но выстрелы прекратились разом. Все замерло. Некоторое время люди оставались на своих местах, они были под впечатлением коварного обмана противника.

Командира Зенкова и комиссара Гаврилова пули сразили насмерть, попав им в головы. Убиты были и Кузнецов, Строт, Федотов. Ранены Бережнев, Сувейзда, Анашкин.

Постояв с минуту у тел павших боевых товарищей, Чубаров направился к радиостанции. У самой стены лежал лицом вниз атаман Бочкарев, залитый кровью. В полусогнутой руке зажат

пистолет. Чубаров наклонился к убитому и перевернул его на спину. Люди увидели перекошенное лицо атамана, который, казалось, уставился на небо испуганными красными глазами.

Как выяснилось, Бочкарева убил Парамон Козлов, адьютант Чубарова. Но какая теперь разница, кто убил.

Кто-то из бойцов принес командиру его шапку-ушанку. Пуля отбила на ней звездочку. Чубаров снял звезду с шапки Василия Зенкова. Вытащил кинжал из ножен и, чуть расширив им дырку на шапке, приколот звезду.

* * *

В магаданских архивах обнаружили такую запись: «В Гижиге отряд Чубарова находился до открытия навигации. В середине июля 1923 года пришел пароход, на котором прибыл уполномоченный Камчатского облревкома».

Как нетрудно догадаться, этим уполномоченным был Борис Александрович Леванов, с которым я встречался в Москве на Цветном бульваре в «Литературной газете». Это произошло после публикации моей статьи «Последний выстрел» («ЛГ», 1972, 1 мая). Прочитав статью, он написал в редакцию. И вскоре мы встретились. Сейчас Борису Александровичу идет девятый десяток, но об этом можно судить только по паспорту. На вид ему лет семьдесят, а то и шестьдесят. Я всегда обращал внимание на нечто общее у всех участников тех далеких событий. Это какая-то молоджавость и бодрость в старости. По-видимому, дает себя знать та закалка, которую они получили в юности на Крайнем Севере, преодолевая невероятные лишения и испытания.

Разговор Леванов начал с командира отряда Чубарова:

— Чубаров был человеком огромного мужества. О мужестве Григория и других красноармейцев говорит сам поход и то, что горстка молодых ребят, как говорится, зеленых, безусых парней, окончательно добила последний оплот белогвардейцев. Я познакомился с ними, когда все уже было позади. Все их трудности. Все горести. В первую же минуту по прибытии в Нааяхан мне довелось быть свидетелем исторического дуэта двух радистов.

- Где Бочкарев? — спрашивал радист из Петропавловска.
- В бухте, — отвечал его коллега из чубаровского отряда.
- Где Поляков?
- В бухте.
- Где все офицеры?
- В бухте.

Борис Александрович обладал прекрасной памятью. Действительно, текст последней радиобеседы звучал именно так, как он рассказал.

Дело в том, что никто не хотел хоронить людей, которые принесли столько горя и несчастий населению. Тела убитых были выброшены в Гижигинскую губу, бухту.

Эту радиограмму можно считать последней официальной радиограммой в Гражданской войне. Сейчас поселка Наяхан нет. Остались только фундаменты от бывших бочкаревских казарм и от радиостанции.

Закончился наш поход. Завершила свою работу экспедиция «Карабах». Мы поднялись на высокую и крутую горку, которая возвышается рядом с полем последнего боя. Горку эту называют Чубаровской. На самой вершине установлен обелиск. Здесь похоронены павшие герои. Их пять человек: Зенков, Гаврилов, Кузнецов, Строт, Федотов. Восемьдесят пять дней и восемьдесят пять ночей шли они сквозь белую мглу, не зная усталости и торопя время.

Среди тех, кому посчастливилось увидеть победу, было много раненых. С утра до вечера приходилось в те дни трудиться фельдшеру Русину. Причем лечил он не только своих бойцов, но и бывших солдат Бочкарева. Лечил и хлебопека Баграта, которого казаки спрятали у старого эвена. Каждый день по просьбе Чубарова, которому стала известна тяжелая судьба раненого армянина, лечпом Филипп Русин делал тому перевязки, но до Петропавловска его все-таки не сумели довести. Высадили в Усть-Тигиле, так как дальнейшее пребывание его на судне было опасно для жизни.

Невозможно подсчитать, сколько таких Багратов осталось в живых благодаря Чубарову! Мы счастливы, что шли трудной дорогой этого человека, видели своими глазами то, что видел он и его друзья. Мы узнали, что в глухих уголках Пенжинской тундры имя Чубарова люди произносят с особым уважением. Его именем называют детей и внуков.

* * *

...Два дня наш экипаж провел в Магадане. Встречались с его жителями. И вот мы вновь возвращаемся в родной Петропавловск-Камчатский.

Еще в воздухе, прильнув к холодным стеклам иллюминаторов, смотрели сверху на Авачинскую бухту. Ты ждешь нас, Авача, и мы скоро придем поклониться твоим обрамленным седыми сопками водам.

Самолет бежит по бетонной дорожке. Вдали — вулканы: приземистый, с покатыми плечами Авачинский и островерхий, статный Корякский, ставшие эмблемой города. Они всегда хорошо видны потому, что самолеты летают только в ясную погоду.

Помахав Авачинской и Корякской сопкам, мы направились в город. Шофер остановил машину на новой улице в новом квартале, где поднимались к небу массивные строительные краны. Мы вышли из машины. Улицу, как таковую, было трудно пока определить: с одной стороны выстроился прямой ровный ряд домов, с другой — еще пустырь, ямы, сугробы, где играли дети. Остановились у нового жилого дома. Еще не на всех окнах есть занавески, не на всех балконах развешаны связки сушеной красной рыбы. Словом, судя по всему, не все еще успели справить новоселье.

Молодой парень в бушлате без погон, взобравшись на деревянного «козла», измазанного красками, прибавил к углу стены дощечку с надписью: «УЛИЦА ЧУБАРОВА».

Мы стояли и молча смотрели, как на краю света, там, где начинается утро нашей Родины, на новой еще улице, только что получившей свое имя, играют и веселятся звонкоголосые дети. И никто тогда не знал, что в 1937 году Григория Чубарова расстреляли, а в 1955 году, еще до XX съезда КПСС, реабилитовали, сняв с него клеймо «врага народа».